

ДЕПОРТАЦІЯ КРИМСЬКОТАТАРСЬКОГО НАРОДУ - ЯК ЦЕ ВІДБУВАЛОСЯ... (СПОГАДИ ДЕПОРТОВАНИХ)

До уваги читачів нами пропонуються письмові свідчення кримських татар, які безпосередньо пережили 18 травня 1944 року – день депортації кримськотатарського народу зі своєї Батьківщини. Публікуючи їх у бюлетені “Кримські студії”, ми сподіваємося, що ознайомлення з ними української громадськості сприятиме справедливому вирішенню політико-правових проблем, пов’язаних з відновленням прав кримськотатарського народу.

Вчитайтесь в ці спогади. Вони є свідченням геноциду, що був здійснений комуністичним режимом по відношенню до корінного народу Криму. Декого з авторів цих спогадів, на жаль, вже немає серед живих – вони йдуть від нас все частіше...

Ми прагнемо побудови демократичної України. Але чи зможемо ми досягти цієї високої мети, якщо не відчуємо біль цілого народу, який не тільки був викинутий зі своєї рідної землі, але й протягом майже півстоліття насильницькі утримувався у вигнанні?

Маємо розуміти й те, що відновлення історичної справедливості у сучасному українському суспільстві не може відбуватися вибірково. Не можна безкінечно затягувати з вирішенням подальшої долі цілого народу, що повертається на свою Батьківщину. Український політикум зобов’язаний зрозуміти, що усунення катастрофічних наслідків жахливих злочинів, здійснених тоталітарним режимом СРСР проти українського та кримськотатарського народів, безпосередньо пов’язана з національними інтересами незалежної Української держави.

...Перед нами спогади лише невеличкої частини кримськотатарської спільноти про пережите ними. Але знаймо, що вони свідчать також він імені сотень тисяч тих, чії могили розсіяні на чужині - малолітніх дітей, жінок, чоловіків - хто загинув від голоду, холоду, знущань та каторжної роботи в умовах спецпоселень та комендантського режиму.

Відчуймо їхню біль! Втішимо їх - живих, та вишануймо пам’ять сотень тисяч жертв депортації відновленням справедливості.

(У публікації використані листи-спогади з архівної колекції Меджлісу кримськотатарського народу, яка постійно поповнюється завдяки невтомній діяльності групи дослідників на чолі з Рефат агъа Куртієвим. Також ми висловлюємо подяку видавництву “Оджакъ (Сімферополь)”, яке видало у 2004-2005 роках два томи спогадів, а зараз готує до видання третій том).

**Центр
та документації кримських татар**

інформації

Абдуллаев Дилявер Мамбетович, родився 30 августа в 1929 году в городе Симферополе. Семья состояла: отец Мамбет (1894), мать Урие (1905), я, средний брат Аттила (1932) и младший брат Рустем (1938). Мы тогда жили в райцентре Фрайдорф. 18 мая 1944 года рано утром кто-то грубо разбудил меня, открываю глаза, смотрю, стоит капитан и грубым голосом говорит мне: «вставай!». Я встал, а он раскрыл одеяло, потом матрас и спрашивает, есть ли оружие. Я сказал, что оружия у нас нет и оно нам не нужно. После чего он приказал

одеваться и выходить на улицу. Я вышел в первую комнату, мать одевала младшего брата, а потом среднего (он был инвалид). Мать мне сказала, что нас выселяют из Крыма, об этом ей сказал капитан. Ещё несколько солдат крутились у нас дома, отца не было (его в 2 часа ночи увели солдаты, чтобы он сдал кассу, он работал кассиром в банке).

Нам сказали, чтобы скорее собирались и выходили на улицу. Бабушка не понимала, что нас выселяют. Когда до неё дошло, к этому времени привели отца и ещё несколько татар. Это были люди из Южного берега, они зачем-то приехали несколько дней назад. Среди них был отец Мустафы Джемилева.

Привезли нас в Евпаторию. Оттуда погрузили в вагоны, в каждый вагон по 40-50 человек. Медицинского обслуживания не было. Еду и воду давали только на остановках. В пути находились 18 суток. Привезли нас на станцию Курган-Тепе Андижанской области и сразу погнали в баню. Потом нас отвезли в кишлак Тешикташ. Работали на хлопковых полях. Через неделю умерла бабушка.

Учились на русском языке. В 1946 г. я устроился на работу на строительство ГЭС. Когда закончилось строительство, я остался там работать дежурным. В 1949 г. переехали в Андижан, я устроился на работу монтажником в РУ-10. Вечерами посещал вечернюю школу №38, которую в 1954 г. окончил с золотой медалью. В этом же году поступил в Андижанский педагогический институт на физико-математический факультет. С 1960 г. до самой пенсии работал в Андижанском телецентре. Младший брат Рустем погиб в армии в 1957 г. Средний брат Аттила умер в 1966 г.

Сейчас живу в г. Симферополе, Фонтаны-1, ул. Наврез 12/8.

Абдуллаева (Ибрагимова) Гульнар, родилась 10 января в 1936 году в г. Симферополе Крымской АССР. В семье было 9 человек: папа, мама, 4 сестры и 3 брата. 18 мая 1944 г. к нам в дом вошли солдаты с автоматами и приказали собираться. На сборы дали 15 минут. Выгнали из дома и погнали к машинам. Вещей было очень мало, мы, дети, шли полуодетые. Отправили нас из Буюк-Онлара. Грузили в товарные вагоны, дети плакали, мама хлопотала за нас, чтобы мы не потерялись, и за папу, он из-за болезни не мог самостоятельно ходить.

Когда в пути состав останавливался, все выбегали из вагонов, чтобы готовить еду. Точно знаю, что солдаты нас не кормили и не поили.

Я не помню, чтобы кто-то спрашивал у нас о здоровье, мы не имели возможности умываться (не было воды), спали в чём были. Появились вши, мы их давили пальцами. Умерших оставляли на дорогах.

По словам родителей, ехали мы 24 дня. Нас выгрузили на разъезде Файзиабат Ферганской области. Поселили в пустом доме, на стенах огромные щели. Ночью мы проснулись от страшного крика, оказывается отца укусил скорпион. На следующий день приехал мужчина на лошади и кричал, что пора на работу. Кушать было нечего, мы голодные шли на работу. Когда пришли к месту, то нам дали вёдра и сказали, чтобы мы собирали урюк. Мы из-за голода начали есть урюк и пили грязную воду. На другой день очень многие заболели. Каждый день мы слышали о смерти своих соотечественников. Каждый день хоронили по 2-3 человека. Аллах нас миловал, в нашей семье никто от голода не умер. Мама работала на хлопковой плантации. В доме оставался только больной отец.

В середине июля мы перебрались в районный центр Алты-Арык. У мамы был диплом и её приняли на работу, дали маленькую комнату. Учились в русской школе. До обеда учеба, потом работа на полях. В 12 часов ночи мы занимали очередь за хлебом и к 6-7 утра получали 0,5 кг хлеба. В 1953 году я окончила 10 классов и поступила в Андижанский педагогический институт. В 1954 году вызвали в комендатуру и объявили, что освобождают от подписки.

Проживаю в г. Симферополе, Фонтаны-1, ул. Наврез 12/8.

АБДУЛЛАЕВА Эсма, родилась 3 мая 1932 года в дер. Айсерез Судакского района.

Наша семья состояла тогда из 8 человек: отец – Абдулла Билялов (1905-1945), мать – Мерьем Деве (1913-1945), брат Смаила (1930), я, младшие братья и сестры – Бекир (1935-1947), Февзи (1937-1995), Февзие (1939-1947) и Осман (1942-1946).

18 мая 1944 года рано утром, когда мы все еще спали, в дом громко постучали. Отец зажег лампу и открыл дверь. На пороге стояли двое вооруженных солдат. Спросили сколько человек в семье. Отец ответил: “Восемь”. “На сборы 15 минут. Соберите вещи и быстро выходите из дома, вас выселяют”. Никто не сказал, за что выселяют и куда везут. Отец растерялся, у мамы на руках двухлетний ребенок. Мы все дети, как можно собраться? Успели взять только мешок фасоли. В чем были, в том и покинули дом. Всех жителей села собрали возле кладбища. Люди думали, что привели на расстрел. Погрузили, как скот, в машины и повезли на станцию Феодосия. Помню, шел сильный дождь. Машину подогнали вплотную к вагону и затолкали людей вовнутрь. Вагоны были двухъярусные. Когда проезжали Сиваш, все горько плакали, прощались с Родиной.

Воды и туалета не было. Когда поезд останавливался, все бежали под вагоны справлять нужду. В нашем вагоне не было умерших, только одна женщина родила в пути. Медицинского обслуживания не было, нас везли на вымирание, и никому мы не нужны были. В пути кормили какой-то баландой, мы зажимали нос и глотали. Не помню, сколько раз кормили, но все время хотелось есть.

В начале июня наш эшелон прибыл на станцию Каттакурган Самаркандской области Узбекской ССР. Разгрузили в парке, затем повели в баню на санобработку. Потом на машинах развезли по колхозам. Наша семья попала в колхоз “Сталиналимбай” Карадарьинского района. На две семьи дали кибитку без окон, внутри всё черное от копоти и дыма. В одной комнате жили 15 человек.

Местные жители вначале нас не понимали, потом привыкли. На следующий же день после прибытия всех погнали на работу. Мои родители работали на уборке овса. Я с братом работала на хлопковом поле.

Летом 1945 г. мама пришла с работы, сказала, что болит голова, легла и умерла. Маму обмыла сама. В конце месяца умер отец от горя и переживаний, все время думал, как же он один поднимет детей. Родственники из соседнего села помогли похоронить родителей. Мы, шестеро детей, остались одни. Раис прислал арбу, чтоб младших детей отправить в детдом. Я не хотела отпускать, но меня уговорили, и самых младших увезли в Карадарьинский детдом, но не надолго. Бекир все время плакал. Мне сообщили, что детей отправляют в Самарканд. Пошла просить директора, чтобы вернули детей, но мне не разрешили. Попросила помощи у родственника Мустафа агъа, он забрал детей.

Если не выходила на работу, приезжал бригадир и плеткой выгонял на поле. А дома четверо детей.

В 1946 г. заболел Осман. Пришла медсестра и сказала, что его следует везти в больницу. Проработала на поле до обеда, взяла его на руки и пошла в Карадарьинскую больницу, это 15 километров от нас. Не успела дойти, поэтому заночевала у знакомых. Устала, уснула, положила рядом братишку. У него ноги холодные, думаю, почему в такую жару он мерзнет. Хотела разбудить, а он уже мертвый. Мне дали тряпку, я его завернула и на руках понесла домой, обмыла и похоронила. По дороге знакомые узбечки, увидев завернутого ребенка, недоуменно спрашивали: “Зачем в такую жару его закутала?”.

В 1947 г. Бекир и Февзие заболели желтухой. Их положили в больницу, они лежали на кровати, я на полу. После приезда домой, родственница из соседнего села предложила забрать к себе Февзие. Через месяц сообщили, что Февзие умерла от лихорадки. Соседи-узбеки помогли ее похоронить.

Через некоторое время заболел Бекир. Возвращался из школы и упал в обморок в соседнем дворе. Я с трудом перенесла его домой. Хотела посидеть с ним, но бригадир не разрешил, приказал выйти на работу. Бегу на работу, соберу немного хлопка, а потом домой. Братик еле дышит, так и умер один дома. Сходила к реису, он помог достать мыло, саван. Обмыла братика и похоронила.

Когда сейчас вижу похоронную процессию, не могу смотреть вслед. За три года депортации похоронила пятерых своих близких.

Никакой ссуды от государства нам не давали.

В Крыму закончила 3 класса, и больше учиться не пришлось. Дети учились в школе на узбекском языке.

Раз в месяц ходили к коменданту на подписку.

В первые годы высылки все ждали, что нас вернут на Родину, родители умерли со словами: “Къырым! Къырым!”.

В 1953 г. вышла замуж за Керима Джемилева, который жил в городе Каттакурбан. Чтобы переехать к мужу, просила разрешение у коменданта. Как-то без разрешения поехала в колхоз, чтобы проведать своих родных, комендант увидел, и я вынуждена была целый месяц ежедневно ходить на подпись.

В начале 1990-х гг. с мужем и детьми вернулись на Родину. У нас 5 детей и 10 внуков. Муж умер в 2000 году.

Живу в с. Къоз (Солнечная долина) Судаковского района, по улице Абляким-оджа, 7.

Абдураимов Эвлия, родился 22 апреля 1933 г. в деревне Сарылар Ленинского района. В семье было 10 человек. Состав семьи: отец Абдураим (1899), мать Эсма (1905), брат Эдем (1926), сестры Файзе (1928), Невкизе (1930), я и 4 младшие братья и сестры.

17 мая 1944 года вечером в деревню прибыли много грузовых машин. Тогда это было обычное явление, никто на это внимания не обращал.

18 мая на рассвете, когда мы ещё спали, к нам постучали, я проснулся. Смотрю, стоят один офицер и два солдата с автоматами. Отец начал собираться, а офицер говорит: «Собирайтесь все. – Потом он что-то зачитал и добавил: – Вам 30 минут на сборы, взять с собой только всё необходимое».

Машину пригнали прямо к нашим дверям. К обеду наша машина уже была на станции Семь Колодезей, где нас всех погрузили в телячьи вагоны. На окнах были колючие проволоки. Я узнал от старших, что в вагон погрузили 92 человека. По пути на какой-то станции местные жители забросали нас камнями. Никакой медицинской помощи не было. В пути умерла одна старушка и наш младший брат. На станции их сняли с вагона, где похоронили - не знаем. До станции Джума Самаркандской области ехали 28 суток. По прибытию несколько суток ночевали на улице. Потом нас отвезли в колхоз им. Ордженикидзе. Всех поместили в сарай, вместо постели дали солому. Кто был старше 12 лет, работали на колхозных полях. От голода в нашей семье умерли три младшие братья и сестры. Трое мужчин ходили по домам, собирали трупы.

Лекарств никаких не было. Питались жмыхом. Чтобы попасть в район, надо было взять разрешение у председателя колхоза. В 1946 г. пошёл в школу, где получил образование на русском языке. В то время даже разговаривать на родном языке не разрешали.

Проживаю в г. Феодосия, п. Приморский, ул. Адаманова, 26.

Абдурафиева (Абдураманова) Сулгание, родилась 12 февраля 1935 года в дер. Баатыр (Багатырь) Бахчисарайского района.

Наша семья состояла из 5 человек: отец – Абдураман, мать – Рабие, я, братишка Нафе и сестричка Сабрие. Сестричка Сарие родилась в 1947 году в депортации и умерла в 7-месячном возрасте от воспаления легких. 17 мая 1944 года составляли списки членов семьи, но для чего, не объяснили.

18 мая в 2 часа ночи в дверь громко постучали. Отец встал в нижнем белье и открыл двери. На пороге стояли трое военных с автоматами. Отца сразу арестовали. Приказали стоять на месте, а не то расстреляют. Маме приказали в течение 10 минут собрать детей. Разрешили взять только ложки, кастрюлю и чашки. Мама, как была в платье с короткими рукавами, так и вышла из дома.

На улице моросил дождь. Пожилой солдат, охранявший машину, в которой сидели наши соседи, посоветовал маме, чтобы она вернулась домой и надела на себя что-нибудь теплое. Но двери дома уже были заперты. Рядом стояла грузовая машина, в которую нас всех погрузили и привезли на станцию Сюрень. Машину подогнали вплотную к вагону, открыли задний борт и перегнали людей в грязный, скотский вагон. Туалета и воды здесь не было. Нужду справляли в ведро, огородив угол вагона одеялом. Кормили в пути раз в сутки: давали баланду и ржаной хлеб по одному кусочку. Медицинского обслуживания не было. Умерших выносили с вагона и оставляли на станции, не давая хоронить. Помню, на одной из станций все побежали за водой и едой. Мальчик с соседнего вагона 10-12 лет тоже побежал за водой, но когда вернулся обратно, солдат схватил его за грудки и со всей силы швырнул на колеса

вагона. У мальчика со рта и носа пошла кровь. Поезд тронулся, а он так и остался лежать на месте.

Не знаю, сколько суток мы провели в дороге.

Привезли нас на участок Кума Юрьинского района Марийской АССР, разместили по баракам, в одном бараке по 8-10 семей. Барак представлял собой одно большое помещение, где посередине размещалась печка. На второй день у родителей по списку забрали паспорта и объявили об условиях комендантского режима. Всех предупредили, чтобы никто никуда не выезжал и не покидал территорию участка, а один раз в месяц необходимо было отмечаться у коменданта. Родители работали на лесоповале. Взрослые валили лес, а мы, дети, ходили с ними вместе и собирали ветки, складывая в кучи. Здесь мы все переболели тифом.

В 1947 г. всех нас, 152 семьи, погрузили на машины и перевезли в Звениговский район, где разместили в бывшей заводской конюшне. У каждой семьи своя “комната” – стойло лошади, 2х3 м. Родители работали на судостроительном заводе им. Бутякова. Отец возил по заводу запчасти, а мама работала уборщицей в токарном цеху. Питались замерзшей картошкой, из которой делали лепешки. 200 грамм хлеба, которые нам выдавали, конечно, не хватало.

В школе мы обучались на русском языке. В 12 лет я пошла в 1 класс. До 1956 г. учиться в техникуме и институте нам не разрешали. В 1953 г. я устроилась работать сварщицей на заводе. После смерти Сталина стало легче жить, и мы могли свободно передвигаться по району. В 1955 г. по вызову мы переехали в гор. Мирзачуль Узбекской ССР. Там я вышла замуж за Решата Абдурафиева, родила 8 детей и в сентябре 1973 г. всей семьей мы переехали на родину – в Крым. 2 года жили без прописки.

Мой адрес: Ленинский район, село Луговое, улица Луговская, дом 71.

Абдурафиев Решат, родился 28 сентября 1929 года в дер. Махальдур (ныне Нагорное) Куйбышевского района.

Семья у нас была большая: отец – Абдурейфий, мать Фатиме, братья Кемал, Сеиджелил, я, сестренки Диляра, Гуляра, братишка Нури. В 1941 году родилась сестричка Леннара, а самый младший Сеитвели родился в 1946 году в депортации, в Узбекистане.

17 мая 1944 года вечером два пожилых солдата пришли к нам в гости, мама накрыла на стол. Один из них посадил меня на колени и стал плакать. Когда отец спросил его, почему он плачет, тот ответил: “Вспомнил своих детей”. В тот день мы всей деревней закончили посадку табака, а на следующий день решили отметить это событие, но вместо этого в 5 часов утра раздались громкие удары в дверь. Отец открыл дверь, но его тут же зажали автоматами в углу. Солдаты выпытывали, кто живет в доме. После этого ему разрешили одеться. На сборы дали 15 минут. Наспех одетых нас вытолкали на улицу и отогнали, как скот, за табачные сараи. Вся деревня была оцеплена военными. Нас сопровождали солдаты с автоматами. Подъехали грузовые машины и всех погрузили в них. Привезли на станцию Сюрень и, подогнав вплотную к вагонам, выгрузили. В вагоне было 102 человека: жители Балаклавы и Севастополя. Набив вагоны людьми, сразу закрывали засов. Еще не успели тронуться с места, всех начали заедать вши, мы выбирали их друг у друга всю дорогу до Узбекистана. Туалета, воды в вагоне не было. Медицинское обслуживание полностью отсутствовало. Кормили один раз в сутки: давали кусочек черствого хлеба и баланду. В

нашем вагоне умерла бабушка, мы ее обмотали и оставили на станции у дороги. По дороге поезд закидывали камнями и кричали “предатели”.

В пути мы пробыли 23 дня. Привезли нас на станцию Голодная степь гор. Мирзачуль Узбекской ССР. Там погрузили на арбы и повезли в колхоз “Октябрь”. Нашу большую семью никто к себе не пускал. Поэтому нас повезли на хлопковую сушилку. Увидев чужих людей, работавших там, дети перепугались и начали кричать. Председатель колхоза сказал: “Если не нравится, езжайте назад на станцию”. Но тут подошел наш земляк и помог поселиться в мечети, переделанной под клуб. Нас поселили за перегородку, в помещение размером 2x10 метров. Два дня мы вычищали эту комнату. Через месяц нас перевели в школу, в один из классов, где учились тридцать человек. Зима в том году была очень холодная. В декабре в нашей семье появился еще один ребенок – Энвер. Но вскоре он заболел воспалением легких и умер. Мама работала уборщицей в школе – это спасло нашу семью от голодной смерти. Все переболели малярией.

Уже на второй день по прибытии всех погнали на работу – на прополку хлопка. Девять лет я работал возчиком на арбе. Тогда мне было 15 лет. До 1953 г. я работал в колхозе, затем пошел учиться на тракториста в школу механизаторов.

В школе детей учили кого на русском, кого на узбекском языке. Я же вообще в школе не учился, потому что пошел работать. В 1954 г. закончил школу механизаторов и работал экскаваторщиком: копал каналы в Узбекистане и на целинных землях Казахстана. В Советской армии не служил, потому что относился к народу-“предателю”. В 1955 году женился. С женой и 8 детьми в 1973 г. возвратились в Крым. Без прописки прожили два года. Проработал 15 лет чабаном.

Мой адрес: Ленинский район, село Луговое, ул. Луговская, 71.

Абибулаева Зимине: “Я УВИДЕЛА АД НА ЗЕМЛЕ”

– Когда немцы оккупировали нашу деревню Молбат, в партизанском отряде Сейдаша Ибрагимова было уже триста татар. Я украдкой пекла им хлеб. Своих продуктов не хватало, помогали люди. Со всех окрестных деревень собирали масло, муку, яйца. Коммунистка Фатьма Амурова доверила мне четырехлетнюю дочь Эмине. Вызвали как-то в Белогорск, в комендатуру: “Говори, татарская морда, чья это дочь”. “Не знаю, – отвечаю, – иду за родниковой водой к фонтану, вижу – девочка плачет. Откуда мне знать, рядом дорога, машины ходят, может, кто обронил”. “Смотри, – грозятся, – если мать объявится – доложи. Иначе всю семью расстреляем”. А Фатьма будто свою мученическую смерть чувала: зачистила каждую ночь. “Не ходи, – говорю, – всех подвергаешь опасности. Я когда на ночь устраиваюсь, твою и свою дочь рядом кладу. Обоих родными считаю”. “Не могу, – отвечает, – тоскую”.

А зимой ее немцы в деревне схватили. Водили под конвоем 18 солдат. Три дня разрешили Эмине побыть с матерью. Видно, надеялись, что, глядя на дочь, разговорится партизанка. Девочке фашисты рассказывали, как зверски будут пытать ее мать. Только все равно ничего не сказала им Фатьма. И про то, что мы дочь ее сами приютили, тоже. Мать казнили, а девочку оставили нам. Может, рассчитывали, что так они смогут выследить связи сельчан с партизанами. Но мы рисковать не стали и перебрались к старшему сыну в Карасубазар. Вскоре нашу деревню фашисты спалили дотла. Партизаны вовремя предупредили людей, многие спаслись.

Мы так ждали своих! И дождались. Вечером 17 мая легли спать с какой-то тревогой на душе. Я пожарила чебуреки, но к ним никто особенно не притронулся. А рано утром в открытое окно слышу какой-то разговор во дворе сестры. Подхожу ближе: тетя Мерьем в странном виде. На ней надето восемь платьев разной длины, рядом два солдата с автоматами. Она их по двору водит. “Вот тут, – говорит, – мы добро от немцев спрятали и тут”. “Молчи, – кричу я, – глупая!”. Она и закрыла рот, стоит как истукан. Тогда и в нашу дверь прикладом постучали, и приказали: “Двадцать минут на сборы”.

Русских закрыли в домах. Солдаты с автоматами стоят не выпускают, а они высовываются в окна и, глядя на нас, плачут в голос. Мы ведь тогда дружно жили, как одна семья.

На кладбище нас оцепили, держали три дня, пока не прибыли машины. А те, кто за это время сумел по-пластунски пробраться домой, рассказывали: не доенные коровы рогами посрывали гирлянды из яблочных долек, что сушились во дворе, ревут, глаза кровью налиты.

И вот мы – женщины, дети и старики (все молодые мужчины на фронте или в трудармии), едем в товарняке на верхней полке. В вагоне нестерпимая жара, запах немых тел. Утром вместо приветствия отборный мат и вопрос: трупы есть? Люди за умерших цепляются, плачут, не отдают. Солдаты тела взрослых вышвыривают в двери, детей – в окно...

Молотовская область. Гаинский район. Поселок Чуртан. На берегу толпа. Им сказали, что привезут трехглазых татар... Зато в лесу кроме нас никого. Все наперебой кричат: не распаковывайтесь, нас выслали по ошибке, Сталин нас вернет!

Через неделю везут в село. В длинном бараке для каждой семьи – двухметровый уголок. Люди умирают. Как хоронить? Повсюду трехметровый снег. С вечера разжигаем огромный костер. Утром, кто покрепче, роет. Но больше метра одолеть не удается. Я обмываю детей и женщин, мулла – мужчин. Зарываем. Утром видим: труп вырыли и растерзали голодные волки... Через год умирает моя 12 летняя дочь Медине, а затем сынок Юсуф. Медине перед смертью призналась, что больше всего на свете хотела бы съесть кусочек арбуза. В Узбекистане, куда мы со временем переехали по вызову деверя, было много арбузов, но я не могла смотреть на них без слез и никогда сама не ела...

А в уральском лесу вскоре все заросло, и я уже никогда не найду могилы моих детей.

Я знаю, что такое ад. Я увидела его на земле.

Зимине Абибулаевой уже нет в живых.

Ее воспоминания, переданные родными, подготовили

Миневвер Идрисова и Н. Чипигина.

АБИБУЛАЕВА Ление Меметовна, родилась 21 января 1938 года в дер. Куклуз Куйбышевского района.

Отец Сеитмемет (1905 г.р.), воевал на фронте, погиб в 1943 году. Мать Хатидже (1915 г.р.), после гибели отца переехала в дом к бабушке Фатиме (1895 г.р.). Дядя Мустафа и Амит были в трудармии. На момент депортации нас дома было шесть человек. В 5 утра 18 мая 1944 года раздался громкий стук в дверь. Мы все переполошились. Вошли два солдата и офицер. На

сборы дали 15 минут. Куда и зачем ведут, не сказали. Разрешили взять немного продуктов и кое-что из вещей. Вытолкнули прикладами из дому и привели в центр деревни, возле кладбища. Потом на грузовых машинах привезли на станцию Сюрень. Под дулами автоматов затолкали в грязные товарные вагоны. Воды, туалета не было. В вагоне было так много людей, что спали по очереди. Несколько дней питались тем, что успели взять из дома. Медицинского обслуживания не было. В нашем вагоне умерло несколько человек, их оставили вдоль железнодорожного полотна. Один труп находился с нами в вагоне несколько дней. Одна женщина родила, но ребенок умер через несколько часов. Солдаты приказали выбросить его трупик в окно.

Ехали долго. Привезли нас на станцию “Голодная степь” Узбекской ССР. Выгрузили на разъезде, затем на мотовозе-узкоколейке привезли в Баяут-3, отделение №6. Выгрузили около хауза (водоем). Ночевали под открытым небом. Люди были настолько наивны, думали, что их завтра повезут обратно в Крым, якобы вывезли по ошибке. На следующий день всех разместили по баракам и сараям, где не было ни окон, ни дверей. Через 2 часа начали выгонять на прополку хлопка. Люди, ослабевшие от жары, недоедания, грязи, не могли работать. Многие падали прямо на грядках. Надзиратели погоняли их плетками. Начались болезни – малярия, тиф, дизентерия. Умирали семьями. У нас в семье трое заболели тифом. Мама еле передвигалась на ногах. Кушать было ничего, ели траву (лебеду или клевер). От голода и болезней каждый день умирали, особенно дети и старые люди.

Наступила зима. Одежды и дров нет, кушать нечего.

Невозможно описать и рассказать, что мы перенесли. На каждом шагу нас обзывали предателями, избивали нас. Несмотря на такие унижения, наш народ выжил. Впоследствии дети даже пошли в школу. Я пошла в школу в 9 лет. Русского языка не знала. Одеваться, обуваться было нечем. Я выросла очень слабая, переболела всеми детскими болезнями.

Я окончила школу, медтехникум, пединститут. В 1960 г. вышла замуж за Сервера Абляева. У нас 4 детей и 8 внуков. В 1995 г. вернулись на Родину.

Мой адрес: Симферопольский район, пос. Украинка, улица Дружбы, 8.

Абибуллаев Энвер, родился в 1939 г. в деревне Айсерез Судакского района Крымской АССР. Состав семьи: дед Осман Аджи Бекир, мать Аджер, старшая сестра Рейхане, старший брат Ахмед, брат Мустафа, брат Сервер, я и сестра Айше.

Узнали о депортации 18 мая 1944 года от выселяющих нас военных. На сборы дали 20 минут. Братья взяли с собой кто что смог. Мама говорила, что с помощью соседей мы смогли взять с собой мешок муки. Потом у деревенского кладбища нас погрузили на студебеккеры. От деревни до станции в Феодосию нас сопровождал солдат с автоматом. Он сидел в заднем правом углу студебеккера на перевернутом гугуме (кувшин), который у меня сохранился до настоящего времени.

Вагоны, в которые нас грузили, были грузовые. К дверцам вагона были приставлены щиты из досок, по которым мы залезали в вагоны. Удобства в вагонах не было, людей было много, семей 15-20. Туалета, воды не было. В пути еду дали 2-3 раза. Последний раз, помню, дали рыбный суп. Никакого медицинского обслуживания не было.

Умерших вынуждены были оставлять на товарных станциях. В дороге были 15 суток. Привезли в Узбекистан в Андижанскую область. Нас распределили в Мархаматский район, колхоз Кызыл Карвон. До 1956 г. перемещение разрешалось только в пределах района. Органы власти на местах встретили нас враждебно. Нас представляли населению как людоедов.

Нас временно поселяли в необустроенные или заброшенные дома колхозников по 2-3 семьи. Дома были без окон и дверей. Принудительно работали на хлопковых полях. В начале 1945 года умер наш дедушка. В 1946 году мы переселились в посёлок Палванташ. Там все руководители были русскоязычные, посланные партией, следовательно, школы были на русском языке. Хотя в школах и техникумах открытой дискриминации по отношению к нам не было, мы, дети, чувствовали скрытую дискриминацию.

Проживаю в Белогорском районе, с. Русское.

Абибуллаева Гульнара, родилась в 1935 году в Крыму, в деревне Тюп-Кенегез (в данное время деревня не существует, её разровняли под аэродром) Къалайского района.

Рано утром 18 мая 1944 года к нам в дверь сильно постучали, мама не успела открыть, как в комнату ворвались солдаты. Они стали что-то говорить, но мы не понимали русского языка. Солдаты поняли это и стали объяснять маме языком глухонемых, стали махать руками, мол, поднимайте детей и выходите из комнаты. Нас у мамы было 7 детей: 5 девочек и 2 мальчика. Самой старшей было 11 лет, а мне 9 лет. Когда мама поняла ситуацию, она стала плакать навзрыд, вместе с ней плакали мы. Мы все переболели тифом, ещё толком не пришли в себя от высокой температуры, были очень слабыми. Видимо солдаты поняли, что маме нужна их помощь, так как она была в шоке, и вынесли из дома большое теплое одеяло, постелили на борту грузовой машины, стоящей недалеко от нашего дома и нас, детей, посадили на это одеяло. Мама взяла с собой ещё одно одеяло, чтобы накрыть нас, так как было очень холодно. Каких-либо продуктов питания мама взять не догадалась. Она не знала, куда нас везут и зачем. Она думала, что нас, наверное, везут на расстрел.

В деревне в тот момент оставались одни старики и женщины с детьми. Все мужчины были на фронте, в том числе и наш отец. Привезли нас из деревни на станцию Джанкой, где погрузили в товарные вагоны. Шум, крики, плач людей. Солдаты вталкивали людей в вагоны прикладами винтовок. В этой суматохе мама потеряла младшую дочь, которой было 4 годика. Время от времени, при остановке состава в степных и лесных местах, солдаты собирали умерших и скидывали из вагона. Ни туалета, ни воды, ни медобслуживания в вагонах не было. В пути нас подкармливали наши односельчане. Сколько были в пути, я не помню.

Нас привезли в Узбекистан, Бухарскую область, Карманинский район. За несколько часов до приезда к месту прибытия в вагоне умер мой младший брат, ему было 3 года. Нас повели пешком до совхоза Нарпай, где-то 6-7 км от вокзала. Маму нашу с первых дней прибытия погнали на работу на хлопковые поля. Работали при 45-50-градусной жаре. Люди сильно голодали. От малярии и дизентерии вымирали семьями. Через 10-12 дней умер ещё один братик, ему было 7 лет. А из 11 детей моего дяди остались в живых только двое. В 1945 году я пошла в первый класс в районную русскую школу. В 1951 году мне вручили паспорт и ознакомили с инструкцией спецкомендатуры о ежемесячном обязательстве в строго определенные числа ходить на подписку и о запрете выезда из территории района.

Проживаю в г. Евпатория, ул. 60 лет Октября, 44-201.

Абибуллаева (Менгазиева) Васьпе, родилась в 1922 г. в деревне Аджидэли Маяк-Салынского района.

Наша семья состояла из отца, матери и семерых детей. О депортации узнали только рано утром, когда за нами пришли солдаты. К нам в дом зашёл старший лейтенант с солдатами, отдал приказ и ушел, солдаты остались. Все мы очень растерялись, не знали что делать. А солдаты: «У вас много детей, все маленькие, берите побольше еды». Мать взяла муки, зерна. Сколько груза разрешили брать не помню, вероятно, столько, сколько унесешь. Всех нас собрали на станции Пресноводная, шли в сопровождении вооруженных солдат. Людей грузили в товарные вагоны. В вагоне 60-70 человек. Среди нас была одна беременная женщина. Она родила в вагоне в пути, ее высадили на одной из станций. В вагонах не было ни воды, ни туалета. Воду набирали на станциях. В туалет ходили тоже на станциях. Один мужчина из нашего вагона хотел в туалет, залез под вагон, но в это время поезд тронулся и он погиб. Иногда на станциях нам давали что-то похожее на помои, но и этого на всех не хватало. Никакого медицинского обслуживания не было. Умерших оставляли на станциях, а как поступали с ними потом, мы не знали.

Точно не помню, сколько были в дороге, где-то 2 недели, не меньше.

Мы попали в Узбекистан, Самаркандскую область. Всех распределили по участкам, нас на участок рудника. Жили в кишлаках (землянки с обваливающимися потолками, обрушивающимися стенами). Через неделю мы с братом устроились на работу на ЛЭП (линии электропередач). Потом нас перевели на рудник. Жили в бараках, каждая семья занимала узкий угол. Не было никаких условий, когда шел дождь, по коридору барака вода бежала рекой. Передвигаться не разрешали. Сначала отмечались в комендатуре каждый день, потом раз в 2 недели и так все реже. Органы власти следили за нами, относились с недоверием. Никакого жилья не выделяли, кроме комнат в бараках и т.п. Предоставляли самую чёрную работу в горно-обогачительных цехах, шахтах, рудниках.

В том же году (1944 г.) умер отец по болезни.

Дети обучались на русском языке. Обучаться в техникумах и институтах разрешили, но не сразу, а уже через несколько лет, когда народ вошел в доверие и люди поняли, что крымские татары – не предатели, не варвары, а очень трудолюбивый честный народ.

Сейчас живу в с. Изобильное Кировского района, по ул. Гоголя, кв.1.

Аблаева Зулядже, родилась в 1923 году в деревне Сараймен Маяк-Салынского района.

Родители у меня умерли рано, сначала мама Земине (1892-1938), потом отец Абдуменнан (1879-1940). Детей нас было шестеро, старший Мамбет (1913) был нам вместо отца, а я, как старшая, заменяла мать, после меня Шерифе (1926), Алиме (1928), брат Ибет (1932) и Найле (1936).

Утром 18 мая 1944 года в 5 часов утра раздался стук в дверь, я открыла дверь. На пороге стояли 2-е вооруженных солдат, которые сообщили нам, что нас выселяют и дали на сборы

15 минут. Сказали взять самую необходимую одежду, если есть - ценные вещи и еду. Я быстро собрала всё необходимое в один мешок.

Нас всех собрали на территории сельского совета. Вокруг стояли вооруженные солдаты, проверяли вещи, ножи, ножницы и все колющие и режущие предметы брать с собой не разрешали. Затем нас погрузили в бортовые машины и повезли на станцию Маяк-Салын. Погрузили в товарные вагоны, где не было ни воды, ни туалета. У меня на руках была шестимесячная девочка Диляра, дочь моего родного дяди (мать девочки умерла 11 мая, а отец был на фронте).

Кормили нас 1 раз в день сушеной соленой рыбой, сваренной в воде с сухарями. На одного человека давали одну маленькую рыбку и сухарик. После соленой рыбы очень сильно хотелось пить. Воду мы набирали только во время остановок поезда. Медицинскую помощь в пути не оказывали. В нашем вагоне умерших людей не было.

В пути находились 18 дней. Привезли нас в Узбекистан, на станцию Зербулак Самаркандской области. Погрузили на грузовые машины и привезли в Хатырчинский район на рудник Лянгар. Нас поселили в бараки по 20-25 семей. Несколько дней был карантин, делали прививки, проводили дезинфекцию.

На работу отправляли на стройку или на рудник. Я с младшей сестрой Алимэ работала на стройке, нас оформили как рабочих, мы таскали камни, мешали раствор. Шерифе работала на шахте бурильщицей, добывали руду «щилит». Рудник был на московском обеспечении, каждый месяц давали талоны на муку, крупу, но только работникам шахты. От рудника был комбинат по обработке руды, и многие люди работали там.

Каждый месяц ходили в комендатуру отмечаться. Без разрешения коменданта нельзя было покинуть место проживания.

Первые дни давали только хлеб - на работающего 700 грамм хлеба в день, иждивенцам – 300 грамм. Мои сестра и братья все остались живы, только девочка Диляра, через неделю после прибытия умерла от голода. Каждый день от истощения и жары умирали люди.

В школу ходила только сестренка Найле. Она училась на русском языке.

1949 г. я вышла замуж за Муратова Ваита и нам выделили 1 комнату. После отмены комендантского режима мы переехали в г. Бекабад. У меня на тот момент было уже 3-е детей: Яшар, Зайде, Менлигуль. В 1963 г. умер муж.

Сейчас живу в с. Амурское Красногвардейского района, пер. Шевченко, 4, кв. 7.

Аблаева (Сулейманова) Шадие, родилась 30 июня 1938 г. в селе Чалтай Акмечетского (ныне Черноморского) района. В семье было 11 человек – мои родители, папа и мама, бабушка, 3 брата и 5 сестер.

О том, что нас выселяют, мы узнали неожиданно, ночью, когда стали стучать в окна и двери. Это были солдаты советской армии. Когда наша семья собралась в коридоре, офицер зачитал приказ о выселении. На сборы нам дали 15 минут.

Наши родители за это время успели взять небольшой узел с вещами и продуктами. Так как моя мама была швея, она также взяла с собой швейную машинку и ножницы. Когда один солдат стал вырывать у мамы машинку, она крепко вцепилась в неё и сказала, что это её кормилица.

Из села на машинах нас отвезли в Евпаторию. Нас сопровождали солдаты с автоматами, которыми они нас подталкивали, когда мы садились в машины.

На станции стоял товарный поезд и когда мы сошли с машин, нас стали подгонять к вагонам. Вагоны были грязные, внутри стояли нары. В каждый вагон загоняли по 7-8 семей.

Так как вагоны были товарными, удобств не было. Посередине вагона какой-то мужчина сделал дыру для (*оправления – Ред.*) естественных потребностей. В каждом вагоне было 60-70 человек, в зависимости от состава семей. Нас специально не кормили, то, что успели взять с собой родители, быстро закончилось. Но, на небольших остановках, давали по 2 ведра баланды и 1 мешок хлеба. Медицинского обслуживания не было. На станциях в каждый вагон заходили солдаты и спрашивали, есть ли умершие. Если они были, их забирали. Что было с ними дальше, мы не знали.

Отец нам потом рассказывал, что в пути в Узбекистан, до Ферганы мы ехали 18 дней. Нас привезли на станцию Серово, а оттуда на арбе отправили в кишлак Найман. За каждым нашим шагом следили, поэтому мы не имели возможности свободно передвигаться. Нам не разрешали даже на базаре что-нибудь продавать или для себя работать, чтобы прокормить семью. Мы, даже самые маленькие дети, целый день работали в колхозе, на жаре.

Нас, семью из 11 человек поселили в 1 комнате, которую для нас выделил в своем доме местный житель. Это была кибитка без окон и дверей, без печи. Посередине комнаты была яма, туда складывали горящие головешки, на яму сверху ставили специальный квадратный стол-сандак, а его покрывали одеялом – так мы грелись. О том, чтобы дать нам средств на строительство дома не было и речи.

От голода и болезней в нашей семье умерла бабушка и 13 летняя сестра, Так как мы учились в узбекской школе, то и дальнейшее образование получали на узбекском языке. Чтобы учиться в техникуме или институте, нужно было получить разрешения коменданта. Он обычно просил взятку, и у кого получалось найти что-либо для этого, тот и получал разрешение.

Проживаю в с. Пожарское Симферопольского района, ул. Добровольского, дом №7.

Абляев Эскендер, родился 20 ноября 1933 года в деревне Айдар-Газы (ныне с. Орлянка) Сакского района. Состав семьи: мама (1910), я, брат Айдер (1938), сестра Ферузе (1942) и бабушка. Отец был в армии.

О депортации заранее ничего не знали. Рано утром, 18 мая 1944 года, около 4-х часов утра, к нам постучали в дверь солдаты и сказали собираться с вещами. Мы взяли мешок муки и ведро масла. Всю деревню собрали на поляне. Потом подъехала машина, и всех начали грузить и вывозить на Сакский вокзал. Там погрузили в телячьи вагоны. Около составов стояли солдаты с автоматами. В вагонах было душно. Через сутки нам стали давать какую-то баланду. На остановках люди старались печь лепешки. Иногда их не успевали испечь и

кушали их полусырыми. Кормили нас два раза в сутки. Медицинского обслуживания не было.

Нас разгрузили на разъезде Баяут Мирзачульского района Ташкентской области. На следующее утро нас повезли на хлопковый совхоз Баяут №1. Семьям давали узкие кибитки, где стены были сделаны из глины. На окнах были решетки из прутьев тополя. Воду для питья и пищи брали из хавуза (водоёма), там была только грязная вода. Люди болели дизентерией, многие умирали. Моя сестра и бабушка тоже умерли. Мы работали на прополке хлопка. Маме по карточкам давали 500 г хлеба, а нам по 200 гр. Мы учились в школе на русском языке. До обеда учились в школе, а после обеда ходили собирать хлопок.

Проживаю в г. Симферополе, Ялтинское шоссе, 2.

АБЛЯКИМОВА Зера, родилась 20 октября 1935 года в дер. Кази-Биэль Буюк-Яшлавского сельсовета Бахчисарайского района.

Наша семья состояла из: бабушки Мерзие, матери Хатидже, брата Аблямита (1933 г.р.), меня, братишек Ленура (1937 г.р.) и Асана. Отец воевал, попал в плен, бежал и скрывался дома. Помогал партизанам. Перед депортацией его забрали в трудовую армию.

После освобождения Крыма от фашистских оккупантов в нашем доме поселились трое советских военных. Каждое утро они уходили, а вечером возвращались и долго что-то писали (потом мы поняли, что они занимались переписью населения).

18 мая 1944 года нас разбудили солдаты и объявили о высылке. Мама заплакала, начала будить нас и упрекать солдат: “Я вас кормила, чтобы вы изгнали нас из родного дома?! Почему вы не сказали раньше, чтобы я могла собраться?” Военные ответили: “Не велено”.

Взяли с собой одну кошму, немного одежды и ведро с едой. Нас вывели из дома, посадили в грузовую машину и повезли на станцию гор. Бахчисарая. Там загрузили в товарные вагоны. Не помню, сколько было людей, но мы сидели, тесно прижавшись, почти друг на друге. Ни воды, ни туалета не было. Когда поезд останавливался, взрослые хватали посуду, которую прихватили из дому, и бежали за водой. Иногда старшие приносили в ведрах какую-то еду и черный хлеб. Сколько раз нас кормили – не помню. Не было никакого медицинского обслуживания.

В начале июня прибыли на разъезд №69 Джамбайского района Узбекской ССР. Оттуда нас на 2-х колесных арбах повезли в кишлак Дехканабад. Поселили под деревьями в большом саду, и только осенью мы перешли жить в конюшню. Я хорошо помню эту конюшню, там было стойло для лошадей, бабушка спала в кормушке, там она и скончалась от дизентерии. Первым умер братишка Асан, затем бабушка. В марте 1946 г. заболела мама и ее положили в Джамбайскую больницу. Старший брат ходил ее навещать, однажды пришел и говорит, что мама выздоровела и ее выписывают, но у нее украли платье. На другой день он отнес другое платье, а ему сказали, что мама умерла.

Брат работал на хлопковом поле, мы же с братишкой сидели дома, мололи в ступке ячмень, чтобы приготовить суп. Зашел односельчанин – Эдем агъа Абдульваапов и сказал, что отвезет нас в детдом. Если бы не доброта этого человека, мы бы, наверное, умерли от голода.

В детдоме №34 колхоза Коминтерн я пошла в 1-й класс, училась на русском языке. Когда вернулся отец, он устроился в детдом извозчиком. Как-то брат вместе со старшими ребятами пошел за хлебом, вернулся весь в слезах. Рассказал, что видел мамино потерянное платье на Марусе – санитарке из больницы.

В 1953 г. я поступила учиться на курсы медсестер при Самаркандском мединституте. Когда сдала все документы, преподаватель спросил, кто из поступивших ходит в спецкомендатуру. Разумеется, мы с немцами подняли руку. Нам объявили, что мы будем заниматься в вечернее время, так как дневная группа ходит на практику в военный госпиталь, а нам – спецпереселенцам туда ходить нельзя. Так мы и учились вечером с 6 до 9 часов.

Закончила курсы в 1955 г. и устроилась на работу в Джамбайскую больницу, где проработала до пенсии. В 1989 г. похоронила мужа, который мечтал вернуться в Крым. Дети приехали в Крым в конце 1980-х гг.

Я вернулась в 1992 г. и живу с дочерью в селе Колоски Сакского района.

Аблялимова Айше Бекировна, родилась 2 апреля 1926 года в Евпатории. Состав семьи: отец Эбубекир (1901), мать Акиме, я, братья - Сейяр (1930), Сервер (1938) и сестра Зекие (1932). В 1937 г. наша семья переехала в Сакский район, в деревню Булганак.

18 мая 1944 года рано утром к нам постучали. В дом вошли люди. Председатель сельсовета сообщил нам о том, что нас выселяют за пределы Крыма. Сейяр успел взять мой школьный портфель, где мы держали документы, также взяли три одеяла. Нас очень торопили.

Во дворе уже стояла грузовая машина. Было сыро, шёл дождь. На кузове машины сидели Мамбет ага с дочерью и двумя внучатами. Жена у него была русская, она осталась. Нас выселяли со станции в Булганак. В вагонах было душно, голодно. Железные двери открывались только ночью. Эшелоны останавливались в степи, вдали от населённых пунктов. В вагоне не было ни воды, ни туалета, ни медицинских работников. Сопровождающий дал муку и мы пекли лепёшки. Нас привезли в Ташкентскую область. Ночью развезли по совхозам. Мы трое суток жили в саду. Потом дали какую-то комнату, без окон, двери фанерные. До восхода солнца нас будил бригадир и отправлял работать на поле. 1 ноября 1944 г. мы перебрались в Актюбинск, где жил отец. Я, сестренка и братик сразу же начали учиться в школе.

Проживаю в г. Евпатория, ул. Интернациональная 144, кв. 38.

АБЛЯЛИМОВА Нияр Абдул-Алим къызы, родилась 8 марта 1932 года в дер. Тав-Даир Симферопольского района. Папа – Абдул Алим Абдураимов работал в деревенской школе завучем, мама – Кериме, дочь Зейнедина эфенди – имама Джума-Джами в Евпатории.

Перед депортацией мы с мамой и сестренкой Рейхан жили в деревне Костель Акъ-Мечетского района (ныне Черноморский). Дом этот был родовым именем дедушки.

День высылки помню очень хорошо, не забуду до окончания своих дней. Днем 17 мая мы, дети, играли во дворе. Мимо вереницей проехали грузовые машины. Это было неожиданностью – обычно мы машин здесь не видели.

Когда меня разбудили на следующее утро, первое что увидела – в проеме открытой настежь двери стоял солдат с направленным на меня дулом автомата. Я ничего не поняла, и даже не испугалась. Я еще спала, наверное, но это видение у меня осталось на всю жизнь. И какие бы в дальнейшем я не перенесла душевные потрясения, они со временем блекли, но автомат, направленный на спящую девочку – навсегда останется в моей памяти.

“Выселитель” дал на сборы 10 минут. Мама успела поднять нас двоих, кое-как одеть, и вышла из дому, не взяв даже золотых украшений. Солдат ничего не разрешил взять.

Когда пришли к машине, там уже было много людей. Нас закинули в кузов машины, мама тоже залезла. Но другой солдат ей сказал: “Вы же без ничего пришли, идите и возьмите что-нибудь покушать детям” и отпустил. Мама принесла немного еды. Местом сбора была центральная часть деревни.

Привезли нас на Евпаторийский вокзал. Вагоны были телячьи, лестниц не было. Детей покидали вовнутрь, а взрослые помогали друг другу залезть. Перепуганные люди сидели молча, не понимая происходящего, ошалело смотрели по сторонам. В вагоне нас было очень много, только женщины, дети и несколько стариков. Лечь было невозможно, все сидели. Туалета и воды тоже не было. Я не знаю, где брали воду. Помню, несколько раз во фляге приносили какую-то бурду, похожую на рыбный суп. В первые дни люди не хотели есть, а потом даже ссорились из-за этого супа. Дядину жену – Кериме выбрали старшей по вагону. Она раздавала людям суп – по одному половнику.

Медицинское обслуживание? Об этом и речи не было. Кажется, в нашем вагоне не было умерших. Ехали долго, иногда подолгу стояли на каких-то станциях. Люди выпрыгивали из вагонов, ставили казан и варили еду. Если внезапно трогался состав, хватали казан с недоваренной пищей, на ходу передавали в вагон, а потом запрыгивали сами.

3 июня состав остановился на станции Серово Багдадского района Ферганской области. Время было после полудня. Люди выгрузились из вагонов, сели, вытянув ноги, некоторые легли на землю. Жара стояла невыносимая, ни одного деревца, чтобы укрыться от палящего солнца. Все просили пить. Мы, дети, пошли искать воду. Нам дали какую-то мутную теплую жидкость. Люди пили и не могли утолить жажду. У нас вздулись животы, некоторых начало рвать. К вечеру у людей появились какие-то шишки на теле. Шишки сильно чесались, превращаясь в кровоточащие раны. У некоторых шишки слились и вздулись – зрелище ужасное. Ночь провели на земле возле рельсов.

Утром подъехали грузовички и начали развозить людей по кишлакам. Нас увезли в самый дальний – Кайрагач Куйбышевского района. Поместили к узбекам, которые строили дом: ни окон, ни дверей, ни пола, ни штукатурки. Мама где-то раздобыла соломы, на ней и переночевали. Хозяйка с нами не разговаривала, смотрела исподлобья. В другом углу ютились старик с внучкой Шевкые, моей ровесницей. Вскоре дед умер от голода, а девочку отдали в детдом, где она, кажется, умерла.

Утром следующего дня нас вывели на работу. Взрослым дали кетмени – долбить твердую землю. Мама не выдержала такой работы и заболела малярией. Вскоре заболела и сестренка. Они лежали на соломе, дрожа от приступа, а жара вокруг больше 40 градусов. Мне было 11 лет и я ухаживала за ними: чем-то кормила, поила горьким порошком, который дала санитарка. Вскоре они поправились.

Дети тоже работали: собирали колосья, которые падали на землю во время уборки. Узбек в сапогах кричал, ругался, мы его не понимали, делали не так, как он хотел. Мы работали под

палящими лучами жаркого солнца. Мучила жажда, и мы, ложась на землю, пили грязную воду прямо из арыка. Пospel тутовник, собирали его с дерева и грязными руками ели, потом опять пили воду из арыка. Начались болезни: дизентерия, брюшной тиф, желтуха, малярия. Лечить было некому, везти в районную больницу некому и не на чем. Люди начали умирать: сначала дети, старики, потом взрослые. Мама поняла, что если мы останемся в кишлаке, то не выживем. Она ходила отмечаться в комендатуру за 12 километров в райцентр. Ее взяли на работу в швейную мастерскую. Но комендант Гринберг не разрешил ей там работать. “Иди работать уборщицей в школу”, – сказал он маме. И она пошла. Нас с сестрой тоже зачислили уборщицами. Так мы, имея три ставки, убирали всю школу. Школьники оставляли косточки в партах, а урюк съедали. Мы собирали эти косточки и частично утоляли голод. Учителя, узнав, что мама умеет шить, стали приглашать домой, шить им платья. За шитье одного платья ей давали одну лепешку и немного урюка или джуду. Вечерами при самодельной коптилке мы пряли, вязали платки, носки. Нам дали маленькую коморку. В декабре меня приняли в 3-й класс, сестренку в 1-й. Учиться сначала было трудно, потому что не знали русского языка. После занятий я убирала школу, вечерами вязала. Как-то комендант велел маме привести меня к нему домой, чтобы я сделала уборку. Я помыла полы, убрала двор, огород, собрала помидоры – так я проработала у них все лето. Когда Гринберга перевели в Фергану, его жена предложила маме отдать меня им в домработницы: “Все вы умрете с голоду, а я ей жизнь сохраню”. Мама отказалась, сказав: “Если умрем, то все вместе”. Новый комендант разрешил маме перейти работать в швейную мастерскую, где она работала день и ночь, чтобы спасти нас.

Зимой мы ходили в школу в вязаных лаптях из самодельных веревок. Работала так же в райшёлке – перебирала кокон. До обеда работала, потом шла в школу в поселок Риштан (3 километра от нас), после уроков убирала школу. С 5-го класса училась на «отлично».

В 1949 г. поступила в фельдшерско-акушерскую школу города Коканда. Училась хорошо, получала повышенную стипендию, как могла, помогала маме. Работала на уборке хлопка, за 1 килограмм платили 3 копейки. Хлопок собирали не только мы, но и наши дети.

Более 30 лет проработала в больнице. Сестра Рейхан закончила Ташкентский институт народного хозяйства. Работала старшим экономистом автохозяйства. Сейчас в Крыму, живет в дер. Далекое Черноморского района.

Возвратилась в Крым сразу же после “Сообщения ТАСС” в 1987 году. В Евпатории и сейчас стоят все шесть домостроений моего деда, но там живут “пришельцы”, а мне “вход воспрещен”.

Живу в недостроенном доме в поселке Исмаил-бей (Евпатория).

АБЛЯЛИМОВ Сейяр, родился в 1930 году в городе Евпатория. Перед войной мы жили в деревне Булганак Сакского района. Отец, Бекир Аблялимов (1901 г.р.) заведовал сельской больницей. Отец принимал больных не только из Сакского района, но из близлежащих татарских деревень Симферопольского района.

Семья была из 7 человек: отец, мама Акиме, бабушка Сафие (мать отца), старшая сестра Айше (1926 г.р.), я, младшая сестра Зекие (1932 г.р.), младший брат Сервер (1938 г.р.).

Незадолго до начала войны мы перебрались в деревню Агъач-Эли. В период оккупации было очень трудно, мы выжили только благодаря тому, что сумели сохранить корову. В нашу

деревню трижды наведывались партизаны, в последний раз увели всех коров, и нашу в том числе, больше мы ее не видели.

Отец участвовал в обороне Севастополя и вместе с госпиталем эвакуировался в Саратов. После освобождения Крыма от немецких оккупантов мы часто получали от него письма. Он знал о готовящейся депортации и торопился передать нам свой адрес. Мама все время болела, поэтому решила поехать подлечиться в Евпаторию. Вместе с ней уехала и бабушка – поискать сына. Мы в Булганаке остались вчетвером: Айше, я, Зекие и Сервер.

Рано утром 18 мая к нам вошли трое военных, один из них зачитал Постановление правительства о депортации крымских татар. Я плохо понимал, что происходит, когда же узнал, что нас будут вывозить из села, решил, что расстреляют. Когда один солдат, наш сосед, решил за нас заступиться, старший сказал: “Ничего, все там встретятся”. Айше набила вещами мешки, и мы вышли из дома. Двое солдат сопровождали нас до станции города Саки.

Нас погрузили в телячий вагон, внутри были двухъярусные нары. Мы попали на вторую полку. Наш охранник, пожилой солдат, пожалел нас и помогал чем мог.

Пока мы ехали по территории Крыма, дверь вагона была закрыта, за Перекопом дверь открыли и не закрывали до самого конца. Мы были разутые, раздетые, без продуктов, охранник расспросил нас о родителях, и вскоре раздобыл где-то немного муки. Айше готовила тесто, на остановках я присоединялся к взрослым и на куске жести на огне пек лепешки.

Наивно полагать, что в вагоне были какие-то удобства (вода, туалет, матрацы), кормление, медицинское обслуживание и т.д. – ведь это был акт насильственного изгнания крымскотатарского народа из родных мест.

На одной из больших станций я пошел набрать воды и увидел, как один из военных что-то спрашивает у женщин-татарок. Когда подошел ближе, то услышал, как он выкрикивает нашу фамилию. Это оказался капитан, который лечился у отца в госпитале и едет на фронт. Он передал письмо от отца, которое нас обрадовало. В Саратове мы с Айше решили найти отца, но когда вышли на перрон, испугались за оставшихся в вагоне малышей и вернулись обратно.

В дороге мы пробыли 15 суток. По приезду нас распределили во 2-е отделение совхоза Баяут-2 Узбекской ССР. Спецпереселенцев поселили в саманные дома, где были земляные полы, окна без стекол.

Айше работала на хлопковом поле с раннего утра до позднего вечера. Я же работал в бригаде по ремонту крыш. Вскоре наладилась переписка с отцом и матерью, которая попала в Самаркандскую область. Мы, депортированные, состояли на спецучете. Наш комендант Гаранин, был очень жестоким человеком. Когда наши женщины жаловались ему, что люди болеют, дети умирают, жизненные условия невыносимые, он нагло заявлял, что от потери 20-30 тысяч крымских татар Советский Союз несколько не пострадает.

В Узбекистане мы прожили примерно полгода. Отца перевели в г. Актюбинск (Казахстан) и ему с большим трудом удалось получить разрешение на переезд семьи. Сначала он нашел маму, затем забрал нас. Нам выделили маленькую комнату. Через несколько дней отец поехал за бабушкой. Привез ее худую, больную, она нас не узнавала и вскоре умерла.

Отец очень переживал, много работал, чтобы прокормить семью. В одной из командировок по набору ребят в армию сильно простыл, заболел менингитом и умер. Так мы остались в чужом краю с больной мамой, оторванные от родных, земляков.

До войны я окончил 5 классов, после 3-х годичного перерыва в Актюбинске пошел в 6-й класс. Школу окончил неплохо, но о поступлении в вуз и не мечтал, потому что ежемесячно ходил на унизительную отметку в комендатуру. В моем паспорте было написано: “Разрешается проживать только в пределах Актюбинска”. Я устроился диспетчером на работу в облкнижторг. С помощью знакомых на следующий год получил разрешение на выезд на учебу в гор. Алма-Ата. С трудом успел на экзамены, но не прошел конкурс и устроился вольнослушателем физико-математического отделения КазГУ. Помогала старшая сестра Айше, которая в то время работала учительницей русского языка. Подрабатывал грузчиком, в общем, жил как мог. В конце первого семестра за хорошую учебу меня зачислили в студенты, дали место в общежитие, стал получать стипендию.

После окончания вуза, меня направили на работу преподавателем в Уральский педагогический институт. Затем учился в Московской аспирантуре, вернулся с семьей в Уральск, работал в институте. Подали документы на конкурс в Башгосуниверситет, я – на матфак, жена – на химфак, прошли конкурс, получили хорошую квартиру и приступили к работе. Нам с женой предложили работать в Алжире, но я отказался, потому что знал, что мои документы не пойдут проверку в МВД.

Сейчас живу в Башкортостане, в городе Уфа, по улице Пушкина, дом 54, кв. 64.

АБЛЯЛИМОВ Халиль, родился 21 ноября 1927г. в дер. Чагъылтай Ак-Мечетского района.

Наша семья состояла из бабушки, мамы, 5-х братьев и 4-х сестер. Два брата воевали на фронте. У нас в доме около месяца жили красноармейцы, которые вели учет хозяйства, знали о каждом члене семьи.

18 мая 1944 года в 3 часа ночи красноармейцы разбудили нас, пиная ногами. О высылке ничего не сказали, на сборы дали 15 минут. На 9 человек разрешили взять одно одеяло. В сопровождении вооруженных солдат собрались у колодца.

На вокзале, как скот, загрузили в вонючие товарные вагоны, закрыли дверь на засов. Открывали дверь по своему усмотрению и только на больших станциях. Вагоны были переполнены, в нашем было около 20 семей. Воды и туалета не было. За все время пути нас кормили один раз затхлым пересоленным рыбным супом.

Никакого медобслуживания не было. Умерших оставляли на разъездах, станциях, когда поезд останавливался и открывали дверь.

Через 18 дней нас привезли в колхоз “Сталинград” Багдадского района Ферганской области Узбекистана. Несколько семей поселили в заброшенный дом. Работали на хлопковом поле. Один раз в месяц ходили отмечаться в комендатуру. Передвигаться по району не разрешалось.

В нашей семье умерли от голода бабушка, мама, две сестры, три брата.

О строительстве дома мы и не думали, так как не на что было питаться, жить.

Дети в школе обучались на узбекском языке. В те годы учиться в техникумах и институтах не разрешалось.

Мой адрес: Черноморский район, село Чагъылтай (Далекое), ул. Морская 25

АБЛЯМИТОВА (Аджиева) Эдие Куртмуллаевна, родилась 10 января 1939 г. в деревне Дегирменкой (Запрудное) Ялтинского района. До депортации семья состояла из мамы, бабушки, двух старших братьев, двух сестреночек и меня. Отец был на фронте.

В то роковое утро мама нас подняла рано, сказала, что куда-то уезжаем. Помню, я в ночной рубашке взяла за руку слепую бабушку, а в другой руке – чайник с молоком. Мама вела сестреночек. Так что кроме чайника с молоком мы ничего не смогли взять с собой. Братья за день вперед уехали к тётё в другое село и не успели приехать. Посадили нас на машину, привезли на какую-то станцию и погрузили в вагон, в котором стоял запах навоза. Вагон был переполнен, можно было только сидеть.

Всю дорогу следования не кормили ни разу, о медицинском обслуживании и говорить нечего. Умерших от голода оставляли на остановках. Нас депортировали в Марийскую АССР, город Волжск. Нам не разрешалось свободно перемещаться. Поселили нас в бараке, в одной комнате по 5-6 семей. Есть было нечего, собирали на помойках картофельную кожуру, пекли на плите и ели. Мама работала на сплаве леса на Волге, разгружала вагоны с углём.

После тёплого, мягкого климата Крыма, суровый, холодный климат, сразу дал о себе знать: начали болеть взрослые и дети. Весной 1945 г. заболел от холода и голода, умерла бабушка. Летом умерла самая младшая сестра. Хоронить умерших было не кому. Единственный старенький мужчина не мог отвозить умерших, обвязывал поясом под мышками и волоком тащил хоронить. Младшую сестру мама сама отнесла на кладбище и похоронила. Зимой ещё тяжелее было хоронить. Под толстым снежным покровом засыпали умерших снегом, весной вновь их хоронили. Поэтому слагали песни:

Шу Уралда олюр исек

Ким ювар бизи?

Баарь кельсе, селлер ягъса,

О ювар бизи.

(Если мы умрем на Урале,

Кто обмоет нас?

Наступит весна, придут дожди,

Они обмоют нас.)

В 1945 г. мама отдала меня в школу в 1-й класс. Но уже в конце сентября я не стала ходить в школу из-за того, что нечего было одеть и обуть. На следующий год мама достала где-то кирзовые ботинки, фуфайку, мужскую шапку-ушанку и я опять пошла в 1-й класс. Со старшими ходила за 15 км собирать гнилую картошку, которую осенью колхоз не успели

собрать из-за выпавшего снега. Из неё мы пекли лепешки. Каждый год во время каникул утром рано уходили в лес собирать ягоды. Я продавала их на базаре и покупала необходимые продукты. Нам не разрешали сажать картошку. Но мы умудрялись далеко за городом сажать картошку. Мы с сестренкой сами на спине несли семена картошки, сажали, окучивали. Привозить выращенную картошку домой помогали соседи. Картошку мы заготавливали почти на весь год. Мама нам не помогала, потому что работала по 12 часов в сутки. Так что детства, как такового, у меня не было.

После окончания войны, отец приехал в наше село инвалидом ВОВ. Так как в наше село нужно подниматься высоко, он устал, сел отдохнуть и уснул. Его увидела односельчанка нетатарской национальности и заявила в сельсовет. Его за это военным трибуналом осудили на 12 лет тюремного заключения. Сидел он в Воркуте в Коми АССР с 1945 по 1953 год. После амнистии и смерти Сталина, был освобожден.

Не нашли мы и младшего брата, его в день депортации с нами не было, он пропал без вести. Из 8 членов нашей семьи потеряли троих. В 1953 г. старший брат разыскал нас и вызвал в г. Андижан. Там мы с сестренкой ходили в школу, обучались на русском языке. На каникулах работала в комбинате и впервые купила себе пальтишко.

С 1956 г. разрешалось обучаться в техникумах и институтах. После школы я поступила в Кокандский техникум механизации. Потом поступила на работу и работала до ухода на пенсию.

Проживаю в Джанкойском районе, в селе Тутовое.

Абселямова (Куртбединова) Алие, родилась в 1938 году в г. Севастополе. В семье было 8 человек. О высылке заранее ничего не знали. В 3 часа ночи постучали солдаты. В доме находились только дети: 3 сестры и я. Родители до этого поехали проведать бабушку в деревню Узунджу. Еще одна сестра была на фронте. Успели взять с собой только 2 матраца и бидончик катыка. Высылали нас со станции Сюрень. Людей торопили, шёл дождь. Вагоны были грязные, вонючие, из щелей проникал дождь. В пути не кормили, удобств, медобслуживания не было. Ехали 22 дня. Привезли нас в город Чуст Наманганской области Узбекской ССР. Вначале поселили в бане, потом развезли по кишлакам. Мы попали в кишлак Варзик, где нас поселили в глинобитной кибитке, с огромной дырой в потолке. Все были на спецпоселении, за пределы района не выпускали до 1956 г. Государство нам ничем не помогало. В 1944 г. в депортации умерли две мои бабушки.

Проживаю в Ленинском районе, с. Войково, ул. Интернациональная, 6.

АДЖАМЕТОВА Мензайре Мелькадыровна, родилась в 1929 году в дер. Мамат Карачиживутского с/с, Ленинского района.

Семья состояла из мамы, четырех девочек и мальчика. Вечером, накануне высылки, мимо села в сторону моря проехали много крытых грузовиков.

Утром 18 мая 1944 года, очень рано, мама пошла доить корову и увидела на дороге свою невестку (жену брата) с шестью малышами в сопровождении солдата. Разбудила старшую дочь (она знала русский язык), муж которой был на фронте. В этот момент в дом зашли

солдаты, вывели на край деревни, где собрали всех жителей. Мы не успели ничего с собой взять, домой не пустили, не разрешили. Ждали долго, потом подъехали грузовики, погрузили в них и привезли на станцию Ташлыяр.

Загрузили в грязный скотский вагон. Взрослые плакали “Ор кяпыдан отемиз” («Проезжаем Перекон»). Дверь вагона всю ночь не открывали. Нас везли как скот, людей в вагоне было много. Где-то в дороге поезд остановился, раздали по половнику баланды. Никакого медобслуживания не было. Поезд шел без остановок, останавливался где-нибудь в степи, туалета не было, приходилось на остановках “ходить” за вагоны. Умерших оставляли на железнодорожном полотне.

В пути были около месяца. Привезли на станцию Джума Самаркандской области Узбекской ССР. На арбе повезли в колхоз Худжум, где поселили в кибитку без окон, в каждом углу семья. На следующий день послали на прополку хлопка.

Без разрешения комендатуры запрещалось куда-то выезжать. Местные жители смотрели на нас с ужасом, ждали от нас чего-то страшного.

В первые годы от голода умер братишка.

В школу не ходили – не было одежды. В 1947 г. поступила в Самаркандское педучилище. Документы не сохранились, сохранился диплом.

Мой адрес: пгт. Приморский, ул. А.Тейфука, 40.

АКИМОВА Сайде Аппазовна, родилась 31 июля 1937 года в дер. Корбек Алуштинского района.

Отец воевал на фронте. Семья перед депортацией состояла из: бабушки Эминегуль, мамы Айше, брата Назифа, меня, сестры Сайде и братика Севита.

18 мая 1944 года рано утром разбудили вооруженные солдаты и дали 15 минут на сборы. Мы растерялись, ничего не успели сообразить, собрать, как нас уже выгнали из дома. Взяли лишь два одеяла и немного еды. Погрузили в грузовые машины и повезли на станцию города Симферополя.

Там уже стояли наготове товарные вагоны, куда нас под прикладами загнали солдаты. Вагон был набит людьми, сидели друг на друге. Ни воды, ни туалета не было. В дороге нас ничем не кормили, питались тем, что успели взять дома. Никакого медобслуживания не было, умерших спускали и оставляли на земле, даже не успев прочитать молитву.

В пути пробыли где-то около двух недель. Привезли нас в гор. Бекабад Узбекской ССР. Жили в землянках. Через некоторое время в таких же вагонах нас перевезли в Таджикистан.

До 1956 года мы жили под комендантским режимом, не разрешалось ходить в соседний колхоз или райцентр.

Местные жители встретили нас не очень доброжелательно.

В первое время нас поселили в маленькие домики по 2-3 семьи. Работали на хлопковом поле.

В нашей семье умерли от голода бабушка и братишка.

В школе обучались на русском, узбекском и таджикском языках. До 1954 г. в техникумы и институты нам не разрешалось поступать. Даже на родном языке не разрешали разговаривать.

Проживаю по адресу: гор. Симферополь, Луговая-2, ул. Шефталилик, 15.

АЛИЕВА (Муждабаева) Мерзие, родилась 13 августа 1925 года в дер. Кучюк-Узень Алуштинского района.

Семья состояла из десяти человек: отец – Джеббар Алиев, мать Эсма, братья и сестры: Эсма, Решат, Ульвие, Фетье, Умие, Иззет, Садых, Аблязиз и я. В семье я была старшей. С началом войны ушла в лес, в 20-й партизанский отряд “Северный” связисткой. В июне 1942 г. была схвачена фашистами и отправлена в лагерь смерти под Симферополь, в совхоз “Красный”. В октябре 1943 г. расстреливали заключенных. Во время полевых работ мне удалось бежать. Скрывалась в селе Сергеевка. После освобождения родного села от фашистских захватчиков, вернулась домой.

Утром 18 мая 1944 г. к нам в дом вошли солдаты и объявили о том, что мы должны взять теплую одежду, продукты и выйти из дома. На сборы дали 15 минут. Затем погрузили в грузовые машины и отправили на железнодорожную станцию гор. Симферополя. Там всех погрузили в грязные, с нарами в несколько рядов, вагоны. До нас в этих вагонах перевозили скот. Вагоны были набиты людьми. Не помню точно, сколько было у нас, только от тесноты не могли ноги вытянуть.

Первые несколько дней нас совсем не кормили, на редких остановках люди выходили в поисках воды и выносили трупы. Умерших оставляли на скамейках, на земле. Только на пятый день пути мы получили первый паек (рыбу и хлеб) и еще через несколько дней - жидкий, безвкусный суп. В условиях полной антисанитарии, без медицинской помощи женщины рожали детей. Так мы ехали около месяца. На станции Курган-Тёбе Андижанской области Узбекской ССР во время очередной кратковременной стоянки поезда, я стала в очередь за пайком. Неожиданно поезд тронулся, и я осталась одна, без семьи...

Нас, крымских татар, разбили на несколько бригад. Занимались мы сбором хлопка в совхозе “Савай”. В этом селе я закончила годичные курсы медсестер, вышла замуж. В 1947 г. по счастливой случайности нашла родителей с младшими братьями и сестрами, которые проживали в гор. Ленинске. Вскоре отец скончался от ран. Позже бушевавшая в это время эпидемия малярии унесла жизни матери и четырех младших детей. В то время для нас, депортированных существовал комендантский режим, поэтому оставшихся в живых трех братишек вывозила тайно, по одному.

В 1968 году по вербовке вернулась в Крым.

Мой адрес: Ленинский район, пгт. Ленино, улица Шоссейная, дом 17-б, кв.7.

Аметова Венера, родилась в 1937 году в г. Бахчисарае. Во время депортации мы были с мамой вдвоём. Отец и брат были на войне.

18 мая 1944 года я проснулась от шума и стука в дверь. Мама не успела открыть дверь, как в дом ворвались военные с автоматами, и приказали собираться и через 5 минут выходить на улицу. Мама плакала, растерялась, не знала что делать. Мне сказала, чтобы я одевалась. Я надела на себя платья, рубашки, майки, всего 15 штук одежд. Нас быстро выгнали из дома на улицу, когда мама хотела вернуться, в дом её не пустили. Я проскочила между ног солдата и вынесла чемодан с фотографиями брата. Отец и брат так и не вернулись с войны. Собрали всех людей на улице и под дулами автоматов погрузили в грузовые машины. Нас повезли на железнодорожный вокзал в Бахчисарае.

Там стоял шум, плач детей и женщин, мольба старых людей. Думали, нас везут убивать. Людей затолкнули в вонючие, грязные, вшивые вагоны. Ни воды, ни еды, ни туалета, ни медицинской помощи не было. Поезд останавливался где-то далеко от станции, люди бежали на станцию за водой, кто-то пытался развести огонь и испечь лепешку, в это время поезд трогался и люди, забрав полусырые лепешки, бежали за ним. Я всю дорогу лежала, так как поезд сильно трясло.

Выгрузили нас далеко от станции в Джамбайском районе Самаркандской области. Первую ночь мы провели под открытым небом. На другой день появились арбы и стали развозить нас по кишлакам. Работали мы на хлопковых полях. Жара была 45 градусов, еды не было, воду пили из арыка. Куда-то поехать было запрещено. В 8 лет я пошла в школу. Обучение велось на узбекском и русском языках. На переменах часто оскорбляли меня словами «предатель» или «продажная шкура».

Проживаю в Севастополе, с. Орловка, ул. Школьная, 1.

Аметов Сервер Надирович, родился 25 июля 1932 г. в д. Дереккой Ялтинского района. Состав семьи: бабушка Гульзаде (1885), мама Зибида (1910), сестра Диляра (1938) и я.

О депортации узнали в 3 часа ночи 18 мая 1944 года от офицера с солдатами, которые ворвались в нашу комнату. На сборы дали 15 минут. Приказали взять с собой продукты и теплую одежду. Брать столько, сколько можете поднять. На место сбора (площадь Коммуны) шли пешком со своим грузом в сопровождении вооруженных солдат.

Вывозили нас на машинах только через сутки, ночью. Ехали через с.Кок-Козь на станцию Сюрень. Там нас раскидали по вагонам, наша бабушка попала в другой вагон. Вагоны были товарными, грязными (до этого перевозили скот), их заполнили до отказа. В вагоне оказалось только несколько семей из нашей деревни, остальные были из других сёл. Воду мы набирали на станциях, где поезд делал остановку. В первую неделю нас вообще не кормили. Когда подъезжали к Казахстану, накормили баландой. Тем, кто были ближе к выходу, баланды доставалось больше.

В вагонах люди завшивели, начались болезни. 2-3 умерших пришлось оставить прямо в степи. Медобслуживания не было. В пути были более трех недель. Наш вагон отцепили на станции Каттакурбан Самаркандской области. Затем повели в баню. После этого нас отвезли в колхоз Пахта-Кахрамон Митанского района. Вначале жили под навесом, спали на соломе. В пути сильно устали. Утром рано разбудили, дали по половине твёрдой, как камень, лепёшки. Это был наш завтрак. После чего нас погнали на работу, женщинам дали кетмени для обработки посевов хлопчатника, а меня взяли на конную культивацию. От голода и жары кружилась голова. Так мы проработали 2 месяца. Затем мы узнали, что сестра бабушки Гульзаде с детьми попали в Митанскую МТС и наша семья с колхоза перешла к ним в

общежитие. С 1947 или же с 1948 г. появилась статья, по которой за самовольную отлучку с места проживания осуждали на 20-25 лет. В нашей семье из 4-х человек мы потеряли бабушку. Дома, квартиры, стройматериалы нам не давали. До 1957 г. мы снимали комнату за определённую плату. Потом построили времянку. До 1960 г. почти 99 % наших соотечественников работали чернорабочими. Только потом, те, кто учились, работали служащими. Обучение в основном велось на русском языке. До 1956-1957 гг. поступить в вуз было очень трудно. Я, имея проходной балл, с большим трудом был зачислен на 1 курс Самаркандского сельхозинститута.

Живу в г. Симферополе, м/р-н Ак-Мечеть, ул. Джеппар Аким, 48.

Асанова Гульзие Рустемовна, родилась в 1938 г. в д. Новые Шули Балаклавского района. Семья состояла из 6 человек: отец Смаилов Рустем, мать Рустемова Зинеб, брат Зеки, сёстры Рухие и Хатидже. В депортации родился братишка Абдураман.

18 мая 1944 г. к нам в дом вошли вооружённые офицер и солдаты, и объявили о том, что нас отправляют куда-то далеко. Мы думали, что это эвакуация. На сборы дали 15 минут. Местом сбора была окраина деревни, возле водокачки, куда солдаты на тележках подвозили вещи людей. Оттуда грузовыми машинами отправляли на станцию Сюрень и грузили в товарные вагоны. В вагонах кроме вони и соломы ничего не было. В каждом вагоне разместилось примерно по 80 человек. На остановках люди бежали в туалет, искали воду, готовили лепёшки. Вначале нас совершенно не кормили, потом начали давать кусок хлеба и баланду. Медицинского обслуживания не было. На остановках поезда, если успевали, родственники, знакомые хоронили своих умерших, а когда поезд шёл на полном ходу, умершего сбрасывали, чтобы не разлагался.

В пути ехали около 20 дней. Выгрузили нас в Наманганской области, Касанского района. Мы попали в колхоз Кукумбай. Повезли в баню, дали мыло от вшей. Из колхоза нас перевезли в Касанский район. Папу взяли работать в МТС механиком, мама устроилась в магазин уборщицей. Так как папа болел, в 1946 г. мы переехали в Ташкент ближе к больнице. Позже нам выделили одну комнату в бараке. Над нами был контроль спецкомендатуры. Один раз в неделю ходили на отметку. При входе в комендатуру висел Указ Президиума ВС СССР – большими буквами, что татары крымские без специального разрешения не имеют право отходить от намеченной территории, указанных районов, нарушившие этот указ отправлялись на 25 лет каторжных работ.

Живу в г. Симферополе, м/р Фонтаны-1, ул. Мерджан, 4.

АСАНОВА Джемиле, родилась в 1918 году в дер. Куру-Узень Алуштинского района. Закончила фарм.техникум и работала фармацевтом в аптеке №10 по ул. Воровского гор. Симферополя.

Перед депортацией я со своей 3-х летней дочкой Эльмирой гостила у родителей в дер. Куру-Узень и была выслана с мамой и сестрами Абибе с 6-летним сыном Ремзи, Асие (17 лет) и братишкой Аметом (14 лет). Нас было 7 человек.

Рано утром 18 мая 1944 года в дом вошел вооруженный солдат и приказал: “Быстро соберитесь в дорогу, с собой возьмите одежду и еду на 5 дней”. Мама не понимала по-

русски, растерялась, стоит посреди комнаты, не знает что делать. Я ей объяснила, что нужно собирать вещи, но мама металась по дому, плакала и молилась. Солдат поторапливал. За те 2 часа, которые он дал на сборы, мы собрали теплые вещи и продукты. Скот выпустили во двор.

На подводе доехали до школьного двора, где уже собрали жителей деревни. Люди стояли растерянные, не понимая, куда их увозят из родных мест. Со школьного двора хорошо просматривалось опустевшее и осиротевшее село, только выпущенная скотина металась по улицам и страшно кричала, собаки выли. Поднялся сильный ветер, кругом все почернело, море разбушевалось. Волны высоко поднимались и бились о берег, море как будто прощалось с родным народом.

Когда подъехала последняя подвода, нас погрузили в машины, заполнили до отказа и в сопровождении вооруженных солдат привезли на Симферопольский вокзал. Люди с узелками в руках металась по вокзалу, искали родных и близких, выкрикивая имена. Затем подали товарный состав, и послышалась команда: “По вагонам!”. Нас как скотину грузили в вагоны, заполняя по 60-70 человек в каждый, закрыли двери на засов. В вагоне было очень тесно, душно, стояла страшная вонь, мучила жажда. Маленькие дети плакали, просили кушать, пить, в туалет, но никого никуда не выпускали.

Наконец, поезд тронулся, и под стук колес люди притихли, поникли. Грудные дети жадно сосали грудь, а мамы смотрели в никуда, со страхом думали о будущем.

В пути кормили не регулярно, в основном давали баланду, хлеб и сухую рыбу, в то время, как воды для питья не хватало.

Когда поезд останавливался, старики и мальчики бежали в одну сторону, женщины и девочки в другую – так разрешался вопрос с туалетом. Было большим счастьем, если неподалеку была вода.

О медицинском обслуживании и речи не могло быть. Люди пили воду с водоемов и оттуда запасались впрок. Воду кипятить возможности не было. Люди начали болеть дизентерией, брюшным тифом, малярией, чесоткой, вши одолевали всех. Было жарко, постоянно мучила жажда.

Умерших оставляли на разъездах, никто их не хоронил. Такие ужасные нечеловеческие условия были предусмотрены властями, чтобы как можно быстрее истребить, уничтожить крымских татар, как ненужную нацию. За это не наказывали, а наоборот, поощряли.

На 23 сутки нас привезли на станцию Асака, город Андижан (Узбекистан). Измученные, утомленные люди, наспех покидали вшивые и вонючие вагоны, надеясь, что где-то могут помыться, переодеться, и, наконец, лежа поспать. Нас опять грузили и развозили, размещали в пустые бараки, конюшни, скотные дворы. Было лето, и мы на пол стелили солому, камыш, обустраивая свой ночлег. Всем хотелось помыться, избавиться от вшей. Эта проблема решалась на улице: ставили два кирпичика, делали оджакь (камин), разводили огонь, грели воду, огораживались тряпками и купались. За санитарным состоянием следили наши старейшины, советовали кипятить воду и только потом пить, не кушать зеленый урюк.

Затем власти нас переписали и распределили в отделение №1 совхоза “Горняк” Ташкентской области. До 1957 г. свободное передвижение по району, области было категорически запрещено, только с разрешения коменданта можно было съездить к родственникам. Ежемесячно взрослые ходили отмечаться в комендатуру.

Отношение местных жителей было разное: одни сочувствовали, другие ненавидели, обзывали “продажными”. Это часто приводило к конфликтам.

Начиная с 1954 г., стали выделять пустые дома, квартиры, участки для строительства дома.

Основные виды работ – это разнорабочие. Работали, в основном, на хлопковых полях, в саду, виноградниках, фермах, конюшнях. У детей летних каникул не было, они тоже, наравне со взрослыми работали. Работать заставляли всех – и детей, и стариков. Выходных не было. Маленькие дети оставались дома одни. Моя 5 летняя дочка Диляра умерла от ожогов, не успела вовремя доставить ее в райбольницу.

Дети обучались в школе на русском языке. Разговаривать на родном языке учителя не разрешали. При поступлении в техникумы, институты, крымских татар старались не принимать.

Асанов Зекерья, родился в 1930 году в Евпатории. Состав семьи: отец Джанкылыч Асан (умер в 1936 г.), мать Эсма и семеро детей. Когда началась война брат Садык, сестра Сафие были призваны в армию. Старший брат жил в Магнитогорске и был призван оттуда. Весной 1943 г. в Евпатории был голод и мы, 4 брата – Шевкет (1922), Ильяс (1925), Ягъя (1928) и я, вынуждены были переехать в Акмечетский район в село Сыдыр-багай (ныне Хмельновка).

18 мая 1944 года в 4 утра в дом ворвались солдаты, один из них лейтенант. Он зачитал указ Сталина и дал на сборы 15-20 минут. Но когда мама собрала вещи, он кинул их обратно в комнату и выгнал нас на улицу. Мы, около 80 семей, до вечера стояли под дождём. Затем всех погрузили в автомашины. В селе стоял стон, гул, мычали коровы, лаяли собаки.

Когда стало темнеть, нас привезли на товарную станцию около моря. Вагонов не было. Односельчане стали прощаться, подумали, что нас будут топить в Чёрном море. Но потом подогнали товарные вагоны, которые были захламлены скотским навозом. Нас всех загнали по вагонам, людей толкали, кто не мог залезть самостоятельно, брали за руки и ноги и закидывали в вагоны. В нашем вагоне было около 30-40 человек. Духота невозможная. Двери не открывали двое суток. В пути нас никто не кормил. Один мальчик и старик умерли. По пути многие отстали от эшелона, так как паровоз трогался без гудка.

Привезли нас в Узбекистан, Андижанскую область, Аимский район. Нас встретили люди с деревянными винтовками, они нас боялись. Мы попали в колхоз «Социализм» Аимского района. Поселили в доме, где не было полкрыши. По стенам лазали змеи, скорпионы. В колхозе нам дали 5-10 кг муки. Люди умирали семьями. Меня отправили в детский дом, записали как узбека под именем Хасанов Закир. Я каждый выходной день ходил пешком к родителям и носил им свой паёк 300 гр хлеба. В октябре 1944 г. умерла мама. Брата усыновил сосед узбек. Учился я в русской школе. 1955 году окончил техникум. В депортации умерли два моих брата Шевкет и Ильяс, а также 80% наших односельчан. Из односельчан Сыдыр-багайцев ныне в живых остались 10 человек.

Живу в Сакском районе, с. Михайловка, ул. Степная, 25.

Асанова (Сеитумерова) Сафие, родилась в 1929 г. в деревне Багатыр Куйбышевского района. В семье были отец, мать и 9 детей.

За неделю до депортации к нам поселили солдата и за полчаса до трагических событий он проболтался.

Ночью 18 мая пришли солдаты и объявили о депортации. На сборы ушло 10 минут. С собой не разрешили брать ни грамма груза. Погрузив на машины, отвезли на станцию Сюрень, сопровождали солдаты с оружием, кто хотел убежать – стреляли на поражение. Вагоны были предназначены для перевозки скота и грузили нас так же, как и скот. Вагон был набит людьми. Не было ни туалета, ни воды. Морили голодом, воды и хлеба не давали. О медицинском обслуживании не могло быть и речи.

Умерших выбрасывали прямо из вагонов. В пути были около 18 суток. Привезли нас в Марийскую АССР. На месте поселения был комендантский час. Власти к людям относились с презрением. Жили в бараках, в комнате 2х3 проживали по 2-3 семьи. Работали на лесоповале. Брат Мустафа пропал без вести на фронте. В школе закончила 4 класса, а дальше учиться не разрешали.

Проживаю в Симферопольском районе,

с. Красная Зорька, ул. Куйбышева, 34.

Ахтемова Мумине, родилась в 1950 г. в Узбекистане. О депортации и первых лет жизни на высылке я слышала от отца, **Джеппарова Иззета**, который родился 1 января 1925 г. в деревне Корбек (ныне Изобильное).

18 мая 1944 года во время депортации в доме были бабушка Эмине, отец, тётя Ребия и дети тётки Шавер: Шевхинур, Зулфинар и Марлен. Помню папа рассказывал, как бабушка, взяв Коран в руки, плакала, а папа взял некоторые вещи и каждому из детей в руки вручил узелки. Людей собрали возле деревенского магазина и продержали там до утра. А потом отправили всех в Симферополь. Там их погрузили в товарные вагоны. По дороге умер односельчанин отца, его похоронили в степях Казахстана. В пути они были около 18 дней. Их привезли в Узбекистан, Ташкентскую область, в совхоз «Пятилетие УзССР» и разместили по 4-5 семей в одной комнате. Утром их отправили работать на поле. За ними следили бригадиры на конях. От болезни умер Марлен. В школе дети обучались на русском языке. До 1956 г. никто в техникумах или в вузах не учился. Был специальный режим для переселенцев.

Моя мама **Апибеева Мусемма** родилась 10 мая 1927 г. в д. Кучук-Ламбад. Была выслана 18 мая 1944 г. вместе с тёткой Назифе, её сыном Ильясом. Мои дедушка и бабушка умерли в первые годы депортации. Семьи Апибеевых и Джеппаровых жили в одной комнате. Таким образом, познакомились мои родители.

Живу в г. Симферополе, м/район Фонтаны, ул. Эмель, 47/13.

БАЗИРОВА (Языджијева) Саре Усеиновна, родилась 18 сентября 1930 года в дер. Корбек Алуштинского района.

Отец – Усеин Асан Языджи́ев, 1887 г.р., учитель, был репрессирован и умер в лагере. На момент депортации наша семья состояла из: мамы – Ребия Языджи́ева (1900 г.р.), братьев - Сеитджелила (1923 г.р.), Исмаила (1926 г.р.) и Сали (1927 г.р.) и меня.

17 мая 1944 года я находилась в гостях у родственников – Айше Тюменовой, проживавшей в гор. Симферополе по улице Краснознаменной, 46.

В тот вечер мы с сестрами Зейнеп, Зибиде, Зекие вышли на улицу Севастопольскую и, увидев много новых машин, испугались и вернулись домой. Вслед за нами зашли двое военных, один в белом кителе, другой – солдат с автоматом. Они начали заполнять анкету на каждого члена семьи. Офицер сказал: “Возьмите ценные вещи и выходите”. Было около 12 часов ночи, когда он ушел. Остался солдат. В этом дворе жили 4 крымскотатарские семьи. У тети Айше была старая мать – 90 лет, у другой соседки были больные ноги, ее два сына воевали на фронте.

К двум часам ночи подъехала машина и всех загрузили в нее. Шел дождь. Все плакали. Когда я попросила военных отправить меня к маме в деревню Корбек, мне ответили: “Садись, на станции все встретится”. Нас сопровождали вооруженные солдаты.

На вокзале подвезли к последним вагонам эшелона, поставили доски от машины к вагону и загрузили прямо в вагон. На вопрос какая это станция, нам ответили: “Къаракъыят”.

С собой у меня было только старое пальто. В 5 часов утра наш состав тронулся, и мы попрощались с Родиной.

В вагоне было 76 человек. Воды и туалета не было. Медицинскую помощь никто не оказывал. По пути, в Казахстане, в нашем вагоне умер дедушка Эмир-Сали из Симферополя. Его вынесли и положили вдоль железной дороги. Я видела, как одна женщина подошла и прикрыла его белым платком. Поезд тут же тронулся. Кормили один раз – суп с пшеном и сушеной рыбой.

На 13 сутки мы прибыли на станцию Шарихан Узбекской ССР. Всех загнали в баню. Не могу забыть, как сильно плакали пожилые мужчины Гъани агъа и Мустафа агъа.

Место депортации – колхоз “Большевик” Чинабадского района Андижанской области. На нашу семью из 11 человек дали одну комнату, куда от вшей и блох невозможно было зайти. Спали во дворе, утром всех погнали на работу (собирать ячмень). Среди работников я была самая младшая – мне тогда было 14 лет. Вместе со всеми сдавала норму. Каждый вечер, после работы, нас сопровождал узбек с черной повязкой на глазу. Он ехал верхом на лошади с плеткой в руках (на случай, если вздумаешь нагнуться и подобрать с земли пару колосков пшеницы или ячменя).

В 1946 г. я получила паспорт и тоже со всеми спецпереселенцами ходила каждый месяц на подпись в комендатуру. Стоя в очереди, каждый раз я подписывалась под словами: “Кто отъедет на 3 км от места жительства – 15 лет каторги”.

Обучалась в школе на русском языке. Мама умерла по болезни в 1986 году.

Сейчас проживаю по адресу: Симферопольский район, село Софиевка, улица Центральная, 62.

БАРИЕВА (Асанова) Сафие Аджиасан-кызы, родилась 19 сентября 1932 года в гор. Евпатория.

С первых дней Великой Отечественной войны моего отца – Аджиасана Аметова забрали в армию, где он пропал без вести.

17 мая 1944 года я была в гостях у тети в дер. Кучю, на следующий день мы собирались поехать к нам. Рано утром, еще было темно, к нам в двери сильно постучали. Когда открыли дверь – на пороге стояли вооруженные офицер и два солдата. Они сказали, чтобы мы в течение 10 минут быстро собрались, нас выселяют из Крыма. Еще сказали, чтобы взяли продуктов на несколько дней и теплые вещи. Я стала плакать и умолять их, чтобы меня отпустили к маме в Евпаторию, но мне ответили, что все татары будут собираться на Сакском ж/д вокзале, там и встретишь свою маму. Тетю с двумя маленькими детьми, меня и двоюродных братьев погрузили в грузовую машину, которая уже была заполнена людьми, негде было даже стоять.

На вокзале стояли товарные вагоны, грязные и вонючие. Нас сразу всех затолкали в вагоны и закрыли дверь на засов. Два дня ехали с закрытыми дверями. Не помню, сколько было людей в вагоне, но помню, что невозможно было протянуть ноги. Маленькие дети все время плакали – хотели пить и есть. Никакого медицинского обслуживания в пути не было, не помню, чтобы давали есть. Когда через 2 суток впервые остановили поезд, тетя нашла кирпичи, железо, сделала наподобие печки и испекла нам лепешки.

Привезли нас на станцию “Голодная степь” Узбекской ССР. Там детей и стариков посадили на двух колесную арбу. Кто мог идти, шли пешком за нами. Привели нас в 1-й совхоз 1-го отделения. Повели сразу же в баню, дали черное, как мазут, мыло. Разместили в одну комнату четыре семьи. А рано утром всех отправили на хлопковое поле, на прополку. В обед раздали баланду и по одной кукурузной лепешке – это был заработок за целый день.

Через 4 месяца меня нашла моя мама, которая тайком пробралась из Самаркандской области, чтобы не поймали коменданты. За то, что я работала на поле, директор дал в виде расчета 2 кг муки и 4 кг пшеницы. Пшеницу мы продали, а из муки спекли лепешки на дорогу. Директор написал маме справку, что она действительно приехала за мной, чтобы по дороге никто не останавливал. Но это не помогло, и на обратном пути нас арестовали на сутки, но затем отпустили. Целую неделю мы добирались до Самарканда. Когда мы приехали в кишлак Челек, бабушка лежала голодная и больная. Через несколько месяцев ее не стало.

В 1946 г. мы с мамой убежали в Джамбай, где мама нашла работу на комбинате. Через 4 месяца мама умерла. Я осталась совсем одна. Сижу, плачу, не знаю, что делать с мамой. Тут подошел мужчина, спросил, что случилось. Он помог похоронить маму и забрал меня к себе домой. Я стала их приемной дочерью, помогала по хозяйству, ухаживала за младшими детьми. Учиться мне было некогда. В этой семье я прожила до 1953 г., пока не вышла замуж.

Сейчас проживаю по адресу: гор. Симферополь, улица Зенитная 72, комн. 518.

Бекаев Меджит Мамбетович, родился 21 сентября 1932 г. в деревне Бурундык Старокрымского района. В 1934 г. после смерти отца наша семья переехала в деревню Бахчи-Эли Белогорского района. Туда после окончания техникума были распределены мои братья. Переехали мы в таком составе: мама Мосне (1888), Асие (1916), Джеппар (1924), Абдувели (1926), я, Челебиева Хатидже (1874 г., старшая сестра отца, она жила с нами). В

1943 г. сгорел наш дом и наша семья переехала в деревню Русходжа, откуда и была депортирована в составе: мать, брат Абдувели, я, жена брата Усеина Зевиде и их дочь Сание (1943).

Рано утром 18 мая 1944 года к нам в дверь сильно постучали. Это были лейтенант и два солдата. Лейтенант сказал, что наша семья выселяется из Крыма за пособничество немцам. На сборы дали 20 минут. На человека разрешалось брать 18 кг груза. Посуду, золото, патефон и другие вещи брать запрещалось. Из-за нехватки машин, нас увезли на второй день. Поэтому, почти вся деревня попал в Узбекистан, а мы на Урал. Так как все вагоны были переполнены, нас погрузили к последнему 54-му вагону. В вагоне был твердый слой навоза. Половина вагона была заполнена людьми из Карасувбазара. Внутри вагона дышать было нечем. Окна были забиты с наружи досками. На полу вагона вырубил дыру, чтобы туда можно было опраться. Все мучались жаждой, грызли сырую картошку. Когда эшелоны останавливались, взрослые искали воду, разжигали костры, дети собирали щепки и дрова. На больших станциях двери вагонов не открывали. На пятый день в нашем вагоне умерла пожилая женщина. За всю дорогу я не видел никого из медицинской службы. Когда поезд прибыл в Казахстан, на станцию Арыс, наш вагон отсоединили и прибавили к эшелону, шедшему на север. Двери вагонов не открывали по 3-4 суток. Все были голодные, не было воды. Число умерших увеличивалось с каждым днем. Одна беременная женщина родила мертвого ребенка. На станциях приходили «работодатели», но увидев голодных и изможденных людей, отказывались брать их на шахты. На одной из станций нас выгрузили и посадили в два парохода. Нас со второго парохода в Усть-Косе перегрузили в несколько барж и повезли в Салым Касинского района Коми-Пермского округа. По дороге баржа поломалась и мы через леса и болота шли 12 км до Салыма. Там мы искупались в бане. Расселили всех в здании школы. Дали всем по 200 гр ржаного хлеба и немного грибного супа. Потом местная комендатура распределяла людей по деревням и поселкам. Нас на барже отвезли в поселок Кордон. Писать письма запрещалось, за побег давали 25 лет. Мы работали на сплаве леса – скатывали бревна в реку. В столовой на день рабочим выдавалось по 500 гр., иждивенцам по 200 гр. хлеба. Многие крымские татары грибные супы не ели. Потом я работал на лесоповале, жил в бараке. В 1944-1948 гг. из нашей семьи умерли четверо.

Проживаю в Симферопольском районе, ж/м Белое-6.

БЕКIROV Бавадин, родился 6 апреля 1932 года в селе Аджы-Менди Ленинского района. Точную дату своего рождения узнал лишь накануне шестидесятилетия.

Не могу точно сказать, как так случилось, но у меня не было никаких документов. Привезли нас в хлопководческий совхоз “Савай” Кургантепинского района Андижанской области. Мой дедушка аджы Менъли-Омер, когда-то зажиточный хозяйственник, вместе с женой, моей бабушкой совершивший хадж в священную Мекку и Медину, умер от голода в 1944 году в Узбекистане. Через год умер отец, младших братьев Сададина и Зиядина отдали в детдом, но и они умерли там от болезней и голода. Сестра Вайде тоже не выдержала страданий. Старшая сестра Насибе на момент высылки училась в Керчи, поэтому она попала в Самаркандскую область. Остались только я и мама. Вскоре мама тоже сильно заболела, и ее забрали в больницу на станцию Грунч-Мазар. Я каждый день собирал в поле вязанку хвороста и менял ее на базаре на одну лепешку. Как самую большую драгоценность привязывал ее на грудь и бежал по шпалам в больницу. Другой дороги я не знал. Иногда мне везло, и я добирался до больницы на товарном вагоне. Потом мы вместе с мамой ели эту лепешку.

Однажды ко мне навстречу вышла медсестра и сказала, что мама умерла, и попросила привести взрослых. Я побежал сначала к одной тете, затем к другой, потом к дяде. Но никто не смог мне помочь. Решил разыскать сестру, которая на днях приехала с односельчанами из Самарканда в соседний колхоз. Пробежав весь день, наконец-то нашел ее. Теперь мы уже вместе побежали в больницу. По дороге встретили самую младшую сестру отца Кенджегуль, которая пошла с нами. В больнице среди сложенных тел нашли маму. Тетя кое-как обмыла ее, завернула в ее же платок, и мы втроем похоронили маму во дворе больницы. Это был самый страшный день в моей жизни.

Хотя учительница всегда хвалила меня за успехи, в школу я уже давно перестал ходить – не было ни еды, ни одежды, ни обуви. Чтобы не умереть с голоду, вынужден был пасти коров, баранов у узбеков. Затем устроился работать в гараж. Сестра тоже работала. Вскоре она вышла замуж, меня же забрали служить в армию. Во время дежурства на посту в 1957 г. в Вологодской области России впервые услышал родную “Хайтарму” и не поверил своим ушам. На душе и радость и надежда на скорейшее возвращение. Но ждать пришлось еще долгих тридцать лет. В армии освоил вождение и после службы работал в совхозе трактористом. Был отличником квадратно-гнездового посева, победителем многих соцсоревнований. Но работал ударно я не за награды, а чтобы поскорее встать на ноги, создать своим детям условия, которых был лишен сам.

Ущемление из-за своей национальной принадлежности я чувствовал на протяжении всей жизни. Еще в детстве, когда я сорвал с дерева несколько абрикосов, хозяин дерева привязал меня на всю ночь на цепь к этому дереву. В армии обзывали и чуркой, и предателем. Если бы не умение постоять за себя, вряд ли бы вернулся невредимым. У меня очень много наград за трудовые заслуги, но ни в одном наградном листе, ни в удостоверениях к орденам и медалям фамилия и имя не написаны правильно. Тут и “Бакиров Тавалдин”, и “Багиров Бахауддин”, но только не Бекиров Бавадин. А однажды приехали корреспонденты из “Совет Узбекистони” и “Правды Востока” вместе с директором совхоза Базарбаем Абдурахмановым. Он достал из кармана новенькую узбекскую тубетейку, в которой меня должны были снимать для газет. Я отказался и сказал, что привык к своей фуражке. Директор хотел насильно надеть на меня тубетейку, но я сорвал ее с головы и выкинул далеко. После этого мне стало невыносимо работать в совхозе, и я перешел в автобазу шофером.

В национальном движении за возвращение в любимый Крым участвовал с самых первых дней. К сожалению, из-за неграмотности не мог составлять письма, обращения, но под всеми народными документами подписывался, всегда сдавал и собирал деньги для делегатов в Москву. Меня неоднократно вызывали для беседы к начальству и как бы предупреждали, но я неизменно отвечал о желании вернуться в Крым.

В 1989 г. моя мечта сбылась, я возвратился в Крым. От моего родного села остались только камни, поэтому купил домик в селе Ильичево Ленинского района. В 2002 г. Аллах дал мне возможность совершить хадж в святыне для мусульман места.

18 марта 2005 года Бавадин агъа не стало.

Алла рахмет эйлесин! (Да упокоит его душу Всевышний!).

Бекиров Заур Билялович, родился в 1937 году в деревне Алма-Тархан.

Утром 18 мая 1944 года офицер с солдатами нам объявили о высылке. Часовой стоял у входной двери. На сборы ушло 20 минут. У нас в комнате проживал офицер из штаба с женой, и он в 3 часа ночи сообщил, что нас выселяют из Крыма и мы имеем право взять с собой до 100 кг вещей.

Собрали нас в центре деревни и в сопровождении военных отправили на станцию Базарчык (сейчас Почтовое). Вагоны были грузовые, товарные с большими раздвижными дверьми и маленькими окошечками по бокам. Удобств в вагоне не было никаких, угол для туалета отделили занавеской, воду брали на станциях. Никто нас не кормил, ели то, что успели взять с собой. Медобслуживания не было. Умерших оставляли на станциях. В пути были около одного месяца.

Привезли в колхоз им. Сталина Ходжи-Абадского района Андижанской области. Передвижение в районе до 1956 г. было только с разрешения коменданта. Бабушка и ее дочь умерли от голода и малярии. Дети в школах учились на русском и узбекском языках. Учиться в техникумах и институтах в других городах можно было только с разрешения коменданта. Например, сестра Бекирова Эльвира (1934 г.) из Ферганы, обучась в пединституте, по разрешению коменданта в полгода один раз приезжала повидаться с семьей.

Живу в г. Севастополе, проспект ген. Острякова, 96/47.

БЕКИРОВ Ридван, родился в 1934 году в дер. Уркуста Балаклавского района.

Наша семья состояла из 6 человек: отец – Бекир Курсеитов (1896г.р.); мать – Майе Ваапова (1904 г.р.); сестры Халисе (1924 г.р.), Фатиме (1928 г.р.); Таире (1930 г.р.) и я. У нас в гостях была старшая сестра отца Хатидже Сулейманова (1892 г.р.) из села Айтодор.

18 мая 1944 года около 4 утра к нам в дом ворвались трое вооруженных работников НКВД и с криками: “От имени Правительства СССР вы высылаетесь на неопределенный срок”, приказали покинуть дом в течение 15 минут. Родители успели взять постельные принадлежности и немного продуктов. Сестры взяли кое-какие вещи, я же схватил школьную сумку и наполнил ее книгами.

Мать хотела взять ручную швейную машинку, но офицер начал ее материть и кричать: “Оставь... , а то буду стрелять”. Вывели нас из дома и закрыли дверь на замок. Погрузили всех на телегу и отвезли на край села возле кладбища.

Около 9 утра на сборном пункте нас нашла корова, которую мы отвязали перед тем, как выйти из дома. Она подошла к маме и начала ее лизать. С вымени текло молоко, а из глаз – слезы. Мама обняла свою любимую кормилицу и горько заплакала. Сестра Халисе с разрешения работников НКВД подоила корову, и мы в последний раз выпили молоко нашей коровы.

Там мы простояли, пока не стемнело. Привезли нас на станцию Сюрень, где затолкали в грязные, товарные вагоны. Нас было около ста человек. В вагоне не было ни воды, ни туалета. Нужду справляли в ведро.

Двери не открывали до города Саратова. На станции впервые открыли дверь и предложили суп из соленой рыбы, который был настолько вонючим, что я, хотя и был голодным, не смог

съесть. Больше нас не кормили. Каждая семья, как могла, боролась с голодом. На больших станциях мы приносили воду, и женщины готовили еду из тех запасов, которые взяли из дома. Медицинского обслуживания не было. На остановках спрашивали: “Мертвые есть?”, если были, брали и выкидывали их подальше от железнодорожного полотна.

В 20-х числах июня мы прибыли в Узбекистан. В вагонах все завшивели, поэтому сначала нас отвели в баню на санобработку. Затем отвезли на строительство Нижне-Бозсувской гидростанции в Ташсельском районе Ташкентской области. Поселили в землянках, где до нас жили заключенные. Жара, пыль, грязная вода подкосили наш народ, началась эпидемия малярии и дизентерии. Мы с отцом охраняли мост, рядом была больница. Каждое утро мы видели, как вывозили десятки трупов. Я свидетель того, что в этой больнице не было ни одного вылечившегося больного.

Люди работали на строительстве канала: копали вручную, носили на себе землю и т.д. В конце октября 1944 г. оставшихся в живых людей распределили по колхозам. Наша и еще шесть семей попали в колхоз “2-я пятилетка”, где председатель Адиль ака распределил по домам колхозников и накормил. Работали с раннего утра до позднего вечера на уборке сахарной свеклы и картофеля. Мы очень дружно жили и работали с узбеками, хотя против нас властями велась пропаганда, будто приедут изменники Родины с рогами на голове и т.д. Родители ходили на подпись в комендатуру. Выезжать за пределы колхоза не разрешалось, за нарушение – наказание 25 лет каторги. Меня в 1949 г. поставили на спецучет, то есть с 15 лет. До 1951 г. жили в домах колхозников, отдельное жилье нам не предоставлялось.

У нашего соседа Ибраим агъа Талипова жена и трое детей умерли в 1944 году, из пяти человек в семье в живых он остался один. У другого соседа Аблаева из семи человек умерло трое (мать, отец, сестра).

Обучались в школе на узбекском языке. В 1954 г. я закончил 10 классов, в аттестате, где указан родной язык, написано узбекский. Хотел поступить в ТашИИМСХ, но без паспорта документы не приняли. Вместо паспорта в комендатуре дали справку, в итоге я не прошел мандатную комиссию. В те годы находили много причин, чтобы крымских татар не принимать в техникумы и институты. В 1955 г. я поступил в ТашФЭИ.

На фото я (слева) с другом Маруфом Махмудовым 23 октября 1947 г.

Мой адрес: село Партизанское, Симферопольского района, ул. Юбилейная 5.

Бекиров Сейтумер, родился в 1936 г. в г. Бахчисарае. Состав семьи: мать Мустафаева Себья, отец Бекиров Бекир, братья Сейтибрам, Сейтумер, Сабри, сёстры Ребья, Эмине и я.

О депортации узнали 18 мая 1944 года в 4 часов утра от солдат в советской форме с автоматами в руках.

На сборы дали 5 минут. Солдаты, крикнув на мать: «Одевайтесь и выходите», ударили её прикладом. Мать успела взять с собой Коран, а также золотые монеты (дукаты). Отца с нами не было, его забрали в трудармию. Собрали нас на площади. Брат Сейтибрам незаметно сбежал домой за мукой и рассказал, как русские соседи выносили наши вещи. На вокзале стояли эшелоны. Людей грузили в грязные вагоны. «Красные фуражки» из НКВД били нас прикладами автоматов. Если бы не решетчатые окна, в вагоне можно было задохнуться. Воды, туалета в вагоне не было. Еды не давали. Медицинского обслуживания не было.

Иногда приходили сопровождающие и интересовались, нет ли покойников. Если были, их забирали санитары в чёрных халатах. В вагонах семьи с уважением относились друг другу. Случаев каннибализма не было. Мама всю дорогу читала священный Коран. Ехали около месяца. Привезли нас в степи Касансайского района Наманганской области. Люди размещались в сараях без окон и дверей. До 1956 г. свободное передвижение по региону категорически запрещалось, каралось лишением свободы на 25 лет. В 1955 г. участковый привез меня в военкомат г. Самарканд, оттуда я был отправлен в Осетию - в воинскую часть №47913. В депортации от малярии умер младший брат Сабри, без вести пропал отец.

Проживаю в Симферополе, с. Строгоновка.

Бекирова (Бариева) Касиде Абдурамановна, родилась 9 декабря 1934 г. в деревне Аджи-Менди Ленинского района Крымской АССР. Отец – учитель, завшколой деревни Абдураман Бариев, мать – Зейнеб Мамбет – работала в колхозе.

Семья была многодетная – 9 детей. В первый день войны отец вместе с другими активистами деревни записался добровольцем на фронт. Больше я отца в Крыму не видела – лишь в 1945 г. он вернулся в Среднюю Азию.

Красную Армию встречали с радостью, цветами, возгласами. Немцев боялись, мамы наши вели себя очень осторожно, никто даже громко не разговаривал, не пел. Разве кто согласится всю свою жизнь говорить и не петь? Что эта за жизнь? Кому в голову пришла такая глупая мысль, что татары любили немцев – это ведь, считай, были сплошь женщины, оставшиеся в оккупированных зонах, а их мужья и сыновья были в Красной Армии, воевавшей с немцами. Денщик немецкого офицера, квартировавшие в нашем доме, чуть не расстрелял моего младшего брата Оздемира, которому было три года: ему не понравилось, что брат заплакал, когда его начальник спал. Денщик уже направил дуло пистолета, мама успела схватить и обнять сына, и сказала: «Убейте лучше меня».

Недели за две до депортации мама сказала, что нас посадят в корабль и увезут в море, утопят. И поэтому, когда мы 18 мая собирались на поезда, то мама никакой посуды не взяла, кроме двух ведер. Говорила: нас все равно утопят, а если останемся живы и будет что готовить – я найду посуду. Когда посадили в вагоны, то была рада и сказала: значит, мы останемся живы, видно, везут в Сибирь – ничего страшного, я вас спасу в любом месте, мне не страшна Сибирь, я уже была в Архангельске, лишь бы нас сейчас не расстреляли. В 1932 году мама, как жена кулака, вместе с тремя детьми была выслана в Сибирь. Пять или шесть месяцев она пробыла в Архангельске, потом оттуда сбежала, решив, что если не убежит, все равно погибнет. Добралась до Москвы, а там и до Крыма.

В товарных вагонах мы разместились на второй полке нар. В вагоне было много семей. Нас ехало рядом три семьи - 18 человек. Нас десятеро, семья сестры отца - 3 человека и другие сестры - 5 человек. У них не было ни одного мужчины, а у нас было два мужика - мои братья: Эфрасияб 1931 г. рождения и Оздемир - 1940. Остальные 16 человек были все женского пола. В 1942 г. родилась сестра Халиде, отец ее не видел. Она умерла в Средней Азии в 1945 г., так же как и две другие сестры – Нефисе 1923 г. и Айслув 1928 г. рождения.

Ехали 14 дней. Кормили плохо. Простаивали эшелоны по 3-4 дня. Лишь в Саратове накормили «царской» пищей: суп ячневый – очень вкусный, и белый хлеб - все ахнули. Потом много лет вспоминали об этой еде. Такой хлеб люди не ели с начала войны. По дороге люди умирали, много было больных с высокой температурой, кашляли всю дорогу.

Привезли нас в Среднюю Азию вечером, разместили по селам, колхозам, по квартирам узбеков. Переночевали в первый день в каком-то двухкомнатном доме с земляным полом, сказали – это школа. Мы рады были, что выгрузились из душного товарняка, где все чесались и кашляли, и рады были прохладе земляного пола. Наши хозяева были очень доброжелательные и нам сочувствовали. И даже спасли от смерти меня и моего брата. В 1945 г. почти месяц мы жили без хлеба, муки, питались только фруктами – абрикосами и яблоками.

В 1945 г. вернулся из армии отец, устроился работать плотником. Мама ходила по селам, меняла вещи на продукты. Так прокормила нас в 1944-1946 гг.

Было очень жарко. Я переболела тремя видами малярии - двухдневной, трехдневной и четырехдневной. Запомнились эти дни истощающими ознобами. Дизентерией я болела несколько раз, по много дней. Нам даже не хватало «хины». А в начале 1947 г. чуть не умерли с голоду. Выскочила какая-то трава, мы две недели питались ею (по-моему, это была лебеда). И до того она осточертела, я думаю: если еще раз в рот ее возьму, то умру.

Маленькому брату Оздемиру варили кашу – с мельницы ручной мама кое-как счищала около 100 гр. муки. И вот, однажды, мама выскребла последние пол-стаканчика муки и говорит: «Это уже последняя мука для малыша, теперь будем умирать с голоду, терпите и кушайте траву». Эти две недели мы были на грани голодной смерти. И вдруг мама приносит муку гороховую и яичный порошок. Позже она говорила: «Если б не американцы, которые по Северному пути поставили продукты питания, мы бы умерли с голоду».

В 1955 г. я окончила школу и, как «золотая медалистка», получила возможность поступать в институт без экзаменов. Комендант выдал мне разрешение на поступление, и я была принята в Ташкентский медицинский институт. Два года проучилась в Ташкенте, потом перевелась в Андижанский мединститут. Учиться было тяжело. Ущемленность из-за национального происхождения не покидала никогда. Добивалась своего - главное было получить высшее образование. Ко мне прямо не высказывали ненависти или неприязни, но чувствовала, в жизни и в карьере на родине добилась бы большего. И если бы не война, не выслали бы нас, жили бы совсем по-иному.

В 1967 г. вышла замуж за Тасима Бекирова, вырастили двоих детей. В 1991 г. похоронила мужа.

С 1968 г. живу в г. Мелитополе Запорожской области.

Бекирова Наджие, родилась 3 марта 1931 года в дер. Отуз Судакского района. Во время войны жила с бабашукой в дер. Отуз.

Ранним утром 18 мая 1944 года постучали в двери и окна. Вооруженные солдаты приказали, чтобы мы в течение 15 минут покинули дом. Мы взяли с собой лишь небольшой узелок с вещами. Собрали всех жителей – крымских татар на кладбище. Погрузив в грузовые машины в сопровождении солдат с автоматами и пулеметами повезли в гор. Феодосия на ж\д вокзал. Там нас перегрузили в грязные вагоны, в которых возили скотину. Вагоны забиты людьми. Кормили один раз в сутки (давали рыбный суп). Когда поезд останавливался, взрослые выбегали за водой. Медицинского обслуживания не было, умерших людей выбрасывали по дороге в поле.

В пути были 16 суток. Привезли нас в колхоз “Комсомол” Мархаматского района Андижанской области Узбекской ССР. Нас, три семьи, поселили в одну маленькую кибитку. Ездить никуда не разрешалось, передвигаться по району – только с разрешения коменданта. Работали в колхозе, на хлопковом поле. С местным населением первое время отношения не складывались, они называли нас “предателями”, но со временем они нас больше узнавали и все пошло на лад.

Учиться не разрешали, причина одна – крымские татары для всех были изменниками родины.

С первых дней приезда начались эпидемии инфекционных болезней. От дизентерии умерла моя бабушка. Я осталась одна. Хоронить людей по нашим обычаям было не кому. Кого хоронили на узбекском, кого на русском кладбищах. После смерти бабушки я попала в детдом №14 гор. Мархамата. Жила там до 1945 г., потом отправили работать в гор. Андижан на швейную фабрику им. Володарского. Жила в общежитии до 1953 года.

Вышла замуж за Амета Абильвапова, и в 1977 г. решили возвратиться в Крым. Купили небольшой домик в селе Калиновка Ленинского района. Нас не прописывали, не давали работу. Прожили там год. В 1978 г. пережили еще одну депортацию – нас выслали из Крыма за так называемое “нарушение паспортного режима”. На двух автобусах приехали милиционеры и стали вышвыривать нас из дома. Вещи выкинули в старый заброшенный сарай. Нас поддержали соотечественники, их, как и нас с мужем, тоже посадили на 15 суток. Суд проходил в 11 часов ночи. Женщин посадили в КПЗ гор. Феодосии, мужчин – в КПЗ гор. Судака.

После всего этого мы вынуждены были поселиться у моего брата на Кубани. В 1991 г. мы уже второй раз вернулись на Родину.

Сейчас проживаю в селе Мичурино Белогорского района, по улице Степной, 45.

БЕШЕВЛИ (Асанова) Гульнара Османовна, родилась 26 июля 1935 года в гор. Симферополе. Наша семья проживала в доме №17 Кривого переулка.

В семье были бабушка, отец, мать, тетя, я и братишка. С первого дня войны отец ушел на фронт. Ночью 18 мая 1944 года в дом зашли солдаты Красной Армии и сказали: “Собирайте всё необходимое, вас высылают”. Мама заплакала и говорила, что нас расстреляют. Старший из военных предупредил: “Повезут очень далеко, возьмите самое нужное и документы”. На сборы дали около одного часа и помогли собраться. Мама в чехол от матраца сложила одежду, продукты, одеяло. Вместе с соседями посадили в грузовую машину и в сопровождении вооруженных солдат повезли на Симферопольскую ж/д станцию. Там нас загрузили в скотские вагоны и закрыли двери. В пути иногда кормили жидким супом. Питьевой воды не было, туалет отсутствовал. Грязь, вонь, люди начали болеть, не было никакой медицинской помощи. Во время коротких остановок люди бежали за водой, падали, отставали от поезда. Ехали очень долго, около 17 суток.

Высадили нас в гор. Бекабад Узбекской ССР, расселили в землянках. Нас называли спецпереселенцами, раз в месяц взрослые ходили в комендатуру на подпись. Без спецразрешения нельзя было выезжать за пределы города. Мы не могли навестить родственников в других районах. Позже построили бараки для переселенцев и нас всех переселили туда. Мама устроилась работать на стройку, работала хорошо и получала

стахановский паек. Отец вернулся с фронта и разыскал нас. Устроился на работу в межсовхозную базу шофером. Когда отцу выделили участок под строительство жилья, мы, все, взрослые и дети, замешивали глину, лепили кирпичи и своими силами построили дом.

Я пошла в 1-й класс в 1944 г., обучение в школе было на русском языке. В 1954 г., когда окончила 10 классов, родители с большим трудом получили разрешение на выезд, и я поехала поступать в Ленинабадский пединститут. Сдала все экзамены на “4” и “5”, лучше многих, но меня не зачислили. Мы с отцом обратились к ректору, но он не захотел нас слушать, и тогда я закричала: “Я знаю, почему вы меня не приняли, потому что я крымская татарка!” Мы обратились в райком и каким-то чудом меня приняли. До 1956 г. ходила на подпись как спецпереселенка. В 1958 г. окончила институт и начала работать. Отличник просвещения Узбекистана. 40 лет поработала учительницей английского языка, из них 10 лет – завучем школы.

В 1997 году вернулась на Родину.

Проживаю по адресу: Красногвардейский район, с. Амурское, ул. Цветочная, дом 11.

БЕШЕВЛИ Нариман Усеинович, родился 19 ноября 1932 года в дер. Дегирменкой Ялтинского района. У нас был свой дом с садом. В семье жили отец, мать и четверо детей. Отец работал бригадиром табаководческой бригады. На второй год войны отец ушел воевать на фронт.

18 мая 1944 года ночью в дом сильно постучали. Мама открыла дверь, ворвались вооруженные солдаты. Они были очень злы, кричали и матерились. Мы ничего не могли понять, потому что не знали русского языка. Тогда они прикладами стали выгонять нас во двор. Собраться времени не дали вообще, и вещи брать не разрешили. Мама думала, что ведут на расстрел, и шепнула мне, чтобы я отвел к козе только что родившихся козлят. Солдат увидел это и отшвырнул меня прикладом в сторону. Вытащили они нас из дому, в чем были – без вещей и продуктов. Из соседних домов жителей выводили так же под конвоем. Всех собрали возле сельской автостанции. Ничего не объяснили, и мы до самой станции Симферополя думали, что везут на расстрел. Там уже наготове стояли товарные составы. Всех “забили” в скотские вагоны и закрыли досками. Не было места, чтобы прилечь. Не было ни воды, ни туалета. Мы сидели в битком набитых вагонах в страшной духоте. У нашей семьи не было продуктов, и соседи делились своими скудными запасами. Иногда нас кормили, но обязательно соленой пищей, от нее очень хотелось пить, а воду не давали. Люди начали болеть, но никакой медпомощи не оказывали. Из-за отсутствия туалета через несколько дней в вагоне нечем было дышать. Умерших закапывали в наспех вырытых ямах вдоль дороги во время стоянок, иногда - несколько трупов в одной.

Ехали очень долго, суток 20. Высадили нас на станции Хакулабад Наманганского района Узбекистана. Всех разместили в сельской школе. Местные жители вначале очень боялись нас, им сказали, что приедут людоеды. Помню одну старую женщину-узбечку с “заячьей” губой. Мы боялись ее, а она убежала от нас.

Потом нас разместили в какие-то кибитки. Работали в колхозе, в основном на полях. Мама работала от зари до зари, и ее скудный паек едва хватал на всех нас. Старший брат Мустафа в 14 лет пошел подрабатывать к местному мельнику, приносил немного муки. Когда убрали урожай зерна на полях, я со сверстниками пошел убирать колоски с земли. Нас увидел

бригадир, стал избивать плеткой, мы еле спаслись. Мама почти всю еду отдавала нам, детям, сама много работала и почти ничего не ела. Она стала часто болеть.

Взрослые ходили каждый месяц на подпись в сельсовет. За пределы района нельзя было выезжать, даже чтобы попросить помощи у родственников или в поисках другой работы. На зиму мы остались в кибитке. Мама уже не могла работать, болела, заболела и младшая сестра Ребсима, которой было 4 годика. Чтобы спасти нас, мама определила Мустафу, меня и сестренку Ление в детский дом. Нас разбросали в разные детдома, хотя мы плакали и просили оставить нас вместе. Детдом спас нас от голодной смерти. Сестренка Ребсима умерла от голода. Отец, мобилизовавшись, застал маму еще живой, она сказала, что мы где-то в детдомах. Через несколько дней отец похоронил маму и стал искать нас. Нашел! Мы плакали от радости, что снова вместе, и от горя, что потеряли родных.

Отец устроился на работу в колхоз, брат выучился на шофера и стал помогать отцу содержать семью и строить дом. Я учился в узбекской школе. В 1954 г., когда мне шел 22 год, я закончил школу. Рядом строился завод, и я мечтал стать инженером-строителем. Чтобы учиться, нужно было разрешение коменданта на выезд. Я часто ходил к нему, но тот только издевался, говорил, что от него зависит, стану я “человеком” или нет, он вершит мою судьбу. Хотелось впиться в его глотку зубами и отомстить за все унижения, но я понимал, что завишу от него. Терпел... В конце июня, перед самыми приемными экзаменами, он выдал мне разрешение. Я сдал все экзамены на “5” и был принят в Ташкентский политехнический институт на факультет промышленно-гражданского строительства. Обучение проходило на русском языке, поэтому пришлось изучить и этот язык. В 1959 г., окончив институт, стал работать. Начинал прорабом, дослужился до зам.министра строительства Узбекистана, затем зам. Председателя Узбекского совета профсоюзов по строительству курортов Узбекистана. Награжден званием и медалью лауреата премии Совета Министров СССР в области строительства, был персональным пенсионером СССР.

В 1997 г. вернулся на Родину.

Живу в селе Амурское Красногвардейского района, по улице Цветочная, 11.

Билялова Лейля, родилась в 1928 году в г. Симферополе.

17 мая 1944 года никто ничего не подозревал. Все спокойно легли спать. 18 мая. Ночь. Шёл дождь. Было довольно прохладно. Вдруг слышим сильный стук в дверь, ругань, мат. Моя мама, ничего не понимая, вынуждена была открыть дверь квартиры. Нас было трое: мать 38-и лет, я и 10-летняя сестрёнка. Отец в это время на фронте защищал Родину. Зашел офицер, прочитал какую-то бумагу, из чего мы поняли, что нам необходимо покинуть наш дом. На сборы дали 15 минут. За что бы не бралась мама, офицер всё грубо отбирал. Во дворе собрались все соседи, – только женщины, дети. Среди нас не было ни одного мужчины. Все они были на фронте. Мы все два часа под дождём ждали машину. Так обошлись со всем народом.

Привезли нас, как мы потом узнали, на станцию Сарабуз. Нас ждали товарные вагоны. Рядом с каждым вагоном стоял солдат с овчаркой. Люди не хотели взбираться в вагоны. Их загоняли прикладами винтовок. Трое суток эшелон нигде не останавливался. Трое суток нам не только еды, но и воды не давали. За 22 дня пути нас кормили всего 3 раза какой-то соленой баландой, после чего опять 2 дня не давали пить. За 22 дня нам ни разу не дали хлеба. Медобслуживания не было. В нашем вагоне умерла старушка и мы более суток ехали

вместе с умершей, пока состав не остановили в степи. Её не дали хоронить, труп просто оставили рядом с рельсами.

Наш эшелон прибыл в Узбекистан в Чинабадский район Андижанской области. Оттуда нас развезли по колхозам. Моя семья попала в колхоз им. Сталина. Нас поселили в коровнике частного дома. В каждом углу – по семье. На следующий день рано утром приехал председатель колхоза. Он что-то говорил, но мы не понимали. Мы были оглушены, голодны, нас никто не собирался кормить. В это же утро под его присмотром нас погнали на хлопковые поля в 45-градусную жару. Свирепствовали тиф, дизентерия, малярия. Болели семьями. Еды попросту не было. Даже тогда не было медицинского обслуживания. За территорию колхоза мы не имели права выходить. За каждым нашим шагом следили. Коменданты свирепствовали. Чтобы попасть в райцентр и купить еду, моей маме пришлось искать причину, почему ей необходимо попасть в райцентр. Надо было идти 8 км пешком. Она ничего не могла придумать, кроме зубной боли. Обращаясь к стоматологу, она указала на здоровый зуб. Так, в три приезда в райцентр она удалила три абсолютно здоровых зуба, т.к. она обязана была принести коменданту справку от врача.

Проживаю в г. Симферополе, ул. Инвалидная, 547.

Ваджипова Зоре, родилась 26 декабря 1926 г. в деревне Мангуш (ныне Прохладное) Бахчисарайского района. Семья состояла из 7 человек, из которых 5 детей.

Мы жили в одном доме три семьи. Жили как беженцы. Наше село Идешель сожгли немцы. В 1943 году они расстреляли нашего отца.

18 мая 1944 года в 5 часов утра постучали в дверь. Когда мама открыла дверь, там стояли 3 вооружённых солдата. Они сразу зашли в комнату, где мы спали. Сказали, что нас выселяют из Крыма и на сборы дали 10 минут. Один солдат сказал: «Берите всё необходимое», но другой солдат сказал ему, чтобы он ничего не говорил нам, так как мы предатели и нас надо расстрелять. Мы взяли кое-какие вещи, место сбора было в центре деревни, сопровождали нас вооруженные солдаты. Всех жителей деревни на грузовиках повезли в Бахчисарай. Погрузили в скотские вагоны. Детей разместили на вторые полки. Никакого туалета не было. Нам не давали воды. Кто успел взять еду с собой, тот кормил своих детей. Двое суток к нам в вагон никто не заглядывал. Мы думали что задохнёмся, дышать было нечем. На третий день открыли двери и спросили, все ли живы. Медицинского обслуживания не было. Кормили один раз в сутки – приносили ведро с кашей. Одна чашка на всю семью. Умерших оставляли у дороги.

В пути были около 30 дней. Высадили нас на станции Вревская (ныне Алмазар). Со станции на арбах нас развезли по месту жительства. С одного района в другой ходить не разрешали. До 1956 г. за непослушание очень строго наказывали. Если поймают, то били, даже сажали в тюрьму. Местные жители были предупреждены властями, что мы опасные люди, предатели.

Наша семья попала в племсовхоз, там были фермы, мы ходили копать свеклу. Наша семья состояла из 6 человек. Один брат умер от дизентерии, остальные выжили. Нам дали одну комнату, в которой жили три семьи, в одном углу жила наша семья. На строительство дома ничего не давали. Из нашей семьи в школу никто не ходил. Братишки ходили собирать машак, таким образом кормились. Кто ходил в школу, те обучались на русском или узбекском языках.

Проживаю в Белогорском районе,

село Крым-Роза, ул. Павлюченко.

Валиева Лиля Темиркаяевна, родилась в 1932 г. в Балаклавском районе селе Камышлы. В семье было 5 человек: мать Акмуллаева Хатидже (1906) и четверо детей. Мой отец Темиркаяев Вели (1901) геройски погиб на войне.

Утром 18 мая 1944 года в 4 часа утра пришли солдаты и объявили о высылке. Дали на сборы 15 минут. Брать с собой ничего не разрешали. Мы взяли с собой только одну сумку и Коран. Вооруженные солдаты сопровождали нас до Бахчисарайского вокзала. Погрузили в грязные товарные вагоны. Ни воды, ни туалета, об удобствах не было и речи. По дороге трупы скидывали из вагонов. Медицинского обслуживания не было. Болели тифом.

В пути были приблизительно две недели. Привезли нас в Ташкентскую область, Бекабадский район, совхоз Дальверзин. Оттуда пешком шли до Самарканда. Свободное передвижение по району не разрешалось. Был комендантский час. Не разрешали общаться с родными. Органы власти на местах встретили нас как врагов народа. Для жилья выделили помещение, где не было ни пола, ни окон, всё достраивали сами.

В семье нашей умер один человек, остальные выжили за счёт труда и терпения. В школе мы не учились, т.к. работали на полях.

Адреса своего не имею, снимаю квартиру.

ВАЛИЕВА (Сейтвелиева) Урие, родилась в 1926 году в гор. Бахчисарае. Наша семья проживала в доме №64 по улице Севастопольской (сейчас Комарова,20). До войны нас было четверо сестер: Мерьем, Хатидже, я и Джеваир. Старшие сестры были замужем и жили отдельно.

18 мая 1944 года в 4 часа утра на улице слышались крики, плач. Мама выбежала узнать, в чем дело и увидела, как солдаты выгоняли из домов женщин с детьми на руках. В нашем доме располагался госпиталь и у нас жила военврач-майор. Мама ее разбудила и попросила узнать, что случилось. Доктор сходила в комендатуру и принесла страшную весть: “Вас всех высылают в Среднюю Азию. Вчера никаких указаний не было”. Тут в дом вошли трое вооруженных солдат и дали нам на сборы 15 минут. Я стала возражать, солдаты начали угрожать. Зашла майор, и они немного успокоились. Разрешали взять с собой от 5 до 15 килограмм. Согнали нас на железнодорожном вокзале, загрузили в товарные вагоны как скот – чем больше влезет, тем лучше. Ехали стоя или сидя. Стариков, которые не могли подняться в вагон, солдаты били прикладами.

Пока не выехали за пределы Крыма, вагоны не открывали и воды не давали. Туалета не было и медицинской помощи тоже. Эшелон останавливался на маленьких станциях, у кого была посуда, бежали искать воду. Многие отставали от своего вагона. Потом один раз в день стали выдавать вареную капусту или овсяную баланду. В нашем вагоне был пожилой мужчина, потерявший свою семью, он сильно болел и умер. Поезд останавливался посередине поля и всех умерших из вагонов выбрасывали. Хоронить не давали. Так мы ехали 15 суток. Помню, наш поезд простоял на станции города Саратова около трех суток. Там нас догнали двое

офицеров из партизанского отряда – Селимов и Мустафаев. Они собрали всех музыкантов с нашего поезда и пели песню:

Гузель Къырым, гузель Къырым,

Бизлер сенден кетемиз.

Амма, бильмем, энди не вакъыт

Санъа къайтып, келермиз.

(Прекрасный Крым, прекрасный Крым!

Нас увозят от тебя.

И не знаем тот час,

Когда вновь увидим тебя!)

После долгих мучительных дней, нас привезли на станцию Горчаков, что находится близ города Маргелана Узбекской ССР. Там уже поджидали арбы с большими колесами. Председатели колхозов – “покупатели” выбирали семьи, где меньше иждивенцев и больше рабочей силы. У нас только мама была нетрудоспособна. Мы попали в колхоз “Парижская коммуна”, где нам дали одну комнату без окон и дверей. Кругом полно скорпионов, боялись лежать на земле. Местные жители вначале сторонились нас, пугали детей: “Людоеды приехали”. Смотрели на нас как на зверей. Но потом привыкли, увидели какой мы трудолюбивый народ и сменили свое отношение к нам.

Мы с сестрой ходили работать на поле, косили серпами пшеницу, ячмень, вязали снопы. Через 4 месяца с Ферганского хлопкоочистительного завода приехал работник и стал набирать рабочих, нас тоже забрали. Наступила зима, а у нас ни теплой одежды, ни обуви. Работали на заводе по 12 часов в смену. Сначала рабочим давали 250 грамм хлеба на день, иждивенцам по 125 грамм. Потом стали выдавать по 400 грамм ржаного хлеба, 5 килограмм просо или ячменя, из которого мы пекли лепешки.

До 1957 г. никуда нельзя было выезжать без пропуска от коменданта. Завод на нашу семью из 5 человек дал одну комнату.

15 лет я поработала трамбовщицей на хлопкозаводе. Вышла на пенсию с 40 летним стажем. Мама до 1955 г. ждала возвращения в Крым, но, так и не дождавшись, умерла. Старшую сестру в 1945 г. за прогул (заболела) осудили на 5 лет лишения свободы, которые она провела в Ферганской тюрьме.

Муж старшей сестры Фатме погиб на фронте и она одна вырастила 4 детей. Муж второй сестры Халиде тоже погиб, она подняла 5 детей. Младшая сестра Джеваир живет в Бахчисарае.

Я в 1946 г. вышла замуж за Суфьяна Салиева, который вернулся из Тульской области из трудармии. По приезду он поехал в кишлак, чтобы найти могилу своей матери, но не нашел. Местные жители – узбеки сказали: “В этих могилах всех покойников шакалы съели”.

Я в 1941 г. закончила 7 классов на родном языке. Началась война, и моя дальнейшая учеба закончилась. У нас с мужем 4 детей, 7 внуков и 4 правнуков.

Живем по адресу: Симферопольский район, село Прудовое, улица Зеленая, 30.

ВЕЙРАТСКАЯ Анифе Умер кызы, родилась 18 декабря 1929 года в дер. Старый Карагут Сакского района. В момент депортации нас в семье было 5 человек: мама и мы, 4 детей.

18 мая 1944 года мама встала рано утром, чтобы подоить отелившуюся в ту ночь корову. Но ее остановили вооруженные солдаты. Тут же подъехала грузовая машина, в которой уже сидели наши соседи, и солдаты объявили, что нас высылают. Разрешили взять только ведро с кукурузой, кастрюлю несколько ложек. В сопровождении этих же солдат нас привезли на железнодорожный вокзал города Саки.

Погрузили в товарный вагон. Не считали, сколько людей было в вагоне, но помню, что он был забит в основном женщинами, стариками и детьми. Не было ни воды, ни туалета. Только через двое суток поезд остановился. В пути два раза кормили баландой. Медицинского обслуживания не было. Если в вагоне кто-то умирал, его оставляли в степи, не разрешая даже похоронить.

3 июня привезли на станцию Голодная степь Ховайского района Узбекской ССР. Оттуда нас перевезли в совхоз Баяут, где сразу же поставили на комендантский учет. Каждые 10 дней ходили к коменданту на подпись. Даже в соседний совхоз не имели право ездить без разрешения коменданта. Это длилось до 1956 г.

Местные жители вначале нас сторонились, так как им сказали, что татары предатели. Представители власти к нам относились очень жестоко. Никакой помощи от государства не получали. Жили в землянках, где не было ни окон, ни дверей.

Рано утром приезжали на конях бригадиры и выгоняли работать на хлопковые поля. Работали до позднего вечера.

Нас в семье было 5 человек. За зиму в Баяуте я осталась одна. Маме было 42 года, двое братишек и сестренка – все они умерли от голода и болезней. Нам выдавали по 200 грамм хлеба, талоны были, а хлеба не хватало.

В школу я не ходила, и поэтому не знаю, на каком языке обучали детей. В Крыму перед войной окончила 3 класса, больше учиться не довелось.

Слава Аллаху, вернулась на свою Родину и живу в родном селе.

Мой адрес: Сакский район, село Долинка, переулок Северный, 10.

ВЕЛИУЛАЕВА (Исмаилова) Ление, родилась в 1938 году в дер. Кучук-Озенбаш Куйбышевского района.

Семья состояла из: отца – Смаила Исмаилова (1901 г.р.), матери – Фатиме (1908 г.р.), брата Амета (1928 г.р.), сестры Найле (1930 г.р.), меня, и братишек Мемета (1940 г.р.) и Рустема

(1943 г.р.). В местах депортации в 1945 г. мама родила двойняшек: мальчика и девочку. Мальчик умер, а сестра Эмине жива и поныне.

О депортации мы узнали от мамы, она сказала, что на сборы нам отведено 15-20 минут. В это время отец воевал на фронте. Нас сопровождали вооруженные солдаты. Людей грузили в товарные вагоны, где были ужасные условия: грязь, вонь, теснота. Ни воды, ни туалета не было. О медицинском обслуживании в пути не могло быть и речи. Когда поезд останавливался на станции, люди спускались из вагонов, чтобы справить нужду и набрать воды. Те, кто не успевал забраться в вагон, оставался на дороге – никого не ждали. В вагонах было очень много людей. Кормили ли нас или нет – не помню, но моя старшая сестра говорит, что нет. Помнится такой эпизод: слышу, как сидящий рядом мужчина, что-то с хрустом ест. Показалось, что он ест яблоко, и я с плачем прошу у мамы яблоко. Мужчина, услышав, как я, шестилетний ребенок, прошу есть, протягивает мне то, что он сам ел: оказалось, что это просто сырая картошка.

Если кто-то умирал в пути, сбрасывали прямо с поезда, не останавливаясь, никого не хоронили.

Мы были депортированы на Урал, в Костромскую область, Колографский район. Поселили в каком-то большом помещении, типа клуба, разделенного на бараки. Когда нас туда привезли, никого на улицах не было: местные жители все попрятались по домам, так как им сказали, что везут одноглазых, рогатых людей. Они выглядывали из окон и когда увидели, что мы такие же обычные люди, выходили и даже приносили еду: молоко, хлеб, пирожки...

Действовал комендантский час: если не успевали до определенного времени попасть в барак, приходилось ночевать где придется. Так мы прожили два года. В это время раненный на войне отец, лечившийся в госпитале в Узбекистане, написал нам вызов и мы переехали в Самаркандскую область Пайарыкский район колхоз “Правда”. Жили мы в одной маленькой комнатухе, без окон, спали на соломе. Отец работал в то время в школе сторожем, мама работала в той же школе уборщицей.

Никаких квартир, домов, стройматериалов нам не выделяли. Мы собирали хлопок для колхоза, вот на это и жили всей семьей.

В школе мы учились на узбекском языке. Я закончила 10 классов, потом окончила курсы воспитательниц в педагогическом училище.

Много, очень много боли, горя и потерь пережили крымские татары, оторванные от своей родной земли, домов, Родины. Еще много о чем можно написать: как голодали, жили впроголодь, едва выжили, попрошайничали, чтобы прожить очередной день. Очень хочется, чтобы восторжествовала справедливость, чтобы люди узнали, сколько нам пришлось пережить гонений, мучений, лишений, чтобы нас перестали называть “продажными татарами”.

Мой домашний адрес: Симферопольский район,

пос. Молодежное-3, улица Ветан, дом 15.

Ганиева (Ваапова) Зульбие, родилась в 1936 г. в деревне Кучка Балаклавского района. Семья наша состояла из сестёр - Сабие (1931), Ребия (1934), Мелек (1939), брата Нури (1941) и я. Мама в 1942 г. взорвалась на mine. Отец был на фронте.

18 мая 1944 года к нам пришли солдаты и сказали: «Собирайтесь, едете на 10 дней». В нашей деревне ни одного русского не было, мы не понимали, что они говорят. Поэтому мы ничего не взяли. Собрали нас возле табачного сарая. Сестрёнка наша, ей было 5 лет, жила на соседней улице у одной бабушки. Старшая сестра хотела её забрать, но солдаты не разрешили. Мы попали в Марийскую АССР, а она в Узбекистан.

От самого дома до приезда в г. Волжск нас сопровождали солдаты с автоматами. Вагоны были как конюшни, грязные и вшивые. Народу было очень много, сидели на голом полу. Всю дорогу голодали, хотели пить. Трёхлетний братишка сильно болел. Мы попали не со своей деревней, а с другими. Я не помню, сколько раз нас кормили и чем, но хорошо помню, что мы всё время были голодные. Нас съедали вши. В пути не было возможности умыться. На остановках все бежали за водой, а у нас не было даже посуды для воды. Один дедушка не успел добежать до вагона и остался. Умерших просто выкидывали из вагонов, хоронить не давали никому. Медицинской помощи не было. Люди последнюю одежду меняли на хлеб.

Нас привезли в Волжск Марийской АССР. Всех поселили в клубе. 2-3 суток находились там. Местные смотрели на нас как на зверей, дети кидали в нас камни, обзывали. Потом нас поселили в частный дом с хозяевами. Они нас сильно мучили, издевались. Сестра работала на бумажном комбинате. Затем наши люди нашли на станции заброшенный барак и мы 4 семьи жили в одной комнате. Когда нам исполнилось 16 лет, все мы ходили на подпись в комендатуру. Запрещалось выезжать из города.

В 1954 г. по вызову дяди и в сопровождении конвоя переехали в Узбекистан. В школе учились на русском языке.

Живу в Сакском районе, с. Долинка, ул. Пионерская, 8.

Гафаров Абиль Ваап, родился в 1936 г. в деревне Чукурча Симферопольского района. На момент депортации семья состояла из дедушки, бабушки, мамы, папы Гафар Асан (1906), меня и трёх сестер.

Перед самой депортацией к нам заходил один красноармеец и по секрету сказал моей бабушке, что нас будут выселять. Утром 18 мая 1944 года, когда я проснулся от шума, увидел в дверях офицера и двух вооружённых солдат. Родные суетятся, плачут, я ничего не пойму. Я был болен, меня кое-как одели и вывели во двор. Во дворе стояла армейская повозка. Офицер покрикивает, торопит, иногда сбрасывает с повозки вещь, которую считает не нужной. Двое других стоят не далеко, хмуро поглядывают на происходящее. С соседних дворов выезжают повозки. Шум, плач, собаки лают, скотина ревет.

Привезли нас всех на деревенское кладбище (сейчас там стоят 5-и этажные дом). Разгрузили. Пошли слухи, что нас будут здесь расстреливать как евреев. Люди плачут, просят друг у друга прощения, готовятся к смерти. Среди нас был наш сосед Мамут ага, красноармеец, крымский татарин, которого накануне отпустили на сутки к семье. Солдаты сорвали с него погоны и награды. Утром шёл дождик, но, к счастью, скоро перестал.

Со стороны Симферополя показалась колонна автомашин, они заворачивали к нам. Раздалась команда и люди стали грузиться на машины. Опять солдаты стали сбрасывать вещи, которые, по их мнению, были запрещены. Перед этим устроили обыск, отбирали всё что хотели. Но вот мы тронулись, не заезжая в город, выехали в степь. Опять пошли разговоры, что вот, мол, за городом нас и прикончат. Ехали мы долго. Потом впереди показались стоящие на путях вагоны. Сарабуз! Возбужденно загудели голоса. Да, это был Сарабуз, откуда нам предстоял долгий путь на чужбину.

Подъехали к вагонам, там уже идёт погрузка полным ходом. Весь состав отцеплен конвоирами, люди поднимаются по трапу в вагоны. В вагонах сделаны двухъярусные нары. К вечеру закрылись двери вагонов и мы тронулись в путь. Временами состав останавливался, и когда открывались двери, люди спешили справить нужду. Зачастую поезд останавливался в голых степях. Если состав останавливался на каком-нибудь вокзале, все бежали за водой, никто её в вагонах не давал, некоторые в это время искали своих родных, громко выкрикивая имена. Многие не успевали и отставали от поезда.

Однажды принесли на весь вагон два ведра какого-то супа. На поверхности этого супа плавали куски свиного сала. Естественно, никто не притронулся. Хлеб, правда, разобрали. Это было издевательство над чувствами людей. Назначили «старшего вагона», которого обязали каждый день докладывать о наличии людей. Однажды остановились в Казани. Тут же поползли слухи, что нас будут соединять с казанскими татарами. Но вот поезд тронулся и наш путь продолжался.

Теперь мы ехали в основном среди лесов. Иногда поезд стал нырять в очень длинные тоннели, и тогда весь дым от паровоза забивался в вагоны, дышать становилось невозможно. Это были Уральские горы. Впереди был Свердловск, а за ним и Туринск, где было нам суждено маяться целых 10 лет. Ещё задолго до этого по ночам стали нас дёргать, отцеплять, прицеплять. Эшелоны планомерно перетасовывали с тем, чтобы разъединить сельчанина от сельчанина, соседа от соседа. Мои соседи оказались кто в Пермской области, кто в Свердловске, кто в Средней Азии. Если поезд останавливался у реки или озера, солдаты бросали гранаты – глушили рыбу. Не помню, сколько ехали, но завшивели страшно. Потом стали нас выгружать. Повели в баню, одежду на прожарку. После чего расселили в большом помещении (раньше был гараж), из досок сделали нары, каждая семья занимала себе место. В деревне было полно клопов, комаров. От их укусов на теле появлялись нарывы. Медицинской помощи никакой не оказывали. Местным сказали, что едут изменники Родины, и они нас опасались. В освобождённые после евреев квартиры и бараки стали вселять нас. Работали мы на заводе, изготавливающей сырьё для пороха и взрывчатки. Завод работал круглосуточно, люди сильно уставали.

Проживаю в Симферопольском р-не, с.Строгановка, ул. Азатлык, 30.

ГАФАРОВ Нариман, родился в 1936 году в дер. Уркуста Балаклаского района Крымской АССР.

До войны отец – Гафар Абдураманов был председателем колхоза. В 1939 г. родилась сестренка Адикъя. Перед началом войны отца по партийной линии направили на учебу в Москву. Через два месяца началась война, и отец вернулся в Крым. Он организовал партизанский отряд и ушел в лес. Чтобы остаться в живых, наша семья вынуждена была покинуть родную деревню и поселиться у тети в дер. Кок-Коз. Там у мамы родился третий ребенок – сын Дилявер.

Когда немцы пришли в дер. Уркуста, первым делом взорвали наш дом. Через некоторое время в Кок-Козе нашей семьей стали интересоваться полицаи. Ночью мы вернулись в Уркусту к бабушке. Находившиеся в деревне немцы нас не тревожили, но полиция не оставляла в покое, угрожая и пытаясь, где отец и когда он приходит домой за продуктами.

В 1942 г. отец попал в плен. До сих пор помню, как в конторе его допрашивали немцы (я и моя тетя при этом присутствовали). Потом отца отвезли в сторону Ялты, и мы долгое время ничего о нем не знали. Но, однажды из Ялты к нам пришла одна русская женщина. Она сообщила, что отец жив и что военнопленные строят дорогу. У нее был немецкий пропуск (она работала у немцев уборщицей), благодаря чему вела подпольную работу. Женщина попросила собрать отцовскую одежду. Через месяц она пришла снова и рассказала, что отца переводят в тюрьму. После этого мы с ней не встречались, и на этом связь с отцом оборвалась. Больше мы о нем ничего не слышали.

После освобождения Крыма от фашистских захватчиков вместо долгожданной радости наступил день, который никогда не забудется. День, который перевернет мою судьбу и судьбу моего народа, и, который вереницей серых эшелонов будет тянуться через всю мою жизнь.

18 мая 1944 года. Четыре часа утра. Нас разбудил сильный стук в дверь. Перепуганные трое детей, мама и бабушка открыли сотрясающуюся от чьих-то ударов дверь. Двое вооруженных солдат НКВД ворвались в дом и дали 15 минут на сборы. Бедная мама, до смерти испугавшись, бегала по дому, не зная за что хвататься. Мы вышли из дому едва одетые, оставив все свое имущество на “хранение советской власти”. Нас повели к деревенскому кладбищу, где были собраны все местные жители и, погрузив в машины, привезли на Бахчисарайскую ж/д станцию. Там уже стояли товарные вагоны. Люди в панике, кричат, мечутся в толпе в поисках потерявшихся в суматохе близких.

Всех погрузили в вагоны и закрыли двери. Составы тронулись... Ехали долго, двери открывали редко. Нас в пути не кормили. Люди начали болеть, многие умирали в дороге. О медицинской помощи не было и речи. Хоронить покойников по всем правилам шариата мы не могли. Не было ни питьевой воды, ни туалетов. Собирали дождевую воду, которая капала сквозь пробоины пуль, щели прострелянных вдоль и поперек, гнилых вагонов. Эта живительная влага в первую очередь предназначалась для больных и детей. Мама говорила, что в дороге мы были 18 суток.

Привезли нас в Чувашскую АССР, в гор. Чебоксары. Высадили с вагонов, построили в большую колонну и повели через весь город. Перед нашим приездом пустили слух, что везут предателей, изменников родины. Дезинформированное местное население смотрело на нас с ненавистью, колонну “обливали” грязной бранью и упреками. Так дошли до реки Волги, где нас погрузили на баржи и переправили на другой берег. Там снова погрузили в машины. Проехали приблизительно 40 км и оказались на территории Марийской АССР. Привезли в лес, где нас ожидало новое жилище – множество бараков. В них мы и поселились. До нас там коротали свои дни заключенные. Каждой семье дали по комнате, полной вшами, клопами и другими насекомыми.

На следующий день прибыли начальник лесозаготовки Варичкин и комендант Петухов. Организовали бригады. Женщины должны были валить лес, а мужчины – возить лес на лошадях. Девушки строили узкоколейную железную дорогу в болоте. Люди были плохо одеты и голодны. За отлучение с участка комендант пригрозил 20 годами каторги, но мы уже были каторжниками.

Осенью открыли школу. На четыре класса – один учитель, на один класс – одна книга. Писали на старых газетах между строк. Мы по очереди посещали занятия. Дети ходили в школу редко, одевать было нечего. На ноги обували старые лапти, выброшенные местными жителями. Худые, морщинистые дети были похожи на старичков. Зимой из-за холодов они пропускали школу, учительница ходила по баракам и просила посещать школу, говоря при этом: “Ведь не всегда у вас такая жизнь будет”. Наше образование закончилось в 4-м классе. Зима была очень суровая. Работали без выходных, лишь, когда мороз достигал 42 градусов, нас на работу не выгоняли. Летом собирали ягоды и грибы.

В 1945 г. умерла бабушка, следом трехлетний братишка. Кладбище было в десяти километрах от нас в колхозе “Липша”. Была зима, я и мама еле выкопали могилы в мерзлой земле и похоронили их. Потом мы часто ходили в эту деревню просить милостыню, чтобы не умереть с голоду. Мама, работая в лесу, получала на троих 600 грамм хлеба в сутки.

В 1949 г. я начал работать. У детей 12-13 лет по вечерам пропадало зрение, люди называли это “куриной слепотой”. Мы, подростки, на своих плечах носили шпалы для строительства железной дороги. Через два года мне дали лошадь, на которой я возил лес. Специальная телега называлась “передок”. Каждый день надо было давать норму. Работали с раннего утра до ночи. Опоздание на работу каралось так же, как и ранний уход с работы.

В 1952 г. нас перевезли дальше, в глубь леса. Это было в марте, поэтому и поселок назвали “Мартовский”. Люди стали заниматься огородами, завели скотину. По вечерам ходили на танцы, иногда привозили кино. Каждый месяц мы все еще ходили в комендатуру на подпись. Недалеко от нас располагался поселок “Черное озеро”, где жили много крымских татар. Ребята подросли, многие работали грузчиками – грузили вагоны.

В 1954 г. нас, 6 человек, на четыре месяца послали учиться на трактористов в поселок Суслонгер. Там я проработал один год, после чего меня забрали в армию. Служил 3 года. В 1958 г. вернулся в Узбекистан, в Сырдарьинскую область, поселок Малек – мои родные были уже там.

Проработал шофером до 1991 года. Затем вернулся в родной Крым. У меня три сына, четыре внука. Мама вернулась в Крым вместе с нами. Она умерла в 2001 г. на 86-м году жизни.

Глуговская Клара (Дляра) Владимировна, родилась в 1940 году в городе Ялта. Состав семьи: отец Глуговский Владимир (1912) украинец, мать крымская татарка – уроженка с. Кучюк-Ламбат Алуштинского района Сайле Асановна Топчи (1916), брат Ким (1936) и я. Когда отец с братом уехали на Урал, мы с мамой и бабушкой остались одни в Ялте.

18 мая 1944 года в 3-4 часа ночи раздался страшный стук в дверь, крики, угрозы. Все мы испугались. В дом ворвались вооруженные солдаты и зачитали постановление о высылке и дали 15 минут на сборы. Мама успела взять чемодан с вещами, документы и фотографии. Бабушка взяла кое-что из еды на три дня. Так было заявлено солдатами. Нас под дулами автоматов повели к обочине дороги Кучук-Ламбат.

Собрали всех у дороги, загнали в машины и повезли под конвоем в Симферополь. Там загрузили, как скот, в завшивленные товарные эшелоны. В вагонах дышать было нечем. Ни о каком санитарном состоянии речи не было. Без воды, туалета. Кормили один раз в сутки бурдой. Делали это для галочки.

Никакого медицинского обслуживания не было. Моя мама была назначена старшей по вагону, по образованию она сестра запаса, окончила курсы Общества Красного Креста в Ялте.

Трупы умерших людей оставляли прямо у рельсов, а были случаи, когда сбрасывали из вагонов на ходу.

В дороге были 18 суток. У моей мамы был великолепный голос и она, чтобы как-то облегчить участь людей, пела песни. Все в вагоне рыдали. Нас привезли в отделение №1, хлопководческого совхоза им. «Пятилетия УзССР» Нижне-Чирчикского района Ташкентской области. До 1956 г. все без исключения, даже несовершеннолетние дети, стояли на спецучёте НКВД. Работники НКВД долгое время навязчиво требовали от мамы быть их агентом и предавать наших людей, но всякий раз получали категорический отказ. Мы жили в бараке. Позже дали ссуду в 5 тысяч рублей, но ее в 5-и кратном размере высчитывали из зарплаты. В школе мы обучались на русском языке, были уроки узбекского и немецкого.

Проживаю в г. Ялта, ул. Крупской, 50, корпус 1, кв.6.

Даралатова Джемхия, родилась в 1936 г. в селе Ускут Алуштинского района.

При высылке нас семье было семь человек. Привезли нас в совхоз «Дальверзин» Ташкентской области. По прибытию умерла мама, которая заболела еще в поезде. Когда мама умерла, папа был с нами и хоронил маму. Через несколько дней и он попал в больницу. Брату было 14 лет, и он был калекой, остальным детям было по 2-4 годика. Поэтому я одна ходила в больницу к отцу с «Дальверзина» в Бекабад.

Когда отец умер, я ходила к знакомым, чтобы помогли похоронить отца, но никто не смог помочь. Отец остался в морге. После этого нас собрали со всеми вместе и отправили в Колхозабатский район Таджикской ССР. Там нас поселили в месте, похожем на детсад. Сюда собрали всех сирот, а потом отправили по детским садам. Мы все по очереди заболели. Когда мне стало лучше, я носила братишкам в больницу кукурузу. Но никто из них не выжил. Их похоронили в одной яме. Меня отправили в детский дом колхоза «Учкун». С 1949 по 1953 гг. училась в городе Душанбе на русском языке.

Ныне проживаю в с. Краснолесье Симферопольского района.

Девлет Хатидже, родилась 23 сентября 1929 г. в Ялте, в Массандре. Моего отца Девлет Канафи Шингеря в 1941 г. расстреляли немцы. Остались только мама Девлет Сабрие и я.

18 мая 1944 года в 3 часа утра постучали в дверь. Мама открыла, и сразу вошли два солдата с автоматами и приказали собираться. На сборы дали 15 минут. Сказали, чтобы взяли еды на 3 дня и больше ничего. Мы оделись. Мама говорит, нас везут на расстрел. Немцы евреев расстреливали, а теперь вот – русские – татар. Так как мы жили в общем дворе, я зашла к соседке Асие и сказала ей, что нас выселяют, и они могут переехать в нашу комнату. На что она мне ответила, что их тоже выселяют. Позже они от голода умерли в Узбекистане.

Возле ворот стояла грузовая машина и нас, всех татар, туда погрузили. Вещи выкидывали с машины по всей Массандре. 3 грузовые машины повезли нас через Ай-Петри в Бахчисарай. Сопровождали нас солдаты с автоматами. Погрузили в телячьи вагоны и закрыли дверь. Вагоны были так заполнены, что приходилось спать сидя. В пути 3 дня не открывали дверь и кушать не давали. Медперсонала, туалета (ходили на тряпочку и через дырку бросали), воды не было. На 4 день открыли дверь и каждому дали кусочек хлеба и соленую рыбу. Поезд останавливался один раз в два дня и то только в степи. У кого была мука, делали тесто, и, разжигая огонь, пекли лепешки на железке. А иногда даже сырым ели. В пути умерших оставляли у дороги, хоронить было некогда. Женщина, потерявшая во время высылки двоих детей, сошла с ума.

Когда приезжали на городские станции все щели поездов закрывали, чтобы никто нас не увидел. Нас привезли в Самаркандскую область, на станцию Зиядин. Нас встретили враждебно. В вагонах были одни старики и голодные, босые дети. Нам дали возможность умыться, а вещи наши пропустили через дезкамеры. Потом нас повезли в колхоз «Инкиляб». В одну комнату селили по 4-5 семей. В комнате окон и печей не было, только 4 стены, дверь и яма посередине, где жгут костер и греются. Отчего стены становились черными, покрывались копотью. На полу, потолках из камыша ползали змеи, пауки. Утром всех гнали на хлопок, на обед давали 1 лепешку и суп. Денег не давали. Через год нас отправили в совхоз «Заравшан» и поселили по 3-4 семей в бараках, где ранее жили заключенные. Люди заболели малярией, дизентерией, брюшным тифом. Умирили целыми семьями. Да и те, кто попадал в больницы, оттуда живыми не возвращались. Моя мама работала на поле, а я охраняла джугару от птиц. Давали 400 гр. хлеба. Нас от голода спасали сахарная свекла и шелковица. Один паренёк татарин собрал 700 гр. пшеничных колосков и его судили за это. Сидел 7 лет, от звонка до звонка.

Через 2 года нас увезли в район на погрузку свеклы в вагоны. Жили мы с мамой на квартире у узбеков. Хозяина дома назначили председателем колхоза «Кахромон» и он нас с мамой взял к себе в колхоз. Дал домик на две семьи. Я работала секретарем, табельщицей. Каждый месяц ходили к коменданту на подпись. В 1949 г. вышла замуж. Жить было негде. Мы с мужем под деревом сделали шалаш и там жили. В январе 1951 г. родила сына и нам дали 2 комнаты. В 1956 г. получили участок и своими силами построили дом. Слышали, что нам полагается 4 кг. крупы или муки, но мы ничего не видели. Сильно голодали.

У меня была двоюродная сестра Портокалова Эмине. Когда её шестилетний сын Ибрагим умер, мальчишки (мужчин не было) вырыли яму и похоронили его. Через три дня Эмине пошла на кладбище и увидела, что сына съели шакалы, остались только кости. После этого у неё были припадки и она умерла.

Проживаю в Симферопольском р-не, с. Мазанка,

ул. 50 лет ВЛКСМ, 47.

Дерменджи Линяре Абдуллаевна, родилась 6 февраля 1930 года в гор. Симферополе. Жила по улице Турецкой, 21.

Мама – Селиме Муратова, уроженка гор. Бахчисарая (1912 г.р.). Отец – Абдулла Ибраимович Дерменджи, уроженец дер. Кикинеиз (1905 г.р.). Отец был писателем и одним из основоположников Крымской Ассоциации пролетарских писателей Крыма, член Союза писателей СССР. В феврале 1938 г. его обвинили в национализме, арестовали и заточили в

тюрьму. Суд состоялся в конце 1939 года. Отец и еще двое писателей Крыма (один из них был Ыргат Кадыр) были оправданы судом и освобождены.

Отец не был годен к военной службе, но добился, чтобы его отправили на фронт добровольцем. С сентября 1941 по май 1944 гг. он воевал с фашистами, два раза получал ранения. Демобилизовался инвалидом II группы. Приехав из госпиталя домой, он уже не застал свою семью и свой народ в Крыму и поехал разыскивать родных по всему Уралу и Средней Азии.

Во время оккупации Крыма гитлеровцами, мы с мамой пережили бесконечные бомбежки, голод, страх и холод. В апреле 1944 года советские войска вступили в Симферополь. Истощенный войной народ взялся за восстановление разрушенного города. Мы с мамой ходили убирать здание Главпочтамта, где она работала до войны. Когда получили письмо от отца, лежавшего в госпитале Кисловодска, нашему счастью не было предела. Он жив! Но радость была не долгой.

В ночь на 18 мая 1944 года нас с мамой разбудил неожиданный стук в дверь. Испуганные, мы сидели молча. За дверью настойчиво повторяли: “Именем закона, откройте!”. Мама вынуждена была открыть. Тут же в комнату вбежали два солдата с ружьями. Они объявили нам: “Немедленно, в течение 15-и минут выйти из квартиры, взять с собой только продукты”. Мама взволнованно спрашивала, в чем дело, вероятно, это ошибка. Она показывала им письма с фронта от отца, но солдаты ее не слушали. Один из них приказал маме снять ручные часы и отдать ему. Мама ответила: “Когда умру, тогда возьмешь”. Она до того расстроилась, что набрала в стакан воды и стала ходить по квартире и пить воду. Солдаты резко ее остановили, подталкивая, требовали скорее выходить на улицу. Мы наскоро оделись, взяли сковороду, чайник, кружку и остаток черной муки в мешочке.

На улице было довольно прохладно. Нас посадили в открытый грузовик, где уже находились наши соотечественники. Солдаты с ружьями велели не разговаривать. Привезли на железнодорожную станцию Сарабуз (ныне Остряково). Нас разместили в товарные вагоны с навесными нарами. Здесь нас было человек пятьдесят. Никто друг друга не знал. Все были, как мы – без ничего. Все имущество выселенного народа осталось в домах, квартирах, откуда их выселили...

Ехали мы в этом вагоне в бесконечных мытарствах и страданиях. Когда двери вагона захлопнулись, не стало хватать воздуха – на весь вагон оставалось единственное маленькое окошко наверху, заделанное колючей проволокой. Через несколько дней пути из нашего вагона вынесли умерших: старушку и маленького мальчика. Поезд останавливался на маленьких полустанках, чтобы оставить умерших. Дальше вагонов никого не пускали. Воду давали недостаточно, ее не хватало на всех. Сторожевые солдаты обращались с людьми, как со скотом. Люди завшивели. На каждой остановке на запасных путях люди оставляли умерших близких. Хоронить не давали. Кругом стоял вопль, плач и причитания. Люди молились богу о спасении. Неуклонно слышался приказ: “По вагонам!”. Люди бежали к вагонам. Некоторые дети не успевали сесть, отставали от поезда, теряли родителей. Старичок в нашем вагоне вскоре вырезал ножом в углу вагона дыру, которую отгородили тряпкой, чтобы мы могли опорожняться в движущемся поезде. Есть не давали. Голод утоляли тем, что успели взять при изгнании из домов. На остановках разжигали костры из колючек и на сковородах пекли жидкие блины на воде и варили зерно, взятое из покинутых домов. Раздавался приказ собираться и люди, обжигаясь, хватали горячие сковороды с костров и бежали к вагонам - продолжать путь. Нам, несчастным, давали по две обросшие солью сухие рыбки. Мы их глотали и еще больше хотели пить. Наконец, на 23-й день пути, наш поезд остановился. Нас, оставшихся в живых, вывели из вагонов, посадили на

грузовики. Одних оставили на местном кирпичном заводе, других отвезли в отдаленный совхоз и хлопковые колхозы. Это был Узбекистан.

Отец нас разыскал и собрал всех родных вместе в садсовхозе №10, в отделении №5 Янгиюльского района Ташкентской области. Поселились в разваленном бараке без дверей и стекол. Мы все, в том числе демобилизованный отец, стали спецпереселенцами. Бабушка Фадиме, которой было за 80 лет, вскоре заболела и умерла. Также умерла от голода в 64 года бабушка по матери Фадиме. Умер муж тети Урие – Джеппар в 50 лет от голода, умерла в 17 лет моя двоюродная сестра Урие.

Жилья всем не хватало. Людей заселяли в хлевах и землянках. Непосильный труд, голод, непригодная для питья вода, а вскоре и болезни, косили людей на чужбине. Не было никакой медицинской помощи, никакой санитарии. Свирепствовала малярия и дизентерия. Люди умирали семьями, особенно старики и дети. На однолошадной телеге мой отец с пожилым узбеком возили умерших и закапывали в общих могилах. В то время, когда защитники народа воевали с фашистами, их детей и матерей уже не было в Крыму. Их подвергли геноциду, вывозя на уничтожение.

На чужбине на нас смотрели как на изгоев, на бесплатную рабочую силу. Хлеб работающему давали мало, чтобы не упал от голоду, а иждивенцу еще меньше. Хлеб этот неизвестно из чего выпекали. Люди собирали съедобную траву, варили со жмыхом и кушали. Все взрослое население через определенное время обязано было посещать спецкомендатуру и подписываться за себя и за детей, свидетельствуя о том, что все находятся на месте. Из района никто не имел права выезжать.

Я стала учиться в русской школе города Янгиюля, в школу я ходила за пять километров пешком. После учебы и в выходные дни я, как подросток, выходила на садовые работы совхоза. Получив среднее образование, поступила учиться в школу киноактеров в Ташкент. Выдержала большой конкурс. Меня считали талантливой. Я подала заявление в областную комендатуру Ташкентской области с просьбой разрешить мне учиться в Ташкенте. Но мне отказали, ссылаясь на то, что я спецпереселенка.

Мои юные годы прошли на чужбине в бесправном положении. Недоедание и малярия, которая трясла меня и маму каждый день, были ужасны, но видимо, не суждено было нам умереть. Отцу уже было 43, а маме 32, я у них была одна и вскоре, в 1947 г. родилась сестра Гульнар, а в 1949 г. сестра Гульзар. В то время наша семья была переведена в 1-ое отделение этого же совхоза. Здесь в 19 лет я вышла замуж и родила двух детей, сына Нури в 1952 г. и дочь Нурие в 1954 г. Сын от тяжелой жизни еще ребенком заболел ревматическим полиартритом и в 16-летнем возрасте умер. Дочь Нурие вышла замуж за Велишаева Рустема. Сейчас у нас трое внуков и четыре правнуков.

В Крым мы возвратились в мае 1988 года. Слава Аллаху, мы вернулись к себе на родину – Крым, но еще многого надо бороться, чтобы восстановилась справедливость здесь, на Родине.

Мой адрес: город Симферополь, улица Марш. Жукова, а/я 1708.

Джалилова (Баталова) Невхизе, родилась 5 января 1931 года с дер. Узунлар Маяк-Салынского района Крымской АССР.

В своей книге “Депортация” известный исследователь, доктор исторических наук Валерий Возгрин так написал о моих воспоминаниях: “Воспоминания Н. Баталовой из Узунлара лучше иных документов передают реальность близкой смерти: ее отец вышел из дому с ведром в руке; “потом узнала, отец хотел накрыть им голову, чтобы не слышать и не видеть смерть детей”. Возможно, кое-кто склонен приписать этот ужас естественной мнительности высылаемых (среди которых, напомним, практически не имелось мужчин зрелого возраста), всеобщему паническому настроению, охватившему народ в то роковое утро. Мы убеждены в противном, поскольку, убедительный повод к уверенности в скорой и неизбежной казни давали сами каратели с красными звездами на пилотках. Тем более, что расстрелами не угрожали, как это было, например, в Узунларе, но их и инсценировали”.

На мой взгляд, красноречивее уважаемого доктора В. Возгрин не напишешь о том действительно страшном утре 18 мая 1944 года.

Сама же я не до конца осознавала весь ужас, видела лишь солдата с ружьем у своей кровати. Ничего не говоря, угрожая оружием, солдаты вывели всю нашу семью (кроме меня, у родителей были еще четыре старших сына), не разрешая ничего взять из дому. Помню, у мамы на руках был лишь небольшой сверток. Нас повели на окраину села, все время подгоняя автоматами.

Вагоны скотские, ужасные, нас загрузили как скотину, целыми семьями. Все сидели в куче. Ни каких элементарных условий – туалета, воды, естественно, не было.

Что касается еды, помню, как в жестяных ведрах приносили что-то жидкое – наподобие супа, какого-то красного цвета, хлеб был как тесто, причем черный. Никакого медобслуживания, разумеется, не было, во всяком случае, людей в белых халатах не помню.

Много не сохранилось в детской памяти, знаю лишь со слов родителей, что доехали до Узбекистана 4 июня. С поезда нас пересадили на грузовые машины и привезли в рудник Лянгар Хатырчинского района Самаркандской области. Строго запрещалось куда-то выезжать из мест поселения, и хотя я была ребенком, регулярно с взрослыми ходила отмечаться в спецкомендатуру.

С 4 июня по 2 декабря 1944 г. жили в сырых и холодных бараках, с коптилками. На работу в рудник (там добывали вольфрам) принимали с 14 лет. Двое моих старших братьев прибавили себе годы, чтобы их взяли на работу на шахту. Отец мой, Батал агъа, потерял свое здоровье на черной работе в шахтах, и очень долго болел.

В школе обучались на русском языке, ехать учиться дальше нам разрешили только после 1956 года, когда отменили комендантский надзор.

Сейчас проживаю в селе Софиевка Симферопольского района, улица Арзы, дом 51.

Джамилова Гузеллана Ибазеровна, хочу рассказать о том, что слышала о депортации от родителей.

Было раннее утро, когда их разбудили шум голосов и лай собак. В дом вошли солдаты и приказали бабушке и её восьмерым детям быстро одеться и выйти во двор. С собой не разрешили ничего брать. Мама говорила, что было очень обидно видеть, как соседи потом выносили с наших насильно покинутых родных домов все оставшиеся вещи.

Проживаю в с. Чистополье, Ленинского района.

Джеват (Гурт) Афизе, родилась в 1921 г. в д. Корбек Алуштинского района. Моя семья: мать – Гурт Мерьем, дочь Айше (1941-сентябрь 1944). Я работала в колхозе учеником в огородной бригаде. (Во время оккупации были расформированы колхозы и организованы артели, людям возвращены их сады и огороды). После освобождения Крыма от фашистов колхоз вновь восстановили и мы стали как прежде работать.

Наш район был освобожден в начале апреля 1944 г. После освобождения несколько раз проводили перепись населения. Среди вопросов, задаваемых переписчиками, были вопросы, связанные с погибшими и пропавшими без вести членами семьи. Перед выселением провели новую перепись, на этот раз записывали только тех людей, кто находились дома.

18 мая в 3 часа ночи в дверь сильно постучали. Вошли три вооруженных солдата и объявили: «Вас всех выселяют. Возьмите продукты на три дня. На сборы 15 минут, одевайтесь, выходите. Оружие в доме есть?». Мы начали при них же одеваться. Я смогла взять одно одеяло, коврик, куда можно было бы посадить ребенка, 2-3 кг продуктов, одела на себя и на мать, которой было тогда 75 лет, пальто. Когда собирала дочку, успела тайком привязать к ее спине деньги. Драгоценности: двадцать мелких золотых монет – «чечекли алтын», три серебряные ложки, завернув в узелочек, сунула в карман матери. Она причитала, что нас будут расстреливать, и не хотела ничего брать. Все, что было нажито предками осталось дома, в сарае остались три овцы и на яйле - до сорока овец.

Солдаты сами закрыли на замок двери и ключи положили в свои карманы. Шли к машинам пешком, километра два. По дороге мать дала мне ключи от комода, сказала, что узелочек с драгоценностями заперла в этом комоде. На рассвете началась погрузка в грузовые машины. В кузов одной машины грузили по несколько семей. Нас вывезли, в кабине каждой машины сидел автоматчик. Те, что нас выселяли, остались на месте. Нас подвезли прямо к составу, стоявшему у платформы. Грузовые вагоны были оборудованы нарами из свежих досок. В один вагон грузили 8-10 семей, часов в 11-12 состав тронулся.

Первая остановка была в Мелитополе, стояли 30 минут, далее останавливались часто. В вагоне солдат не было, они ехали в специальном вагоне и на каждой остановке открывали двери. Люди выпрыгивали из вагонов, разжигали очаг и начинали печь на сковородках лепешки. Часто состав останавливался там, где еще тлели угли предыдущих составов. Никто не знал, сколько времени будет стоять состав. По первому гудку паровоза сворачивали свои «кухни» и, уже на ходу, прыгали в вагоны. Были и несчастные случаи, люди попадали под вагоны. В полу вагона прорезали отверстие и использовали как туалет.

Солдаты говорили, что везут на Урал, но с Саратова поезд повернул на юг. На одной стоянке встретили кавалерийскую часть из кавказских мусульман. Они ехали на фронт и сильно возмутились, узнав о нас. Где-то в Казахстане «сошлись» два состава. На втором везли Хайруллаева – первого секретаря Алуштинского райкома и Салиева Османа – работник не то райкома, не то райисполкома. Был организован митинг, где эти руководители выступили с речью. На одной из остановок вынесли труп старика, захоронить не успели, раздался гудок паровоза, солдаты загнали людей в вагон, труп остался у дороги.

Были в пути 17 дней. Состав остановился на 55 разъезде Янгиюльского района в 30 км от Ташкента. Раздали хлеб. Хлеб давали несколько раз в пути. На один вагон (50-60 чел.) давали 5-6 булок хлеба, который делили уже в вагоне.

Погрузили в машины, подвезли к берегу реки Чирчик. Началось распределение приехавших. Я встретила крымского татарина, выселенного сюда в 1937 г. из нашего села. Он знал моего отца. Я расспросила его, и он сказал следующее: «Здесь повсеместно выращивают хлопок, попадете в эти колхозы – вряд ли останетесь живы. Но есть 9-ое отделение совхоза «Пятилетие УзССР», где занимаются садоводством и огородничеством, там есть шанс остаться в живых». Я назвалась огородником-садоводом, сказала, что документы остались в Крыму. Меня решили взять в совхоз, но сказали, что берут только работающих без иждивенцев, а мне кроме матери и дочери, нужно было взять сестру Айше с 4-мя малолетними детьми. Нашей семье удалось все-таки попасть в 9-ое отделение.

На пароме переправили на левый берег, там ждали подводы, которые доставили нас на место. Там искупали в бане и распределили по баракам. В одной комнате на 7-9 м² помещали по две семьи. После бани накормили супом и хлебом. Позже давали паек – 200 гр. хлеба на иждивенца и 400 гр. на работающего. Работа была изнурительная, от темна и до темна. Работали через силу. Начали умирать дети, старики и взрослые. В Узбекистане сестра родила пятого ребенка. Из шести наших детей один остался жив.

Местное население избегало встречи с нами, но внимательно наблюдали за нами через маленькие, вмазанные в стену стекла, размером с ладонь. При случайной встрече убегали, прятали детей. Накануне их собрали и предупредили, что везут сюда татар-людоедов, чтобы берегли детей. Им говорили, что на лбу у татар есть маленькие, едва заметные рожки. Добавляли: «Вас же никуда не выселяют, а их выслали, следовательно, они не такие как вы, они опасны для окружающих». Эту дистанцию враждебности и недоверия умело поддерживали и позже с помощью клеветы. В те времена во всех несчастьях: наводнениях, падении скота и прочих бед видели руку врага-вредителя.

Враждебность и недоверие к крымским татарам сохранилось и позже. Мы боялись местных жителей, старались держаться группами, всегда являлись объектами коварства и несправедливости. На работу выгонял объездчик Маматкулов. Он на лошади, люди пешком. Торопил окриками, часто бил плеткой. При мне ударил старика Гурт Мустафу, видела как бил другого 65-летнего старика по фамилии Бешкадем Амет, несколько раз ударил плеткой по голове Чачарову Орие. Объездчик Мамляков Даврон убил железным прутом двух калек-красноармейцев – русских, его вызвали в п. Солдатское в милицию. Убийство он отрицал, его отпустили. В соседнем отделении затоптали лошадью двенадцатилетнего мальчика Куртсеита Ильми. В карманах у мальчика были яблоки. За это убийство на 10 лет осудили объездчика Асанова Мамедуллу – крымского татарина, но говорили, что убил его в действительности Пасечников Толик. Так ли это на самом деле? Кто знает?

Больница находилась в отделении № 8, там главврачем был Гарт, ранее проживавший в г. Симферополе. Крымские татары нашего совхоза до сих пор уверены в том, что он убивал крымских татар уколами. Каждый может назвать известные ему случаи смерти детей или взрослых, которые по внешним признакам могли бы и не умереть. В 1945 г. я навестила в больнице своего родственника Абдувелиева Асана. Он был вполне здоров, говорил, что на днях выпишут, и проводил меня почти на километр, а на следующий день он был уже мертв. Доказать такое обвинение сегодня вряд ли возможно, но слишком много крымских татар, особенно детей, умерло в этой больнице.

По приезду всех нас ознакомили с условиями комендантского режима. Выходить за пределы района не разрешалось. В поисках продуктов для детей тайком ходили на базар в Ак-Курган – 3 км от нашего отделения. Там нас ловили, говорили, что мы сами виноваты и сажали на несколько суток. В очередной раз меня поймали, когда дочка Салиха 1950 г. рождения была

грудным ребёнком. Мне никак нельзя было быть заключенной. Я плакала, признавала свою вину и клялась, что больше никогда не нарушу закон. Продержав 2 часа, меня отпустили.

Еще в 1945 г. я спросила у коменданта: «Когда это закончится?». Он ответил, что нас выслали на 10 лет. Я разрыдалась. Когда сказала об этом другим в посёлке, все заплакали: «Как же мы выдержим 10 лет ссылки?». Пожилые люди нас успокаивали: «Вот увидите, нас освободят раньше. Кончилась война и нас в любое время могут вернуть в Крым». И на протяжении многих лет, ложась спать, мы предварительно все свои пожитки складывали в узелок на случай срочного, как тогда 18 мая, возвращения домой в родной Крым.

Проживаю в пгт. Ленино Ленинского района, ул. Титова, 46.

(Со слов Афизе апте записал зять Зевид Газиев)

Джелилов Кемал Изетович, родился 5 апреля 1929 г. в деревне Аскар Маяк-Салынского района. В семье было 5 человек – отец Джелилов Изет (1896), мать Райме (1903), сестра Перия (1932), брат Нури (1934) и я.

14-15 мая 1944 г. в украинскую деревню Новониколаевка прибыли солдаты (от нашей деревни до Новониколаевки 600-700 метров) и ходили по дворам, присматривались. Один в чине капитана зашёл к нам и сказал, что он осетинец. После чего мне по секрету сообщил, что на днях нас будут выселять. Куда будут выселять, он не знал. Его слова я передал маме, но она не поверила. 18 мая в 4 часа утра к нам пришли солдаты с винтовками и приказали собираться. На сборы дали 15 минут. Еду взять на 15-20 суток. Через 15 минут нас уже доставили к месту сбора. Все жители деревни уже были там, везде крики, плач. Через полчаса мама с разрешения лейтенанта сбегала домой и взяла одеяло, матрац и ковер. Кто-то из соседнего села сказал, что у татар много закопанного зерна. Пусть, мол, укажут где. Лейтенант подошёл к старику, его звали Зейтулла, и спрашивает: «Где закопал зерно, покажи». Старик ответил, что не скажет. Тогда лейтенант вынул пистолет и говорит: «Застрелю». Старик открыл грудь и без страха: «Стреляй, всё равно не скажу». Через 1-1,5 часа нас загрузили в студебеккеры и отвезли на станцию Ташлыяр (сейчас Пресноводная). Там нас, как скот, загрузили в товарные вагоны. Два дня не открывали дверь. На крупных остановках давали баланду и немного хлеба. На каждой станции предупреждённые жители кричали на нас: «Предатели, чтобы вы сдохли». Когда проезжали через Казахстан казахи, как мусульмане, выносили нам, хотя и за деньги, лепёшки, пирожки из картошки. В вагонах туалета, медобслуживания не было.

В 1943 г. отец попал под немецкую облаву и его отправили в Германию, где он был до 1946 г. Разыскал он нас в колхозе «Ленинизм» Хатырчинского района Самаркандской области, где стал на учёт в спецкомендатуре и начал работать слесарем МТС. В 1952 г. заболел крупозным воспалением лёгких и умер в марте того же года.

4 июня 1944 г., когда нас привезли в колхоз «Ленинизм», мы все заболели малярией. Все старики за 2-3 месяца умерли от малярии и голода. Некому было их хоронить. Взрослые были на фронте. Местные относились к нам нормально, давали лепешку, молоко. Работали мы на поле, поливали, собирали хлопок. Колхоз на трудодни начал выдавать нам продукты, государство мало-мало, но выдавало муку, масло и т.д. Мать зимой 1944-1945 г. начала шить на швейной машинке Зингер, которую она чудом смогла взять с собой, когда нас выселяли. Так, благодаря её труду, мы стали жить лучше.

В 1950 г. окончил школу и, после разрешения спецкомендатуры, уехал в город Самарканд. Учился там в 2-х годичном учительском институте, который готовил учителей для семилетних школ. В 1952 г. меня направили в Хатырчинский район в школу №10. Там я проработал до 1957 г.

Джелилова (Абсеямова) Халиса, родилась в 1929 году в дер. Отаркой Куйбышевского района Крымской АССР.

Отец – Абсеям Абсеямов 1900 г.р., мать – Алимэ Абдураман кызы, родилась в 1907 г., бабушка – Айше Абдураманова, 1868 г.р., брат Ниязер – 1931 г.р. За 20 дней до депортации отца забрали в трудармию.

18 мая 1944 г. в 6 часов утра в дом вошли вооруженные солдаты и, ничего не объяснив, приказали освободить дом. Взять с собой ничего не разрешили. Всех односельчан собрали на поле, там мы просидели весь день. Вокруг стояла охрана. Мы хотели пить, есть. Солдат с оружием водил детей за водой, взрослым не разрешали. Я пошла за водой и сбежала домой, чтобы взять поесть и что-нибудь из посуды. В доме были солдаты. Многих вещей в доме уже не было.

Вечером на машинах повезли на станцию Сюрень. Там нас продержали до утра. В эту ночь умерла одна девушка 18 лет, тут же на этом месте ее и похоронили. Охраняли нас вооруженные солдаты. Никто толком ничего не понимал, одни говорили, что нас всех расстреляют, другие – что нас всех выселяют.

Подогнали состав – скотские вагоны. В нашем вагоне было 42 человека. Условия нечеловеческие, адские. В туалет ходили на остановках под вагоны, воду просили у машиниста. На одной из остановок одну женщину – Азизе Абдурефиеву – переехал поезд и перерезал ее пополам. Родственникам не дали ее похоронить. Нас кормили какой-то баландой, в основном питались тем, что находили во время остановок, ели сырую картошку. Медицинского обслуживания не было. В дороге все завшивели. Если были умершие в вагоне, на станциях их выгружали, хоронить не давали.

В пути были 20 дней. Привезли нас в гор. Чирчик Узбекской ССР. Выезжать из города не позволял комендантский режим, каждый месяц отмечались у коменданта. Поселили в бараках, в одной комнате жили несколько семей.

Всех отправили работать на стройку. Мне было 14 лет, когда я начала работать наравне со взрослыми. Работать было очень тяжело, не детский это был труд, но нужно было выживать.

Много унижений и оскорблений пришлось пережить. В школу мы с братом не пошли, так как обучение было на русском языке.

В 75 лет вернулась на Родину.

Сейчас проживаю с дочкой в общежитии по адресу:

гор. Симферополь, улица Зенитная 72, комн. 305.

Джемалединова Лутфие, родилась в 1915 году в Симферополе. Были депортированы я и двое маленьких детей. Рано утром зашел офицер и дал 10 минут на сборы. Разрешил взять с собой 30 кг. вещей. Так как у меня на руках были дети, я смогла взять только 10 кг. Собрали нас в деревне Агачёль. Сопровождали солдаты с винтовками. Вагоны были товарные, в которых перевозили скот. В вагоне были полки, на которых мы спали и ехали всю дорогу. Так же было маленькое окошко, из которого проходил небольшой луч солнца.

... В вагоне туалета не было, и люди использовали посуду, которую успели взять с собой. Воду мы брали, когда эшелон останавливался. Первые десять дней нас не кормили и не давали воды. К концу начали кормить один раз в день: похлёбка и 200 гр хлеба. Медицинского обслуживания не было. Иногда солдаты проходили по вагонам и спрашивали, все ли живы. Если кто-то умирал, то они забирали тело и отдавали на станциях. Кому не знаю, может быть санитарам или простым жителям.

В пути были 15 дней. Привезли нас на Урал (Молотовская область). Свободное передвижение запрещалось. Встретили нас с неприязнью. Людям давали самую тяжелую работу: пилили деревья и изготовляли порох. В первые месяцы умер мой второй ребенок. Дочь обучалась на русском языке.

Проживаю в г. Симферополе, ул. Станционная, 21.

Джепаров Иззет родился в 1925 году в деревне Корбек (ныне Изобильное) Алуштинского района. Во время депортации в доме были бабушка, папа, и родственники с детьми. По словам отца, их выселяли из Симферополя, погрузив в товарные вагоны. В дороге были где-то 18 дней. Привезли в Узбекистан, Ташкентскую область, в совхоз «Пятилетие УзССР». Разместили 4-5 семей в одной комнате и уже утром отправили на работу на поле. По приезду умер сын тёти. В школе дети обучались на русском языке. До 1956 никто не мог поступить в вузы, так как был специальный режим для переселенцев.

(По рассказам отца записала Ахтемова Мумине).

Зейтулаева (Усеинова) Эдие, 1939 года рождения. Родилась и до депортации проживала в гор. Симферополе по улице Артиллерийская, 71.

Отец – Усеин Мемедуллаев, мать – Аджимелек, братья: Исмаил Суин, Рустем, сестры: Усние, Тензиле и Ремзие.

16 мая 1944 г. к нам зашли две женщины делать перепись семьи. Расспрашивали, где находятся мужчины, и кто есть дома. А на рассвете 18 мая к нам зашли вооруженные солдаты, дали 15 минут на сборы. Потом вывели на улицу и закрыли двери дома. Но сразу нас не увезли, заставили сидеть в кузове грузовика до утра. У мамы грудной ребенок, отец болен. Он сильно плакал, думал, что нас везут на расстрел. Хорошо, что мама успела взять стеганое одеяло и укрыла им папу и братика.

Было светло, когда нас привезли на вокзал. Повсюду кричали и плакали люди. Эшелон отходил, а мама искала в вагоне родных. Ее сестра с семьей и папины родные ехали в том же вагоне. Они попали в Узбекистан, где погибли, не пережив лета.

Перед отъездом солдаты предупредили, чтобы не брали ничего тяжелого и разрешили взять только небольшой узелок. Все время пути – от родного дома до места высылки нас сопровождали вооруженные солдаты. Нас загрузили в скотские вагоны. Воды и туалета не было. Воду набирали на станциях. В дороге не кормили, только помню, один раз дали сухой паек: кусочек сала. Папа поменял его на табак. Никакого медицинского обслуживания в дороге не было. Когда кто-то в вагоне умирал, его оставляли на дороге.

В дороге были больше месяца. Привезли нас на Урал, в Свердловскую область, район Тавда, село Парча. Поселили на заброшенной грязной конюшне. Мы всей семьей спали на одеяле, которое мама прихватила с собой. Работы в этом поселке не было, и нас повезли дальше, туда, где жили каторжники. Поселок назывался Мурзилка. Все взрослые работали на лесоповале. Однажды отец возвращался с работы, упал и поранил печень. 16 января 1945 г. он умер. Незадолго до смерти очень просил чебуреки. Мама достала жменьку муки и сделала две картофельные чебуреки, но съесть их он уже не мог. Могилу отцу копали целую неделю: разжигали костры, чтобы растопить лед и промерзшую землю.

В гор. Новая Ляля жил мамин брат. Он дал нам вызов, и нам разрешили туда переехать. Там мы пошли в школу. Обучение велось на русском языке. Учиться в техникуме или институте разрешали не всем, только по разрешению коменданта.

Местные жители первое время нас остерегались, оказалось, что им перед нашим приездом сказали, что везут людей с одним глазом на лбу, которые едят детей. Наши соседи, раскулаченные украинцы с Донбасса, помогали, чем могли, жалели нас, давали молока и яиц. Работать на лесоповале было очень тяжело. Не знаю, как мне удалось выжить. Иногда приходилось работать в 50 градусные морозы. Ходили в лаптях, чтобы немного согреться, на них наматывали тряпки. Весь день, с утра до ночи, проводили в снегу. Одна наша знакомая Алиме, угодила под падающее дерево и ударилась головой. Медпомощи не было, она заболела и сошла с ума.

В гор. Новая Ляля мама и сестра работали на бумажном комбинате. Мама работала уборщицей в инструментальном цехе, сестра Усние – на разгрузке вагонов с лесом. Сестра Тензиле, хотя и была маленькая и худенькая, работая в швейном цеху, сдавала двойную норму и занимала первое место в цехе. Но вскоре ее послали на стройку, потому что татарам не разрешали работать в закрытых цехах. На стройке сестра упала с вышки и долго лежала в больнице. Но мир не без добрых людей. Мастер цеха добился, чтобы сестру вернули на прежнюю работу. После болезни сестра вернулась в швейный цех. Сестра Ремзие работала на улице – рубила дрова. Ей только исполнилось 16 лет. Я училась в школе. Так и жили, вернее выживали.

С Узбекистана несколько раз приходили вызовы от папиной сестры, но комендант Каценко разрешение не давал. Он очень золото любил, а его у нас не было, вот он и не шел на уступки. Помню, как заболела старшая сестра и ей срочно надо было ехать в гор. Серов к окулисту. Но комендант не дал разрешение. Сестра все же поехала, а когда возвращалась обратно, ее на станции уже поджидали милиционеры. Посадили на несколько суток, потом отпустили.

В 1954 г. я окончила 7 классов и подала заявление в медучилище, но для этого надо было разрешение коменданта. После смерти Сталина, нам, детям военных, можно было свободно перемещаться. Мы уехали в Узбекистан, а остальные еще до 1956 г. были на учете в комендатуре.

Ныне проживаю в пгт. Новоалексеевка

Генического района Херсонской области,

переулок 40 лет Октября, 23.

Зекирьяев Абдулла, родился в 1936 году в дер. Татарский Ишунь Акчора-Вакуфского с/совета Старокрымского района Крымской АССР.

Наша семья состояла из трех человек: мамы Эмине (1912 г.р.), меня и брата Абдулваита (1935 г.р.). Кроме этого на момент депортации с нами жили бабушка (1884 г.р.), дядя Абдулфетта Мамедиев (1925 г.р.) и тетя Асине Мамедиева (1928 г.р.). Отец – Зекерья Асанов воевал с первых дней войны, контуженный попал в плен к немцам и при попытке побега был расстрелян.

О депортации мы узнали рано утром 18 мая 1944 г. от вооруженных солдат, которые приказали нам собраться в течение 15 минут. Среди них был один узбек, и он сообщил о том, что нас выселяют в Узбекистан. Но мы попали на Урал. Еще он сказал, чтобы взяли самые необходимые вещи. Мы смогли взять только несколько килограмм муки и одежду.

Нас погрузили в машины и повезли в соседнюю деревню Болгарский Ишунь, где около пруда собрали всех жителей – крымских татар. Охраняли нас вооруженные солдаты. Воду пили из пруда, нужду справляли на месте – закрывались вокруг одеялом. Там нас продержали до вечера, потом загрузили в машины и повезли на станцию Ислям-Терек, где всех погрузили в скотские вагоны. Деревня наша была небольшая – одни сражались на фронте, других перед высылкой забрали в трудармию. Поэтому всех односельчан погрузили в один вагон (нас было не более 80 человек).

В пути были около 20 дней. Поезд часто останавливался, но двери открывали не всегда. Никакого медицинского обслуживания не было. Не кормили, давали только по 300 грамм хлеба на человека в день. На длительных остановках, обычно за городом, люди готовили баланду из наспех прихваченных из дома муки и крупы. Доварить успевали не всегда, раздавалась команда: “По вагонам”, все хватали котелки и бежали по своим вагонам. Естественную надобность справляли в ведро, закрывшись одеялом. В дороге все завшивели.

Привезли нас на станцию Нея Костромской области. Посадили в машины и привезли на так называемую “летнюю базу”. От постоянного недоедания люди начали опухать и умирать. В течение месяца умерли двое. После нас перевезли в местечко Глушица Пелеговского с/совета Юрьевецкого района. Недалеко от поселка протекала речка Шомахта, которая была богата рыбой. Выживать стало легче. Мы ловили рыбу, на зиму заготавливали картофель в соседних деревнях. За 10 собранных ведер давали 1 ведро в качестве натуроплаты. Взрослые работали на лесосплаве, зимой на лесозаготовке. Работали и мы, дети, на сезонных работах на сплавном участке. Нас ставили на поворотах речки, чтобы не образовались заторы, отталкивали деревья баграми. За это мы получали 500 грамм хлеба и сухой паек. Нам можно сказать “повезло”. А вот семьи Исмаил агъа и Мемедля агъа попали в пос. Первомайск. Остались там навсегда и сам Мемедля агъа и его сын Ибадулла, дочь Ревиде и их мать. Сумедля Мемедляев (отец бывшего депутата Верховного Совета КрАССР Мемедляева Сервера) и его сестра Решиде нашли нас в Глушице. Они были истощены до предела. Семья Исмаил агъа потеряла троих: его самого, жену Эмине и дочь Земине. К нам вернулись сыновья Аблямит и Меджит, вернее все, что осталось от них – кожа и кости.

Спасла нас сплоченность и взаимопомощь. Закончилась война, начали возвращаться солдаты. Вот тут-то местные жители и удивлялись: накануне нашего прибытия им объявили, что едут очень опасные бандиты, изменники и т.д., а тут они увидели, что почти в каждой семье имеются фронтовики с орденами, медалями и званиями – от сержанта до полковника.

Стали привыкать друг к другу, работали в одной бригаде, дети начали учиться, правда только в 1946 г. В одном помещении учились три класса, за одной партой сидит первоклассник, за другой – второклассник, за третьей – третьеклассник. Классы организовывались так: знаешь буквы и цифры – второклассник, умеешь читать – третьеклассник. Вскоре к нам приехал мамин брат Абдувели и добился разрешения на выезд в Узбекистан, в колхоз им. Кагановича Пахтакорского района Самаркандской области.

Работали на хлопковых полях, за работу не платили, давали иногда немножко зерна. Зимой все семьей вязали носки, меняли на чашку жугары (сорт сорго). Работали почти круглые сутки: днем собирали коробочки (бутон) хлопка, а до 1-2 часа ночи чистили – извлекали из коробочки вату.

Зимой пошли в школу, взяли нас с братом в 5-й класс. Вскоре стали отличниками. Учились на узбекском языке. Брат с отличием окончил Самаркандский зооветеринарный техникум, затем продолжил учебу в Омском сельхозинституте. После учебы долгие годы работал в Киргизии, считался главным специалистом в Карасуйском районе. Я же, окончив 10 классов, поступил в Ташкентский ирригационный институт. Имею 25 лет преподавательского стажа. Чтобы добраться до места учебы, обязательно нужно было разрешение в спецкомендатуре, а на месте учебы – явиться на подпись. Неявка каралась строго – 10-15 лет тюрьмы или высылки.

Мама работала дояркой в совхозе “Зеравшан”, была награждена правительственной наградой.

В Крым вернулись в 1996 году с женой Февзие Ягъяевой и двумя сыновьями. Старший Ремзи работает на радиостанции “Мейдан”, младший живет и работает в Москве.

Проживаю по адресу: гор. Алушта, улица Хмельницкая 11/20.

Ибрагимов Сеитмемет, родился 7 февраля 1932 года в дер. Къоз Судакского района.

Семья наша была большая и дружная: отец – Сеитибраимов Сеитджелиль (1895-1952), мать – Халилова Зейнеп (1899-1957), братья Сеитмамут (1919-1980), Сеитибрам (1924), сестра Эминешерфе (1927-1982), брат Сеитасан (1931-1996), я, сестренки Нурие (1936-1944) и Сафие (1942-1981). Брат Сеитмамут в 1938 году был призван в армию, три года проучился в военном училище, потом началась война, он воевал на фронте. Другой брат Сеитибрам также ушел на фронт с первых дней войны.

18 мая 1944 года в 4 часа утра в дом ворвались трое вооруженных солдат и приказали в течение 25 минут собраться и выйти из дома. Разрешили взять 40 килограмм груза на каждого человека. Мать и отец больные, старшие братья на фронте, мы еще дети, как собраться? Взяли кое-что с собой. Отец говорил солдатам, что на фронте воюют два его старших сына, но ему ответили: “Приедете, там разберутся”.

Собрали всех жителей деревни на конском дворе (“Атлар араны”). Простояли там до обеда. Нас никуда не выпускали, оградив вооруженными солдатами. После полудня начали подъезжать машины. Нас закидывали в машины, под ноги бросали вещи, всё смешалось. Один из солдат поднялся в кузов и начал вышвыривать вещи на землю. Отец с трудом поднимал узелки и чемоданы, солдат снова опрокинул их на землю. Маму, больную, зашвырнули в кузов. Так мы ничего и не смогли взять, взяли только одно старое одеяло и два старых пальто – на 7 человек. Корова, теленок, 11 барашек, 8 коз, полный дом вещей – всё оставили им – новым хозяевам нашей Родины.

Повезли нас через деревню Таракъташ, там уже никого не осталось. Таракташцев собрали возле кладбища, там были кучи вещей, продуктов, зерна, ячменя, кукурузы. Скотина ходила без присмотра. Такое чувство, как после бомбежки...

К вечеру привезли на станцию Феодосия. Когда начали загружать в вагон, было уже темно, ничего не видно, дождь льет. У одних мешки порвались, у других узелки развязались – ничего не разберешь. Так нас загрузили и закрыли дверь. Внутри были двухъярусные полки. Шум, крики, плач, дети потеряли родителей, крошечный ад. У меня случайно в кармане оказался кусочек свечки, зажгли, хоть что-то разглядели, нашли своих. Запомнил, что в вагоне было 41 человек.

Рано утром следующего дня проехали Сиваш, все горько плакали, понимая, что увозят с родной земли.

Туалета, воды в вагоне не было. Медобслуживания никакого, даже не спрашивали состояние больных, мы все завшивели. В нашем вагоне умерших в пути не было. В пути несколько раз давали очень соленую и горькую баланду.

Где-то на Донбассе состав стоял почти целый день и, внезапно, без предупреждения, тронулся. Многие, в том числе и брат Сеитасан, отстали от нашего эшелона (он пошел искать воду и не успел заскочить в вагон). Мама от горя чуть с ума не сошла. Брат нас разыскал в Узбекистане через 7 месяцев, весь в лохмотьях и с больными ногами.

Через 18 суток нас привезли на станцию Каттакурган Самаркандской области. Выгрузили в парк, повели всех в баню на санобработку. Там еще, вдобавок, при прожарке сгорела одежда многих людей. После этого погрузили в машины и повезли в колхоз Катамин Карадарьинского района. Выгрузили возле колхозного сарая, было нас где-то 700-800 человек. На 2-х колесных арбах приехали реисы (председатели) из близлежащих колхозов – покупатели рабсилы. Так, в очередной раз, разъединили родных и близких.

Когда мы приехали, в кишлаке никого не было, все попрятались. Местных жителей перед нашим приездом предупредили, что едут дикие, одноглазые люди, продавшие свою родину. Поэтому встретили нас враждебно, только потом отношение к нам изменилось.

Разместили нас в грязные, без окон и дверей, кибитки. В одну комнату – по 2-3 семьи. На следующий же день пришел бригадир, дал неподъемные кетмени и погнал на прополку хлопка.

С нашей семьи на работу пошли отец, сестра и я. Мама с младшими осталась дома. Раз в неделю из райцентра привозили паек – чуть больше одного килограмма муки на одного человека за неделю работы. Работали без выходных по 19 часов в сутки. Проработали так 9 лет, работали как рабы, да мы и были ими на чужой земле. Если один день не вышел на

работу или опоздал – приезжал участковый из района, реис, бригадир на коне, выгоняли вперед и избивали плеткой всю дорогу до работы.

Раз в месяц ходили в контору к коменданту отмечаться. Для этого отводилось время после работы, стояли в очереди до 1-2 ночи. Комендантом у нас был Аминов – жестокий и бессердечный человек. Две его родные сестры были медработниками, на их совести много загубленных жизней. Они делали уколы, и за одну ночь здоровые люди умирали.

В нашей семье первой, не выдержав 40-45 градусной жары, заболела и умерла сестренка Нурие. Отец работал зимой на конюшне, простудился и умер в 1952 г. В первые же дни после приезда мы все переболели дизентерией, пили грязную воду прямо из арыков (другой не было), на дне пиалы оставался слой грязи.

Брат Сеитмамут воевал в особом отделе. При боях на Курской дуге был в разведке и попал под минометный обстрел. Раненым попал в госпиталь, где ему ампутировали ногу. Службу продолжил в Военном трибунале. В 1954 г. демобилизовался и сразу приехал в свою родную деревню Къоз. Местные русские рассказали, куда попали в депортацию жители села. Так он нас и нашел. До этого искал по фамилии Сеитибраимовы, но наши фамилии исказили, написали Ибрагимовы.

Учились мы в узбекской школе. В 1945 г. нашей семье должны были дать 900 рублей ссуды. Но вместо денег дали козленка, который вскоре сдох. Эту ссуду выплачивали всей семьей вплоть до 1954 года, так и не выплатили до конца, долг мне списали.

В 1974 г. вместе с женой Урие и 6 детьми вернулся на Родину. Купил дом в селе Батальное Ленинского района. Местные власти, узнав, что мы поселились здесь, приняли меры к нашему выселению. И только благодаря брату Сеитмамуту, занимавшему в то время в гор. Горьком ответственный пост, нас оставили. Но еще долгое время не прописывали.

Мой адрес: Ленинский район, село Батальное, улица Школьная, 56.

Ибрагимова Зера, родилась в 1924 г. в селе Байдар Балаклавского района. Отец был расстрелян ещё в 1930 г., а маму с тремя детьми отправили на Урал. Через два года мама со средним братом и со мной вернулась в Крым. В 1937 г. маму опять арестовали и со средним братом отправили в Архангельск.

В то время я жила вместе со своими двоюродными сёстрами. Нас было четверо: я, две сестры и маленькая племянница. В каждом доме на поселении жили солдаты, а одну комнату, независимо от состава семьи, занимали хозяйка дома.

18 мая 1944 года в 5 часов утра нас стала будить старшая сестра Эмине. Мы подняли головы и видим, что в дверях стоят два солдата с автоматами и говорят: «Собирайтесь, можно взять с собой 20 кг груза». Мы растерялись.

Нас выселяли со станции Сюрень в товарных вагонах. Вагоны заполняли так, что можно было только сидеть, лежать было невозможно. Я не помню, чтобы нас кормили. На остановках добывали воду. Медицинской помощи не было. Если в вагоне кто-то умирал, то труп лежал в вагоне до следующего утра. На остановках трупы оставляли возле железной дороги. 12 июня 1944г. наш поезд приехал в г. Наманган Узбекистана. Оттуда людей стали развозить по районам. Мы попали в город Чуст. Утром нашу одежду продезинфицировали, а

нас пустили в баню. Потом опять нас стали разбивать и расселять по колхозам. Мы попали в Агасарайский сельсовет, колхоз «Кизил Виждан». Сопровождающий нас милиционер сказал, что нас привезли на каторгу на 20 лет. Все люди стали плакать, кланяться в ноги ему и просить, чтобы их увезли отсюда. Здесь нас стали расселять по скотным сараям, времянкам без окон, без дверей, без штукатурки. А утром вывели на поле на работу. Косили хлеб. Никаких домов, квартир, стройматериалов для строительства не выделялись. Да и кто бы строил? Женщины, старики и дети?

Из сел один раз в месяц пешком ходили в комендатуру в Чуст для подписи. Это продолжалось до 1956 г. Свободного перемещения по району и области не было. Мы не имели право покидать своё село или район.

Дети в школах учились на узбекском, русском языках. Постепенно, после 1956 г. люди стали учиться в техникумах, институтах.

Ныне проживаю в Симферопольском районе, с. Красная Зорька, ул. Крылова, 20.

ИБРАГИМОВА Седика, родилась 5 марта 1932 года в дер. Черкес-Кермен Балаклавского района. Во время ВОВ мама умерла от тифа, отец взорвался на mine. Мы, трое детей остались сиротами. Меня удочерила семья, которая жила в гор. Бахчисарае. Приемного отца забрали в трудармию. Мама в тот день понесла отцу передачу, я осталась дома одна. Ночью в 4 часа кто-то постучался в дверь. Я открыла, стоят 4 вооруженных солдата и говорят, чтобы взяла продуктов на три дня. Я тогда очень плохо понимала русский язык, увидев это, один из солдат достал из-под стола банку масла и булку хлеба, завернул их в тряпку, всунул мне в руки и в ночной рубашке вытолкнул во двор. Вместе с соседями погнали на станцию. Дальше ничего не помню. Очнулась в вагоне, голодная, замерзла. Сколько времени были в пути не помню.

Привезли нас на станцию Бекабад Узбекской ССР. Разгрузили возле сельского совета. Все разошлись по домам, я осталась одна. Переночевала возле конторы. Утром в контору пришел местный житель, увидел меня одну: голодную, грязную, худую, пожалел и взял к себе. Я прожила у них 2 месяца. В этот кишлак приехал дядя, который искал свою семью и увидел меня. Он забрал меня к приемной маме в гор. Алмалык Ташкентской области. Через полгода мама умерла от голода. Опять я осталась одна... Ходила по домам, искала работу, чтобы накормили, дали кусок хлеба. Председатель совхоза взял меня в свою семью нянькой, потом работала на фабрике.

Все крымские татары ходили на подпись в комендатуру, а меня, почему-то никто не звал и не искал. Тогда я сама пошла и записалась. Но так как не знала ни свою фамилию, ни даты рождения, комендант сам записал мои данные.

Живу по адресу: Алушта, с. Рыбачье, ул. Северная, 20.

Ибрагимова (Рефатова) Сейране, родилась 8 ноября 1934 г. в деревне Албат Бахчисарайского района Крымской АССР. На момент депортации в семье было девять человек: бабушка Раиме, дедушка Суфьян, тетя Алиме, дядя Редван, дядя Роман, мать Мерьем, сестрѐнки Зарема, Норие и я. Отец Рефат и дядя Решат ушли на фронт, а тѐтю Селиме фашисты угнали в Германию.

18 мая 1944 года ночью мы проснулись от сильного стука в дверь. Мать испугалась, дети стали плакать. В дверях стояли солдаты с автоматами, ничего не объясняя, один из солдат сказал: «Быстрее одевай детей, выходи на улицу». На сборы дали 4 минуты. Во дворе нас посадили на телегу и в сопровождении солдат довели до станции Буюк-Сюрень. Посадили в вагоны, где раньше перевозили лошадей. Вагоны были переполнены. В пути питались тем, что успели взять с собой. На станциях доставали воду. Ехали очень долго.

Привезли нас на станцию Чартак Наманганской области. Пропустили через санпропускник (баня), а вещи дезинфицировали. Затем распределили по колхозам. Мы попали в бедную семью, где до нас их самих переселили в одну комнату, а в другую поселили нас. Мы не успели разместиться, как на лошади приехал бригадир с плёткой и погнал на работу. Некоторое время спустя мать через комендатуру попросилась на работу в райцентр Янги-Курган, так как знала русский язык. Она получила согласие и мы переехали. Нам дали сарай без окон и дверей, внутри которого протекал арык. Своими силами мать собрала камыши и, как смогла, соорудила окна и двери.

Наступила зима, холодная, голодная. От болезни умерла Зарема. Мы ели траву, черепах, кожу барана. Чтобы я не умерла, мама отдала меня в детдом. Там нас били, обзывали предателями. В 1949 году пришел вызов от отца, и мы переехали на станцию Келес Ташкентской области.

Проживаю в Симферополе, ул. Соколиная, 37а.

Ибраимова (Бекирова) Сундус родилась 14 декабря 1927 г. в деревне Шума Алуштинского района. Семья к 1941 г. состояла: отец Куртасанов Бекир (1879), мать Рамазанова Фазиле (1889), братья - Рустем (1916), Сервер (1918), Дилявер (1930), Рамазан (1934), Ахтем (1938).

Братья Рустем и Сервер воевали, сражались против фашистов, о них писали фронтовые газеты. Отец бережно хранил газетные вырезки на чужбине а сегодня они хранятся у Сундус.

Брат Сервер в звании майора погиб под Смоленском в 1942 г. Рустем прошел всю войну. После войны он разыскал свою семью в Свердловской области. Но семью не отпустили в Среднюю Азию, где жили родственники. Работал на заготовке леса. Был стахановцем, его фотография была на доске почета.

За несколько дней до трагической даты 18 мая, сделали перепись жителей села. 18 мая 1944 года в три часа ночи всех поднял на ноги резкий стук в двери. Отец открыл двери, а солдат ему говорит: «Всех крымских татар высылают, собирайтесь». Отец показывает фотографии двух сыновей, объясняет им, что они воюют с фашистами. На сборы дали 15 минут, сказали, чтобы брали еду на три дня. Родители растерялись, спросонья дети натыкались друг на друга, не могли найти одежду. Один солдат сказал: «Берите ценности, одежду». Старшая из детей была Сундус. Она набила узлы, доволокла до калитки. А машина стояла через две улицы. Пришлось все бросить. Жителей села согнали на площадь возле сельского совета. Погрузили по пять семей в одну машину и повезли в Симферополь. Там ждали полдня без еды и воды. Затем всех погрузили в скотские вагоны. Старшие начали выгребать навоз, чистить вагон. Вагон был набит, ехали стоя. В дороге были 17 дней. Кормили один раз в день баландой из лабоды.

Никакой медицинской помощи не оказывали. В пути у одной женщины начались преждевременные роды. 65-летний отец Сундус вынужден был принимать роды. Мальчик

родился мертвым. Его выбросили через окно по пути следования. Суровый отец Бекир плакал.

Привезли в Свердловскую область, в город Новый-Ляля. Начали распределять: кто постарше и в состоянии работать - оставляли в городе работать на заводах, а остальных отправили в поселок № 54. Выделили дом на 4 семьи, дали матрацы и подушки, набитые соломой. Местные жители, ранее высланные немцы, украинцы и поляки, помогали, кто чем мог. Работали в колхозах, выращивали овощи.

Отец умер 7 ноября 1944 года в г. Новая-Ляля. Не выдержало сердце, когда получил известие о гибели старшего сына Сервера.

Два года Сундус работала в колхозе, а потом ее отправили на заготовку леса, рубила чурки для паровоза.

Осталась одна с больной матерью и четырьмя детьми. Как на свой скудный заработок – 500 гр. хлеба прокормить такую большую семью? Сундус решила обратиться к властям за помощью, как семья погибших на фронте. 20 километров шла до районного центра по заснеженному лесу. Но получила отказ и когда вернулась обратно домой, ее осудили за нарушение режима: полгода удерживали 25% заработка.

В 1950 г. Сундус вышла замуж за Сервера Ибраимова. Муж работал токарем на заводе в г. Новая-Ляля. В снегах Свердловской области осталась первая дочь, там же в 1950 г. умерла мать и свекровь. В семье Сундус Ибраимовой три сына: Сейран 1952г., Ридван 1954 г. и Сейтягья 1956 г., 9 внуков и 5 правнуков.

Как вышел указ об освобождении от комендантского режима в 1956 г., сразу же вернулись в Крым, но их не пустили, и семья обосновалась в Мелитополе.

Сейчас живет в г. Мелитополе, ул. Речная, 99.

(Со слов Сундус апте записала Миневер Идрисова).

Ильясова (Аширова) Бейе, родилась 8 марта 1940 г. в городе Алушта. Мама Аширова (Багишева) Эмине, уроженка д. Демирджи (Лучистое) Алуштинского района.

18 мая 1944 года рано утром мама, сопровождаемая вооруженным советским солдатом, приехала в деревню Демирджи, где она оставляла меня у сестры Джумазе, так как в Буюкламбатской больнице дежурила круглосуточно. Солдат разрешил ей взять только меня. Мама даже не успела взять свои документы, диплом, моё свидетельство о рождении.

Мой папа – преподаватель истории Бахчисарайского медицинского техникума в 1939 г. был взят в трудовую армию и оттуда на фронт. Я его не видела. В свидетельстве о рождении отмечено Z, это означало, что отца у меня нет.

При депортации я была ребёнком, но в памяти огромные машины, их грохот, плач стариков, суета людей, лай собак. Если всех маминых родных с семьями – Джумазие, семью брата Османа вывезли из Демирджи, то меня с мамой посадили в машину в Буюк-Ламбате. Везли нас в Симферополь. Старики читали молитвы. Матери, обняв детей, плакали. Когда

проезжали вдоль моря, все рыдали, думая, что всех везут топить в море. Когда проезжали возле кладбища, начинали причитать, что расстреляют и закопают.

В вагонах было тесно, душно. Видно давали муку, так как мама в пути делала тесто без соли и потом пекла лепешку на жестянке, поставленной на два камня. Мне выходить из вагона не разрешали. Остановки были короткими. Поезд гудел, все бежали с водой в кружке, в кувшинах. Кто-то сжимал недопеченную лепёшку. В вагоне никого из наших родных не было.

Ехали мы почти месяц. Вскоре начались болезни. Мама, будучи медсестрой, каждому хотела помочь, но никаких лекарств не было. Лечили друг друга, читали молитвы.

Местом спецпоселения стал г. Джизак Самаркандской области. Её медицинское образование помогло получить ей работу. Мама медсестрой работала сутками, а я всегда была рядом с ней. Я видела, как мама принимала больных в стационар. Ведь начинался тиф, малярия. Тогда, кто бы ни поступал на лечение, брили им головы. Волосы падали на пол. Они шевелились от вшей. Мало кто выживал в больнице. В морге трупы складывали друг на друга. Однажды я увидела, как огромная жёлтая собака разорвала живот мёртвого человека. Больше в морг я не заходила. Во дворе этой больницы была маленькая хибарка, крытая камышами и залитая глиной. Здесь мы с мамой стали жить. Вскоре мама повела меня в детский сад. Там заведующая не захотела называть меня по имени и назвала Зоя, и с этим именем мне пришлось жить до 32 лет. В 1947 г. я пошла учиться в 1-й класс Джизакской школы №2 им. Кирова.

В 1947-1948 гг. было трудно с хлебом. Дети после уроков занимали очередь для покупки хлеба. Женщина всем на руке химическим карандашом писала номер очереди. После того, как мы покупали хлеб, мы бежали домой, а затем со сшитой торбочкой торопились в школу. В классе было 42 ученика. На большой перемене учительница приносила нам горячее питание. Приходилось кушать даже черепах.

Мама ежемесячно ходила отмечаться в спецкомендатуру. У нас часто собирались одинокие женщины, они вспоминали родных, говорили о Крыме, затем вполголоса пели песни.

В 14 лет я должна была поступить в комсомол. Два месяца штудировала устав, а когда дали бланк заявления, я написала, что поступлю в комсомол лишь тогда, когда моей маме не надо будет ходить в спецкомендатуру на подпись.

Ныне проживаю в г. Симферополь, ул. Маршала Жукова, д. 17, кв. 36.

Ильясов Ибрагим, родился в 1925 г. в деревне Байдары Севастопольского района. Его отец Ильяс Адильша (1864) был муэдзином. Он имел сотни поголовья крупного и мелкого скота, лошадей. В 1930 г. по постановлению тройки при ГПУ Крыма он был осуждён и выслан за пределы Крыма. Выселение семьи Ильясовых в Свердловскую область изменило судьбу каждого. Отец не перенёс холод, голод, изнурительный труд на лесоповале и умер на Урале. Его супруга Ильясова Мелек (1887) была уроженка Уркуста. Она, дочь знатных людей, знавшая Коран наизусть, вынуждена была на Урале собирать ягоды, замёршую картошку, чтобы прокормить троих детей Майе, Мансура, Ибрагима, а восьмимесячного младенца Аблякима она кормила грудью. Вскоре он умер от холода. Тогда Мелек решила бежать на родину в Крым. Тут она работала колхозницей в Байдарах. Там её с тремя детьми приютил

Джамджи Сулейман, выделили им сарайчик. В 1937 г. тройка НКВД осудила её к 10 годам. Она отбывала срок в Соловках.

Оставшиеся без отца и матери Ибрагим с братом Мансуром и сестрой Майе были отправлены в детский дом г. Бахчисарая. Во время войны детский дом эвакуировали на Кавказ. Оттуда его эвакуировали в Казахстан. В городе Чимкенте они с братом и сестрой поступили в ФЗО, где получили специальности. Ибраима направляют работать в Челябинск, куда к нему после многих лет приезжает мать, отбывшая срок в Соловках. Они вместе приезжают в Узбекистан, где их приютила Атарова Хатидже, которая в 30-х годах была репрессирована из Севастополя и жила в п. Кибрае Ташкентской области. Там Ибрагима поставили на спецпереселенческий учёт.

(Об Ильясове Ибрагиме написала его супруга Бейе).

Ипчи Джеваир Умеровна, родилась в 1930 г. в г. Симферополе. В 1937 г. моего отца, писателя Умера Ипчи, как «врага народа», репрессировали. В 1955 г. он скончался в Томской психиатрической больнице. В 1942 г. старшую сестру угнали в Германию. Остались мама, я и братик Якуб.

18 мая 1944 года на рассвете, когда все спали, грозные удары в двери разбудили нас. За дверью кричали: «Быстро открывайте, вас высылают из Крыма». Это были два солдата с автоматами. Мы были сильно напуганы. На сборы нам дали 15 минут. Второпях собрали кое-какие вещи, всё, что могли нести на себе. До места сбора нас сопровождал солдат. Когда вышли на край деревни, где были сборы, вспомнили, что не взяли муки. Мама попросила солдата, и мы вернулись домой. Взяли муку, ещё мама взяла швейную машинку Зингер. Но вскоре на машине приехали военные. Один из них приказал: «Кто взял с собой швейные машины, оставляйте на месте, стрелять будем». Мама испугалась. Нас грузили по грузовым машинам. Потом отправили на станцию Воинка. Там стоял товарный состав. Людей загружали в вагоны как скот, да ещё погоняли матом. В вагоне воды, туалета не было. Это были страшные условия. Когда состав останавливался все, кто могли, выпрыгивали из вагонов и бежали по степи, кто справлял нужду, кто чтобы испечь лепёшку.

18 суток мы пребывали в этих нечеловеческих условиях. В вагоне никто не умер. Когда прибыли в Ташкент нас отправили в баню. А потом отвезли в поселок Китаб Кашкадарьинской области. А оттуда отправили в кишлак Деишхон в 25 км от посёлка. Нас поселили в домике, в одной комнате без окон. Соседи узбеки давали нам еду. До 1956 г. мы находились в резервации. В течении 12 лет каждый месяц мы приходили к коменданту и подписывались, что мы не сбежали. Это было унижительно. В 1952 г. умерла мама. Сестра вернулась из Германии и через несколько лет умерла от болезни. А у моего мужа Мамутова Ваита (1923) в депортации умер дедушка, бабушка, мать, отец, 2 сестры и 2 дяди.

В райцентре была одна русская и две узбекские школы. Многие наши татарские дети учились в узбекских школах, т.к. жили в кишлаках. Я училась в русской школе. Закончила с похвальным листом. Затем с разрешения коменданта поступила в Шахрисабзский сельхозтехникум. Затем поступила на заочное отделение Бухарского пединститута.

Проживаю в пгт. Нижнегорск, ул. Шевченко, 23.

Исмаилов Ибазер, родился 15 августа 1935 г. в деревне Чоткъара Бахчисарайского района. В семье было 5 человек. Отец находился в трудармии.

18 мая 1944 года в 5 часов утра постучали в дверь нашего дома. Когда открыли дверь, увидели двух солдат с автоматами. Они кричали на нас, на сборы дали 5 минут. Мама была беременна. Она собрала немного белья для будущего ребёнка, но солдаты их разбросали и не дали взять. С нами жила тетя, которая взяла полмешка кукурузы. Благодаря этому мы не умерли в пути от голода.

До станции нас сопровождали солдаты с автоматами. Грузили в вагоны по 100 человек в каждый. В пути один раз дали бурду. Медобслуживания не было. Ехали 18 суток. Привезли в Бухарскую область в совхоз «Нарпай». Передвигаться никуда не разрешали. Строго следили за каждым шагом. Жили в палатках, затем в общежитии. Работали на хлопковых полях. В школе учились на узбекском и русском языках.

Проживаю в г. Бахчисарай, ул. Чапаева 46/6.

ИЗМАИЛОВ Сеитмамут, родился в 1934 году в дер. Токлук Судакского района. Отец – Сеитсмаил Ганиев 1886 г.р., мать – Айше Сеитсмаилова 1888 г.р., брат Барий 1913 г.р.

18 мая 1944 года в 12 часов ночи в дверь сильно постучали. Когда открыли, вошли двое вооруженных солдат и начали кричать: “Давайте быстрее собирайтесь, 15 минут на сборы. Вас выселяют за пределы Крыма”. Что соберешь за такой промежуток времени? Мы успели взять немного муки. Все плакали, солдаты же выгнали нас из дома и запечатали дверь. Вместе с соседями посадили на бречку и отвезли на место сбора – сельское кладбище. Тут собрали всех жителей – крымских татар и окружили военными. Затем погрузили на грузовые машины и в сопровождении двух вооруженных солдат отправили на станцию города Феодосия.

Вагоны были грязные, нас запихали в них и закрыли дверь. В вагоне было около 40 человек, душно, дышать невозможно. Туалета не было, вместо него использовали ведро. В дороге нас не кормили. Медицинского обслуживания не было. Умерших сбрасывали на рельсы.

Не помню, сколько дней были в пути. Привезли нас во 2-е отделение совхоза Дальверзин-1 Бекабадского района Ташкентской области. До 1956 г. выезжать за пределы отделения без разрешения комендатуры не разрешалось. Каждую неделю ходили на подпись к коменданту.

Никакой помощи от представителей власти в местах спецпоселения не видели.

Отец умер от голода. Жили в развалившихся кибитках, землянках. С утра до ночи работали на хлопковом поле.

Учились в школе на узбекском языке. В те годы крымским татарам не разрешали учиться в техникумах и институтах.

Старший брат Барий с первых дней ВОВ ушел воевать на фронт, был ранен, лечился в госпитале. Он не знал, что всех крымских татар выселили из Крыма. Искал нас по всей Ташкентской области. Умер на Родине, в 1997 г.

Мой адрес: Алуштинский район, с. Изобильное, ул. Виноградная, 54.

Ислямов Месфер Фератович, родился в 1921 г. в деревне Хайто Балаклавского района.

О депортации узнал с опозданием – от командира полка, будучи на войне. Мать и четырёх детей депортировали из села Байдар. Я их долго искал, писал в разные инстанции. Помогло обращение к М.И. Калинин, он помог мне найти семью. Комдив дал 8-дневный отпуск и расходы на дорогу, и тогда я приехал в Узбекистан. Семья находилась в Наманганской области в колхозе «8 марта». Дома была одна мать, сестрёнки и братик находились в больнице.

По рассказам мамы к ним пришли 18 мая 1944 г. и приказали собираться. С собой разрешили взять 20 кг груза. Швейную машинку мамы выбросили обратно. Сначала их собрали в деревне Байдар, а затем отправили на железную дорогу. Там их погрузили в товарные вагоны, в которых возили скот. Грузили в каждый вагон по 40-45 человек. В пути не кормили. Питались сухим пайком. Туалета, воды и медицинского обслуживания не было. Ехали они 14 суток. Прибыли в Наманган, райцентр Чуст. Передвижение по району запрещалось до 1956 г.

Коменданты относились к ним враждебно. Один из них даже отобрал у мамы Коран. Я, будучи офицером, «с боем» захватил для них комнатку в бараке. Позже перевёз членов семьи в г. Маргилан. Дети в школе не учились, работали. Мой младший брат учился на русском языке. Выезжать из села и города на учёбу не разрешалось. Крымскотатарских учителей на работу не брали.

Проживаю в г. Симферополе, ул. Селим Гирая, 10, кв. 56.

КАДЫРАЛИЕВ Осман, родился 8 марта 1929 года в дер. Тувак Алуштинского района.

Наша семья состояла из отца, матери, сестры и меня.

18 мая 1944 года в 4 часа утра в дом вошли вооруженные солдаты и сказали: “Выходите, возьмите с собой еду на три дня. Потом вернетесь”. Времени на сборы не дали. Мы, сонные, не могли понять, что происходит. Успели только одеться и взять кое-что из продуктов. А какие продукты могут быть в только что освобожденной от фашистов деревне? Под конвоем трех солдат мы пришли на центральную площадь. Там собрали всех жителей – крымских татар и продержали весь день до прихода машин. Загрузили в грузовые машины, сесть мест не было, ехали стоя. Привезли нас на станцию города Симферополя. Подъехали вплотную к вагону и людей перегрузили в них.

Вагоны были набиты людьми. Ни о какой воде или туалете не было и речи. Не помню, чтобы нас в пути кормили. На остановках все люди бежали в поисках воды и туалета. Медицинского обслуживания не было. Умерших выбрасывали из вагона.

В пути были 18 суток. Привезли нас на станцию Массальский Ферганской области Узбекистана. Загнали в огромное помещение, без крыши. Нас всех – женщин, стариков, детей, раздели догола. Обработали нашу одежду, ведь мы все завшивели, пока доехали. После дезинфекции все стали искать свою одежду, как это было унижительно...

Погрузив на арбы, привезли в кишлак, где поселили в одну комнату по несколько семей. На следующий день погнали на работу косить пшеницу. Местные жители вначале нас боялись, затем мы подружились с ними. Ежемесячно ходили на подпись в комендатуру. Передвигаться по району нам запрещалось, даже в соседний кишлак нельзя было ходить. За нарушение режима арестовывали на 15 суток. Ни о каком строительстве не было и речи, люди думали, как прокормиться.

После приезда через неделю умерла мама, в пути она упала и сильно ударилась головой, постоянно жаловалась на головную боль. Ей было всего 35 лет. Отец умер через полгода от голода. Если находил еду, отдавал нам с сестрой, сам ничего не ел.

В школу мы не ходили, думали лишь о том, как заработать на кусок хлеба. Через 3 года поступил в ремесленное училище, по окончании меня забрали работать в Ташкентскую область. И так я постепенно стал на ноги....

Живу по адресу: Алуштинский район, с. Рыбачье, ул. Северная, 20.

Кадырова Ленура, родилась 29 июня 1939 года в гор. Бахчисарае. Семья состояла из: отца – Кадыра Джемилева (1907 г.р.), матери – Зибиде Сефершаевой (1914 г.р.), сестры Халиде (1933 г.р.) и меня.

Жили мы по улице Новороссийской 21 (сейчас это ул. Македонского, 45). В начале войны папу призвали в армию, затем из-за недостатка шоферов, начальство отозвало его. Потом оккупация Крыма немцами. Кроме нашей семьи, на иждивении отца была его сестра-вдова с пятью несовершеннолетними детьми. Поскольку наш дом был большой и располагался недалеко от вокзала, немцы забрали его под контору. Почти всю войну мы провели в землянках, прятались в горах. Пережили оккупацию, выжили и вернулись в родной дом.

18 мая 1944 года папа рано утром пошел косить траву для скотины. Мы еще спали. Проснулись от шума и увидели, как три вооруженных солдата кричат на маму. Ничего не подозревавший отец вернулся с охапкой травы. Солдаты направили на него автоматы и крикнули: “Давайте быстрее собирайтесь – вас вывозят”. Мы перепугались, думали, что нас повезут на расстрел. Ничего с собой не взяли. Повели на вокзал, а там уже много людей, никто ничего не понимает. Один из солдат подошел к тете и сказал: “Вас увезут отсюда, убивать не будут. Живешь близко, иди что-нибудь возьми на дорогу”. Папа взял меня, сестру и мы побежали домой. Он взял у соседей тачку, мы загрузили имевшуюся одежду, кастрюлю жира и немного крупы. Когда вернулись на вокзал, там уже в вагоны загоняли плачущих детей, стариков, женщин. Вслед за нами побежала любимая козочка сестры и собачка. Сестра плачет, что не оставит козленочка. Пришлось взять животное и сесть в переполненный вагон. Люди плачут. Старики молятся. Собаки, скотина бегут за хозяевами, кричат. Кромешный ад. Наш вагон закрыли, все сидят на корточках, встать невозможно. Я захотела пить, плачу. Папа, выпросив у кого-то баночку, набрал с лужи водичку, но я не смогла заставить себя ее пить. Отец стал просить солдат, которые нас конвоировали, дать ребенку глоток воды. Вдруг с крыши вагона полилась водичка, взрослые посмотрели и поняли, что это была моча: солдаты с крыши мочились прямо на наши головы...

Не помню, сколько дней мы были в дороге. Не хватало воздуха, воды, туалета нет. Папа в дороге зарезал козленка и повесил тушку через окно. На следующей же остановке его уже не было. Люди начали умирать от голода и эпидемии. Трупы выбрасывали на остановках или через окно. Кормили нас раз в сутки какой-то похлебкой, которую невозможно было есть.

Когда папа полез в мешок разбирать вещи, то увидел, что он полон “игрушек” (остатки битой посуды, тряпочные куклы и т.п.) – это мы с сестрой взяли в дорогу. Он все выбросил.

Привезли нас в Узбекистан, на станцию Джамбай. Когда открылись двери вагона, мы увидели, что нас встречает толпа вооруженных лопатами и кетменями людей. Это были местные жители, которых предупредили, что едут рогатые людоеды. Но когда начали выходить люди с Коранами в руках, они поняли, что мы единоверцы и не тронули нас. Нас погрузили на грузовики и повезли в колхоз им. Ахунбабаева. На 13 человек дали одну комнату – черная-черная, без окон, дверей, пол земляной, глиняная крыша, посередине “сандал” – печка. Маму в “комнату” затащить не смогли: “Не хочу в могилу живьем”. Так мы всю ночь стояли на улице. Кругом воют шакалы. Утром папа пошел к бригадиру, отдал ему часы с руки и получил взамен двухколесную арбу, но с возвратом. Мы с мамой сели на эту арбу, сестра толкала сзади, папа запрягся. По колено пыль, жара 50 градусов, обуви нет, ноги горят...

Так мы приехали в райцентр. Папа добился места в большом бараке – коровнике. Там жили полсотни семей. Все завшивели. Началась эпидемия тифа, дизентерии, малярии. Каждый день несколько трупов. Хоронить было некому. Могилы слегка засыпали землей, а наутро шакалы сгрызали трупы, и оставались только обглоданные кости. Были случаи, когда из-за одного яблока местные отрубали головы “пришельцам” кетменем.

Шоферов тогда не хватало, и папа устроился на работу в МТС. Жить стало легче. В 1945 г. мы переехали в гор. Самарканд. Сестра не смогла продолжить учебу, а я пошла учиться в русскую школу, не зная по-русски ни слова. Была примерной ученицей. Закончив в 1957 г. среднюю школу, поступила в Самаркандский госуниверситет на иностранное отделение филологического факультета. Училась хорошо и не чувствовала по отношению к себе национальной вражды.

Проживаю по адресу: город Симферополь, переулок Трамвайный, 16.

Калайджи Жулиде Ибраимовна, родилась 24 мая 1937г. в г. Симферополе. Семья состояла из четырёх человек: бабушка Челебиева Ава-Шерфе (1867), папа Калайджи Ибраим (1895), мама Челебиева Нурие (1908) и я.

18 мая 1944 года ночью раздался стук в калитку, залаяла наша собака. В комнату вошли несколько вооруженных человек в военной форме. Группу возглавлял майор. Он сказал, что нас выселяют, и, разрешив взять груз по 50 кг на человека, дал срок - 30 минут. Произвели обыск, взрослые начали собираться. Нас на грузовике привезли на вокзал. Шёл холодный дождь. В вагоне было два яруса и много народа. Нам достался верхний ярус. Как только поезд тронулся, мужчины прорубили дырку для туалета. Воду добывали на остановках. Горячую пищу за все время пути дали 1-2 раза. Медицинскую помощь оказывала моя мама, она была медсестрой.

Ехали мы 18 суток. 6 июня состав выгрузили на ст. Хилково в г.Бекабад Ташкентской области. Там были заготовлены землянки. Нашей семье выделили два лежачка в землянке. Рядом с нами была землянка-медпункт, где мы все по очереди побывали. Вещи в дороге завшивели, насекомые ползали везде. Из нашей землянки людей подвергли повторному выселению, несколько семей повезли в Сталинабадскую область. Воспользовавшись тем, что комендантов ещё не было, мы перебрались в село Стретенка (8 км от Бекабада). 1,5 месяца

жили в парке под открытым небом. Тут, в колхозе им.Дзержинского, папа встретил много знакомых, в одной из бригад нашёл маму и братьев...

В Бекабад ездить было нельзя. В 16 лет меня взяли на учёт у коменданта Мельникова. Он был безграмотным солдафоном, не умел читать, унижал человеческое достоинство.

В 1954 г. я закончила 10 классов и написала заявление, чтобы разрешили выехать в Ташкент для сдачи документов вуз. Это был первый год, когда разрешили поступать в учебное заведение Ташкента, до этого можно было только в Самарканд. Когда пишут о депортации, упускают один момент. Ведь в 1946г., буквально перед реформой 1947 г., выдали живым и умирающим по 5000 рублей. А в 1947 г. была девальвация 1х10, она не распространилась на переселенческую ссуду. Деньги удерживали по 5000 рублей с живых и детей умерших, вплоть до 1956 г. К этому моменту многие успели её выплатить.

Проживаю в г. Симферополе, м/р Каменка, ул. Б. Османова,12.

Карабаш Ибраим Мухтар, родился 2 сентября 1924 году в дер. Корбек Алуштинского района.

Наша семья состояла из 12 человек: бабушка, дедушка, отец, мать, две сестры с детьми, я, сестренки и братишки.

В начале мая 1944 г. по домам ходили солдаты и проводили перепись людей и имущества. На вопрос для чего, они отвечали, что проводят перепись населения.

В 5 часов утра 18 мая нас разбудил стук в дверь. По спискам проверили все ли дома и приказали, чтобы за 15 минут собрались, взяли еду на 3-4 дня и вещи, которые можно будет унести с собой. Все растерялись. Дети плакали, не хотели вставать, одеваться. Мы не знали, за что хвататься, все валилось из рук. Из вещей ничего не смогли взять. Да и что можно взять за 15 минут, когда у нас на руках шесть маленьких детей, старики? Солдаты вытолкали нас из дома, а один из них ударил меня прикладом. Повели пешком к горке, где находились табачные сараи и окружили. Мы просидели под солнцем весь день. А когда стемнело, подъехали машины. Нас погрузили и отвезли на ж/д вокзал гор. Симферополя. На вокзале погрузили в грязные вагоны (наш был из-под цемента). В нашем вагоне было 68 человек. Не было места, чтобы прилечь. Двери вагонов закрутили проволокой. Каждый вагон охранял вооруженный солдат.

В вагоне духота, вонь, не было ни воды, ни туалета. Люди умирали в пути от голода и болезней. Хоронить их не могли, оставляли на стоянках поезда. Не выдержав таких испытаний, одна женщина сошла с ума. Медицинского обслуживания не было. Всего два раза за всю дорогу давали хлеб, суп взять не могли, так как ни у кого не было ведра.

Вот в таких нечеловеческих условиях на 18-й день нас выгрузили на станции Красногвардейская Самаркандской области Узбекской ССР. После выгрузки под охраной отвели в баню. Пока вещи дезинфицировали от вшей, мы стояли голые целый час, переодеться было не во что. Потом распределили по колхозам. Наша семья и еще человек сорок попали в колхоз "Октябрь" Гульбулатского района. От станции нас гнали пешком 16 км. Жара, наступить на землю невозможно, ноги горят, пить нечего.

Нашу семью поселили в какой-то полуразвалившийся сарай. Спали на сене - одеял, ложек, мисок не было. Через два дня нас погнали на поле собирать пшеницу. В обед давали по одной лепешке. Местным жителям власти о нас рассказывали ужасные вещи. Люди в первое время шарахались от нас, как от прокаженных. Воду для питья из колодцев не давали. Воду брали из водоемов, где пили коровы, лошади, собаки. В результате, крымские татары почти поголовно начали болеть дизентерией, малярией, тифом. Умирили чуть ли не семьями. В нашей семье умерли шесть человек. Переезжать с места на место нам не разрешали, каждый день – утром и вечером мы отмечались в комендатуре. И так до 1954 года.

Ни о какой учебе тогда не думали, только через многие годы стали учиться, но клеймо “предатели, изменники” всегда висело над нами. После получения паспортов, нам не разрешилось возвращаться на Родину, в Крым.

Дети обучались на русском или узбекском языках.

Проживаю по адресу: Алушта, село Изобильное (Корбек),

улица Горная, 27-а.

Караева (Асанова) Эдие, родилась 10 апреля 1942 года в дер. Биюк-Озенбаш Куйбышевского района.

Семья наша была большая и состояла из матери, отца и нас 6-х детей – 5 девочек - соответственно 20,12, 6, 4, 2 лет и мальчик – 8 лет. Родное село в годы Великой Отечественной войны было сожжено немцами, поэтому мы перебрались в дер. Акъчокъракъ. Когда освободили Крым, радости не было предела. Все начали переселяться из окопов и землянок в дома. Отец остался дома, когда мама пошла за детьми в окоп, я была еще в качалке. В дом постучались солдаты и попросили у отца водки. Спиртного в доме не было, и отец вынес им яблок. Разозлившись, что не принесли водки, солдаты застрелили отца и ушли (это видел сосед-парнишка и рассказал, как было дело). Когда мама вернулась с детьми, отец лежал на пороге дома мертвый. А ведь во время оккупации родители помогали партизанам - мама каждый день выпекала хлеб, и два партизана приходили за ним.

Мама осталась одна с детьми на руках. Хотя село наше было сожжено, люди ходили туда обрабатывать землю. И мама со старшей дочкой Назлы и сыном Якубом каждый день ходила за шесть километров в Биюк-Озенбаш работать на участке. Якуб очень уставал и попросился остаться у тети, которая с мужем жила в шалаше (у них не было детей). 17 мая 1944 года мама оставила сына у сестры. А на следующее утро, в 5 часов, два солдата с автоматами в руках разбудили нашу семью и объявили о высылке. Приказали срочно собратсья, дали на сборы 15 минут. Мама едва успела собрать детей, схватили, что было под рукой, и покинули дом. Нас на машинах привезли на станцию Сюрень. Здесь, на станции, брат бегал от вагона к вагону, искал семью, но не нашел нас. Сестра Назлы встретила тетю, та сказала, что все равно всех везут в одно место, пусть Якуб будет с ними. Но эшелоны разъехались по разным направлениям. Тетя попала в Костромскую область, а наша семья – в Марийскую АССР. Долгие десять лет мы не видели друг друга.

Наш вагон был переполнен людьми. Мы, дети, спали на верхних нарах. Туалета не было. Старшие справляли нужду на остановках, а нас, детей, держали в окошечко. Воды не было, на остановках, кто помоложе, бегал за водой (если имелась какая-нибудь посуда). Несколько

дней ничего не давали есть, каждый делился чем было. Потом один раз в сутки выдавали похлебку.

Медицинского обслуживания не было и в помине. Умерших оставляли на дороге, похоронить по-человечески не было возможности.

В пути мы пробыли 22 дня. Наш состав прибыл на станцию гор. Чебоксары. Там всех высадили и повели на пристань. Шли пешком. Мама меня несла на руках, остальные сестры – 4 годика, 6, 12 и 20 лет от усталости едва шли и плакали. Мама все боялась растерять детей и все время умоляла, чтобы не отставали. На пристани нас загрузили на баржу и по реке Волге переправили на другой берег. Там опять загрузили в вагоны, в которых возили лес. На каждом участке поезд останавливался, чтобы высадить в нужном количестве рабочую силу. Наша семья состояла из детей, поэтому нас никто не хотел брать. Так мы доехали до конечного пункта назначения. Эта была таежная глушь, где не жили люди. Нас, несколько семей высадили в большой пустой барак. На седьмой день приехало начальство выбирать рабочих, и мы остались одни. Тогда наши соотечественники (мама всю жизнь вспоминала с благодарностью семью Мемет-ага Чаган) стали просить за нас, потому что остаться в этой глуши – неминуемая гибель для нас. Кое-как уговорили и нас со всеми привезли на участок “Орехово-Яр”. Там поселили в большую пустую комнату в бараке. Мама и старшая сестра на следующий же день пошли работать. Работали на лесозаготовке. Рано утром уходили и поздно вечером возвращались. Ходили пешком – 8-12 километров. Мы, дети, целый день оставались одни в бараке. Занимались по хозяйству, старались, как могли: заготавливали дрова на зиму, пасли козочек. Все это легло на наши детские плечи. Мы рано повзрослели, играть не хватало времени, даже когда учились в школе, у нас на первом месте были домашние дела. В первый же день нашего приезда, местные жители попрятались в своих домах, так как ожидали увидеть чудовищ. Но потом, когда разглядели нас, стали общаться. Когда мы, дети, вышли на улицу поиграть, первое что мы слышали от соседского мальчика – предатели! Оскорбления были очень частые, от жильцов до директора школы. А мы, дети, даже не понимали, что это за слово. Мы и русского языка не знали толком.

В старом бараке мы прожили 5-6 лет, затем на его месте построили новый, по одной комнате, но с отдельным входом. И там мы прожили до переезда в Узбекистан 1956 года.

Мама на лесозаготовке проработала 11,5 лет, вторая сестра с 17 лет тоже пошла работать в бригаду. Заработанных денег не хватало на хлеб. Заработную плату мама делила на месяц и выходило пять рублей в день на хлеб. Это, конечно же, было мало на нашу большую семью. А весной, когда заканчивалась картошка, мы жили впроголодь. Суп наш состоял из воды, где плавал дикий лук, щавель и крапива, даже соли иногда не было. Но слава Аллаху, мы выжили. В течение первых 4-х месяцев от горя умерли бабушка и дедушка. Мама каждый месяц ходила в комендатуру расписываться. Дети, достигшие 16 лет, тоже обязаны были ходить на подписку. Так продолжалось до 1956 года.

В 1954 г., после смерти Сталина, нам дали возможность встретиться с братом. Мама с сестрой Назлы поехали в Костромскую область, где он жил с тетей. Брату уже исполнилось 18 лет. Когда они встретились на берегу реки, мама узнала сына, который стоял и плакал. Это были слезы радости, первые после депортации.

В 1955 г. брат с тетей переехали по вызову в Узбекистан, затем нам тоже разрешили переехать. И мы, в феврале 1956 года, переехав в Узбекистан, стали жить вместе.

В 1988 г. я первая вернулась в Крым. Позже перебрались все сестры – Наджие, Нурие, Лютфие и брат. У всех свои семьи и внуки. Уехали детьми, вернулись бабушками. Только наша дорогая мама и сестра Назлы навсегда остались на чужбине.

Мой адрес: Симферопольский район, село Константиновка, улица Молодежная, 24.

КИЛЬЯНОВА Алимe, родилась в 1931 г. в Гурзуфе. Отец Усеин умер в 1931г. Семья состояла из мамы Зибиде (1899-1944), сестры Айше (1919), брата Эмирсали (1924-1982) и племянницы Ление (1940-1944).

После освобождения Крыма весной брата забрали в трудармию, работать на шахте.

17 мая 1944 г. к нам домой пришли военные и расспрашивали об имуществе, сколько скотины держим и т.д. На следующий день рано утром зашли 2 военных и сказали: «По приказу Сталина вас выселяют из Крыма. 10 минут на сборы, с собой возьмите всё необходимое». Мы все растерялись, в доме одни женщины. Мама схватила Коран, ничего не понимает, бегаёт по дому. Мы с сестрой собрали кое-что из продуктов. У моего дяди было 10 детей, так его семье вообще ничего не разрешили брать, они у нас одно одеяло взяли в дорогу. Всё, что имели дома: утварь, мебель, одну корову, овец – всё оставили и вышли из дому.

Собрали всех жителей – крымских татар в центре села. До вечера продержали под охраной. Мы все думали, что нас повезут на расстрел. Полсела на машинах отвезли в Симферополь, нас же повезли в Бахчисарай, многие семье разъединили. На вокзале загрузили в товарные вагоны. Внутри были 3-х ярусные нары, сидели пригнувшись. В вагоне было очень много людей, дышать было нечем. Туалета, воды в вагоне не было. В пути только через 3-4 дня впервые открыли дверь. Все голодные, воды нет. Не помню, чтобы нас кормили, питались тем, что успели взять дома. На станциях дверь открывалась и конвой спрашивал: «Мёртвые есть?». Помню, в соседнем вагоне умерла одна бабушка, когда проезжали Саратов, ее скинули в реку Волгу. Медицинской помощи в дороге не было.

22 дня были в пути. Привезли нас в Узбекистан на станцию Хилково (Бекабад). Там одну ночь переночевали, на следующий день приехали «покупатели» на 2-х колёсных арбах из колхозов. Наша семья попала в колхоз Кутур. Поселили в одной маленькой комнате 2 семьи – 8 человек. Ежемесячно ходили на подписку к коменданту. Я в Крыму успела закончить 2 класса, учиться больше не довелось. Нас, 8-13 летних детей в школу не брали, наравне с взрослыми заставляли работать на хлопковых полях.

В 1945 г. вернулся из трудармии брат и обосновался в г. Бекабаде. Я без разрешения коменданта переехала к брату (18 км от колхоза), за это брата арестовали на 5 суток. Как-то, уже работая на заводе, опоздала на 15 минут к коменданту на подписку. Меня и одного парнишку Меджита комендант посадил на ночь в камеру со словами «посидите, поумнеете». А мы после тяжёлой работы, голодные. Сидим, плачем, ведь дети ещё. Так просидели до утра. Брат меня разыскал, нас освободили.

В нашей семье первой заболела дизентерией и умерла мама, затем маленькая племянница.

В 1968 г. возвратилась с семьей в родной Крым.

Проживаю в Ленинском районе, с. Красногорка, ул. Школьная, 27.

Керимова Кафие, родилась 13 сентября 1923 г. в деревне Кирлеут. В 1941 г. я окончила в Ялте педучилище им. Н. Крупской. Во время войны работала учительницей в деревне Кирлеут.

18 мая 1944 года нас: бабушку, маму, меня и двух сестренок погрузили в автомашину и депортировали из г. Евпатория. Нас погрузили в вагоны для лошадей. За 15 суток пути мы все завшивели. Мертвых хоронили по дороге.

Нас привезли в Узбекистан, на станцию Горчаков Ферганской области. Там нас обыскали и потом распределили по районам. Мы попали в Куйбышевский район. Оттуда нас отправили в колхоз. За год остались 30% людей, остальные умерли от малярии, голода и дизентерии. Была нехватка питания. У нас по соседству жила семья из 8 человек. За 3 месяца все умерли. Когда заболела мама, я её отвезла в Коканд в военный госпиталь. Там её оперировали, но она умерла. Бабушка умерла от сердечного приступа. Хотя у меня был диплом учительницы, мне нигде не давали работу. Комендант хотел, чтобы я шпионила за нашими, но я отказалась.

В 1945 г. я окончила курсы бухгалтеров и работала по специальности. Мои сестрёнки учились в школе на узбекском языке.

Проживаю в г. Бахчисарае, 6-й микрорайон, уч. 236.

Куртвелиева Зейнеб, родилась в 1935 году в дер. Бахчи-Эли Къарасувбазарского района.

Отца весной 1944 г. забрали в трудармию. Нас у матери было трое детей: я, братишка 1939 г.р. и сестренка 8 месяцев.

18 мая 1944 года рано утром, когда мы еще спали, в дом зашли советские солдаты и крикнули: “Вставайте, будем вас выселять. На сборы даем 15 минут”. Мама не успела ничего взять, только запеленала сестричку.

Нас, всех жителей – крымских татар собрали в один большой сарай и продержали там одни сутки. Утром рано приехали автомашины, нас погрузили в них и привезли на станцию Сейтлер. Там всех закидали в скотские вагоны. Я не помню, сколько суток мы ехали. Когда поезд останавливался на станциях, в маленькие окошечки вагона с улицы бросали какой-то порошок и мама нам закрывала носы, чтобы мы не дышали этим порошком. Многие умирали, мертвых выбрасывали из вагонов. В грязных вагонах люди завшивели – это было ужасно.

Наш эшелон прибыл в Молотовскую область, ст. Менделеево. Там нас высадили, было очень холодно. Нас перевезли на пристань Березники, погрузили на баржу и мы сутки плыли по реке. На какой-то пристани нас пересадили в другую баржу и от сильной перегрузки, не доплыв до берега, она начала тонуть. Началась паника, давка. Перекинули доски и по ним добрались до берега. Старые люди не выдерживали, давили друг друга и умирали у нас на глазах. Никто нам помощи не оказывал.. Шел снег с дождем. Голодные, холодные... От берега нас погнали в глубь леса. Мы шли около десяти километров через лес. Дошли до села Салым. Там нас поселили в бараки. Началась эпидемия тифа. Людей постригли наголо. В этом селе нас продержали 5 суток, затем посадили в моторные лодки и мы прибыли в пос. Кордон. На следующий день нас погрузили на брички и привезли на конечную станцию – в

село Сосновку Косинского района. Очень много умирало стариков и детей. Сестричка умерла в возрасте 3 лет от голода и болезни (от нехватки витаминов у нее развился рахит). А нас, двоих детей, мама чудом спасла, мы ели крапиву, лебеду, картофельные очистки. В Сосновке прожили 4 года, потом нас нашел отец и вызвал в Тульскую область. Отец работал шахтером. Мы переехали к нему. Нашлись наши родственники в Кашкадарьинской области Узбекистана, мы переехали к ним.

В 1978 г. мы решили вернуться на родину. Переехали в с. Вишенное Белогорского района. Жили до 1981 г. без прописки. Родители с братом были высланы из с. Туровка, дом же совхоз забрал под склад. Нам не давали спокойной жизни – постоянные угрозы, отрезали свет, не брали на работу. И мы вынуждены были выехать за пределы дорогого Крыма. Поселились в с. Счастливец Генического района Херсонской области, где и по сей день проживаем.

Куртумеров Нериман Абибуллаевич, родился 28 июля 1935 гор. в гор. Феодосия.

Нас было трое детей: старший брат Ваит (1930 г. р.), сестра Урхие (1933 г.р.) и я. Отец – Абибулла Куртумеров, директор Крымторга, находился на фронте, а мачеха Зоре Бекирова (певица крымскотатарского театра), уехала за нашими вещами в деревню Чалпан, где мы, дети, временно находились у дяди, председателя колхоза Мамут-ага Куртумерова, спасаясь от бомбежки.

Ранним утром, когда город еще спал, в наш дом постучали советские солдаты. “Собирайтесь, – говорят, – поедem кататься далеко-далеко”. Я, не понимая в чем дело, обрадовался. Сказали: “Берите кушать побольше, пригодится”. А один из солдат стал нам помогать, все съестное сложил, вещи упаковал. Он не был похож на остальных, это я понял позже, и что он чувствовал в эти минуты – не знаю. Но в моей детской памяти он запомнился как добрый человек. Надеюсь, он действительно им был, потому что, зная, куда нас отправляют и кто мы теперь для всех остальных, пытался хоть чем-то помочь.

На сборы ушло минут двадцать. Мы взяли примерно 10-15 килограмм груза. Во дворе стояла серая лошадка, запряженная в маленькую бричку с кучером-цыганом. Я еще порадовался – мы едем кататься. Когда приехали на железную дорогу, там было уже много людей, стояли грузовые вагоны и со всех сторон раздавались стоны и плач. Я и сейчас не могу все это выразить словами.

В вагоны нас грузили, как животных. Поместили нас на второй ярус, легли бочком, так как мест было очень мало. Люди плакали, стоял ужасный стон, рыдания, крики... Большой вагон в два или три яруса, с проходом приблизительно в два метра вмещал не менее 100 человек.

В дороге нас ничем не кормили, каждый, как мог, добывал себе пищу. Помню такой случай: кто-то быстро решил испечь лепешку на сковороде, когда стоял поезд. Неожиданно дали команду: “По вагонам!”. Человек не успел убрать сковороду и солдат с силой ударил ногой, полетела и сковорода и лепешка.

Ни о каком медицинском обслуживании не было и речи. Как поступали в дороге с умершими не помню. “Катались” мы очень долго – более 30 дней. Привезли нас в Кострому, станцию Нея. Там поместили в бараки и на бричках развозили по лесу. Нас увезли за 70 километров, в деревню Тетянитца (если не ошибаюсь). Привычных для меня дорог не было, бричка двигалась по бревнам. Когда мы подъезжали к какой-нибудь деревне, кучер говорил:

“Накройте одеялами с головой!”. В нас бросали камнями, картофелинами... Теперь я знаю, что тех людей власти уже подготовили к встрече с нами, “объяснили” им, кто мы такие и почему нас привезли в их края.

В Костромской области умерли дедушка, бабушка, тетя, ее дочь (всех не помню). Жили мы в сыром, низком и тесном старом бараке. Детей старше двенадцати лет, тоже отправляли работать на лесоповал. На второй год пребывания здесь, отец нашел нас и забрал в Узбекистан. Нас троих отправили через Кострому в Москву. Здесь мечтал побывать каждый мальчишка, но не так, как мы. Семь дней мы провели на Казанском вокзале, и, наконец, добрались до станции Келес в Узбекистане.

В школу я пошел переростком, так как в Костромской области крымских татар в школу не принимали. До 1951 г. отец работал в совхозе № 11 на станции Келес, в том же году, 18 ноября – новая ссылка, в еще более тяжкие условия. Крымских татар погрузили на машины, в каждой – солдат с автоматом. Везли на луб.заводы, где работали тюремщики и переселенцы. Ночью нас выгрузили где попало. Нашу семью поместили в сарае, пошел дождь, сарай протекал. Хорошо, что у нас нашелся большой брезент, который и спас нас. Это была вторая депортация!

Сейчас проживаю в Сакском районе, село Крымское, улица Винницкая, 1/3.

Мамбетшаева Асие, родилась в 1920 г. в селе Арпач Ленинского района. В семье было 6 человек.

18 мая 1944 года ночью пришли солдаты и сказали, что надо собираться. На сборы дали 15 минут. Побоялись взять много вещей, взяли только необходимое. Сопровождали солдаты с автоматами.

Вагоны были грязные, людей грузили как скот. Никаких удобств не было. Людей было полно, количество не помню. Ни туалета, ни воды не было. В пути не кормили, люди сами делились друг с другом едой. Медобслуживания не было. Умерших оставляли на дорогах, даже хоронить не разрешали. Сколько суток были в пути, не помню.

Местом депортации стала ст.Джума Пастдаргомского района Самаркандской области. Свободное переселение не разрешалось. Встретили никак. Люди целую неделю жили в урючном саду. Потом распределили по пустым домам, поселяли кому-нибудь, или выделяли один дом на несколько семей. Кормили жмыхом. Для строительства своего дома ничего нам не выделялось. Работали на кожзаводе и на военном заводе грузчиками, также формовали кирпичи.

У мамы умерли двое братишек и двое детей. Обучались на узбекском и русском языках.

Ныне проживаю в Первомайском районе, с. Правда, ул. Садовая, д. 37.

(Со слов матери записала дочь Узбекова Алимэ Умеровна).

Мамедов Абдурахман, родился в 1936 году в дер. Къоз Судакского района. Отца звали Сеитмамут, маму Эмине, сестер – Зейнеб и Асие с сыном Эшрефом. Муж сестры погиб на фронте. Старший брат Абдурешит был в трудармии, работал в гор. Куйбышев.

17 мая 1944 года я пас коров и вечером, уставший, прилег возле очага и заснул. Наутро 18 мая проснулся от того, что почувствовал, как горит рукав пальто. Увидел, что зашли два солдата и звали отца, у обоих на плечах висели автоматы. Один из них знал наш язык и объяснил, что весь народ выселяют из Крыма и посоветовал взять с собой самое ценное. На сборы дали 15 минут и разрешили взять 40 кг груза. Отец разбудил всех нас, и мы в спешке начали собираться. При посадке в машины, большую часть вещей солдаты выкидывали обратно. Когда вывозили из села, вслед за нами бежала наша собака. Она все выла и как будто плакала. Отец приказал: “Олды, Юлбарс” («*Хватит, Юлбарс!*»), собака остановилась и громко-громко завывала.

В сопровождении вооруженных солдат нас привезли на ст. Феодосия и погрузили в товарные вагоны. Не знаю, сколько людей было в нашем вагоне, но передвигаться мы не могли. Питались чем придется. Когда эшелон останавливался, наспех разжигали костры и варили пищу, но котелки даже не успевали закипеть, когда раздавалась команда: “По вагонам!”, все хватали котелки и бежали на свои места. Сколько дней были в пути – точно не скажу, приблизительно около месяца. Привезли нас в Узбекистан, Самаркандскую область, станцию Каттакурбан. Оттуда распределили по колхозам. На колхозные арбы посадили стариков, а кто посильнее, шел пешком 27 километров. Привезли нас в колхоз им. Ахунбабаева. Распределили по домам, в одном домике жили по несколько семей. Местный климат для нас оказался очень жарким, нас все время мучила жажда, пили мутную воду из арыков. Началась эпидемия малярии и тифа. Умирали семьями, не успевали хоронить. Отец по приезду тяжело заболел и умер, за ним умерли многие наши родственники.

Сестры работали на полях. Колхоз выделял кое-какие продукты. В возрасте 27 лет умерла сестра Асие. Она шла на работу с цапкой, по дороге увидела абрикосовое дерево и захотела поесть. Залезла на дерево, это увидел управляющий и начал кричать с угрозами, что она не имеет право и т.д. От испуга сестра срывается с дерева, падает на цапку и, промучавшись несколько дней, умирает. От тоски и горя вслед за сестрой умерла мама. Это случилось в 1945 г.. Помню, как перед смертью мать очень захотела борща и попросила нас его сварить. Мы с сестрой прошли 8 километров, чтобы найти капусту у родственников. Вслед за мамой умер от дизентерии маленький племянник Эшреф. Сестра Зейнеб вышла замуж за узбека. Так я остался сиротой. Пришлось зарабатывать на жизнь. Жил как мог: пас барашек в возрасте 12 лет, спал в камышах, под сараями. Об учебе и речь не шла. После службы в армии женился на сироте Зекие. Жили в с. Кичикминг, своими силами выстроили дом. Прожили там 32 года, вырастили шестерых детей.

Сейчас живу в Ленинском районе, село Луговое, по улице Луговская, 69.

Мамедова (Хасанова) Зекие, родилась в 1938 году в дер. Таракъташ Судакского района.

Наша большая семья состояла из мамы Эсма, отца Сулеймана и нас, 8 детей. Незадолго до освобождения Крыма, отца расстреляли немцы.

Мне было шесть лет, поэтому сама помню мало, но из многочисленных рассказов матери знаю о следующем.

18 мая 1944 года рано утром в дом вошли вооруженные солдаты и сообщили, что нас всех выселяют из Крыма... Привезли нас в Феодосию, на ж/д станцию. Загрузили в скотские вагоны...

Попали мы в Мархаматский район Андижанской области Узбекской ССР. Местное население встретило нас враждебно, не давали выходить во двор, издевались и оскорбляли нас на каждом шагу. Поселили нас в заброшенном сарае, где пол и потолок был выстлан камышом. Самой младшей сестре Хатидже было два годика. Мама собирала траву или дрова и обменивала их на кусок лепешки. В сарайчике, где мы жили, было очень холодно, когда шел снег, летел на наши головы, мы сидели, укрывшись тоненьким одеялом. Заболела сестренка Хатидже, всё просила спечь ей чебуреки. Мама попросила обувь у соседей и по снегу в холод пошла обменивать косынку на горстку муки. Когда вернулась "домой", дочь уже была мертва. Она умерла на моих руках. Вслед за ней умерла и сестренка Ваде, ей было четыре годика. Чтобы выжить, мама занималась разной работой, не жалея себя.

Там мы прожили 15 лет. Когда разрешили переезжать в другие места, нас отыскивали родственники и забрали в Самаркандскую область. Не прожив и года, мама умерла. Меня приютила семья дяди Бекира. Образование не получила, работала в колхозе. Спустя некоторое время вышла замуж за такого же сироту, как и я. С мужем Абдурахманом мы жили в колхозе Кичикминг. Построили дом, вырастили 6-х детей. Работали в колхозе.

На родину, в Крым, вернулись всей семьей в 1992 г.

Живу в Ленинском районе, село Луговое, по улице Луговская, 69.

Мамедова (Сеиталиева) Лейля, родилась 9 мая 1939 г. в деревне Багатыр Куйбышевского района Крымской АССР. На момент депортации семья состояла из девяти человек: отец Сеит-Али Сеитджелиль, мать Велиева Махбубе, братья Сеитумер (1922), Сеитариф (1928), сестры Эсма (1925), Урие (1927), Лютфие (1939), я, Зоре (1941) и Шефиха (1944.). Старший брат погиб на фронте.

18 мая 1944 года утром мой отец встал рано и, взяв свою почтальонскую сумку, вышел во двор, чтобы пойти на мельницу за мукой. Как только он вышел из дома, вдруг очутился в окружении вооружённых солдат. Солдаты ворвались в дом и сию же минуту приказали покинуть его. Мама в растерянности и в ужасе подняла нас с постели и вывела на улицу. Мы все плакали, нам хотелось спать. И только тогда солдаты сказали, что нас выселяют из Крыма. Отец спросил, что же происходит. Солдаты сказали ему, что если ещё раз заикнётся, то его тут же расстреляют. Мама взяла одно цинковое ведро, которое стояло на улице. Вот так без ничего, без питания, без одежды и средств существования нас, голых, босых детей и родителей, под дулами автоматов погнали в центр деревни, где стояла мечеть.

Хотя мне едва исполнилось 5 лет, я никогда не забуду, как плакали мои родители, наши соседи. Около мечети стояли заранее подготовленные машины. Оттуда нас отвезли на станцию Сюрень. Погрузили в переполненные вагоны. Ни воды, ни туалета в вагонах не было. Нужду справляли на остановках. Один раз в день давали какую-то баланду.

Нас привезли в г. Чебоксары Чувашской АССР. Потом посадили на баржи и по реке Волге куда-то стали отвозить. Нас выгрузили на берегу Ветлуги. Пройдя 7 км., мы очутились в Марийской АССР. Местные люди встретили нас недоброжелательно. Сначала они думали, что мы людоеды с рогами и глазами на лбу. Так до нашего приезда нас описали власти.

Потом сами увидели, что мы нормальные люди. Жили в гараже, где была только крыша, а стен не было. К зиме людей расселили по баракам в тайге. В 1945 г. от воспаления легких скончался отец. Сестра работала на лесоповале. До 1948 г. было очень трудно, мы постоянно голодали. Стоял строгий комендантский режим. Сестре давали 500 гр хлеба на сутки, была карточная система.

В 1954 г. я поступила в училище. В 1958 г. мы уехали в Узбекистан. Нас провожала вся деревня.

Проживаю в Бахчисарайском районе, с. Долинное,

ул. Ленина, 26, кв. 220.

Мамутова Асие Муимджи, родилась в 1926 году в гор. Бахчисарай. Семья состояла из 8 человек: отец (64 года), мать, мы – 3 сестры, и старшая сестра с двумя малышами. Муж сестры воевал в рядах Советской армии.

17 мая 1944 года в нашем доме остановился советский офицер (видимо, наш дом ему очень понравился) и попросил ключ от одной из комнат. Попросил, чтобы никто в комнату не заходил, так как он будет работать всю ночь. Мы спокойно легли спать, ничего не подозревая. А рано утром офицер нас разбудил и приказал: “Ножи, ножницы, серебро, золото – всё положите на стол”. Отец всё собрал и положил перед ним. Потом приказал быстро выйти из дома и повел нашу семью на место сбора. От неожиданности мы ничего не поняли, кое-как оделись. Со сборного пункта на машинах нас повезли на вокзал и погрузили в скотские вонючие вагоны. В вагоне не то, что лежать, сидеть было тесно. Двери вагонов закрывали снаружи вооруженные солдаты, открывали лишь иногда на остановках. В пути нас ни разу не кормили, никакого медицинского обслуживания не было. Умерших оставляли во время остановок прямо на земле.

Наш эшелон прибыл в гор. Волжск Марийской АССР на десятый день пути. Все время нас сопровождали вооруженные солдаты. Разгрузили нас всех в клубе города. Начали расселять в деревянные бараки, по 5-7 семей в одну комнату. За пределы района выезжать не разрешали, за нарушение комендантского режима каралось 25 годами каторги. Город Казань был от нас в 59 км – мы долго не могли туда попасть.

В городе имелся большой бумажный комбинат, где мы почти все трудились. Крымские татары, даже с высшим образованием, как и моя сестра с неоконченным высшим образованием, работали на лесном участке: таскали плашки или ловили баграми бревна в реке. Морозы были 35-40 градусов, люди раздетые, без теплой одежды.

Дети в основном не учились, не было одежды ходить в школу, а если учились – только на русском языке.

Сейчас проживаю в городе Волжск, Республики Марий-Эл, ул. Гагарина 12/51.

МЕМЕТОВА Розиле Халилевна, родилась 19 августа 1936 года в городе Ялта.

Во время высылки нас было трое: мама, я и трехлетняя сестренка. Отец воевал на фронте. Мы жили в деревне Корбек Алуштинского района.

18 мая 1944 года рано утром сильно постучали в дверь. Когда мама открыла, вошли трое вооруженных солдат и один из них начал кричать: “Вы предатели, вас высылают из Крыма. Собирайтесь быстрее и выходите из дома”. Мама стала плакать и кричать: “Какая я предательница! Вот, расстреляйте! Фашисты убили отца, а вы расстреляйте меня и детей!” Военные ушли к соседям со словами: “Ничего не берите, все равно по дороге бросите!”

Я посадила на спину сестренку, а в руки взяла никелированный чайник. Не успела мама собрать нас, как вернулись солдаты и стали нас выгонять из дома. Один из них ударил прикладом маму и вытолкнул из дверей. Всех жителей деревни собрали у местечка Айлянма, где продержали весь день. Люди ничего не понимали, спрашивали друг друга о то, что происходит. Плач людей, вой собак, мычание скотины – разве можно забыть весь этот ужас...

К вечеру подъехали грузовые машины, нас всех загрузили и повезли на железнодорожную станцию Симферополя. Там погрузили в скотские вагоны по 60-70 человек в каждый. Было очень тесно, лечь было негде, сидели на своих узелках. Не помню, сколько ехали, только в памяти осталось, как дети плакали, а пожилые люди молились богу. Ни воды, ни туалета не было. В пути многие отставали от поезда, побежав за водой или в туалет. Сколько раз и чем кормили, не помню, кажется, давали баланду.

В пути нас часто оскорбляли работники станций и пассажиры. Кидали в нас камни, один из таких камней попал в ухо моей маленькой сестры.

Люди завшивели, болели. Умерших хоронить было некогда, да и негде, их оставляли на обочине. Когда сестренка заболела ветряной оспой, нас перевели в последний вагон поезда.

Привезли нас в гор. Бекабад Узбекской ССР. Поселили в длинных, сырых землянках. В одной землянке жили около 100 человек. Жара и голод, невыносимые нечеловеческие условия подкашивали людей. Умирили семьями, на нарах трупы лежали несколько дней. Однажды, в одной из землянок я увидела умерших из одной семьи, сколько их было, не помню, только один маленький ребенок копошился среди них. Что с ним стало, не знаю, только эта страшная картина до сих пор у меня перед глазами. Хоронить было некому, все были истощенные и больные.

Нам повезло, мама по профессии была педагогом, и ей дали работу в школе Фархадстроля. Мы переехали туда. Учителям выдавали паек, и я каждый день в столовой получала обед, который бережно несла в никелированном чайнике.

В 1945 г. нас опять погрузили в вагоны и повезли в Таджикистан. Около вокзала, где нас собрали, был небольшой сквер из акации. Мамина тетя Алиме, пожилая женщина, держала на руках умирающую 4-х летнюю внучку. Вскоре она умерла, мама побежала в аптеку, купила несколько метров марли, чтобы завернуть ребенка. Попросили мужчину и он быстро, пока не тронулся поезд, вырыл небольшую ямку под акацией, где наспех похоронили девочку.

Привезли нас в Кагановичабадский район. “Это Вахшская долина, долина смерти, отсюда никуда не убежите” - так говорили работники комендатуры. Нас, несколько семей, поселили в колхозном клубе. Мама, как и другие, работала на прополке хлопка. Ей бригадир дал самый большой кетмень, который она не могла даже поднять. Я свидетель того, как один

бригадир на лошади камчой захлестал до смерти мальчика 10-12 лет. Бригадир остался ненаказанным, словно он не человека убил, а букашку.

Мама ходила в районо просить работу по специальности, и ей поручили организовать детский дом для детей-сирот. Шла зима и картина была жуткая. Собрали детей в одном из классов школы: они лежали прямо на полу полуживые, больные, истощенные, полуодетые, похожие на скелеты. Маме стало плохо, и заврайоно вывел ее во двор.

Гонения со стороны комендатуры были ужасными, издевались, как хотели. Они изъяли из районо и уничтожили мамины документы, так она осталась без трудовой книжки. Там, куда она обращалась, отвечали, что спецпереселенцы не имеют права держать у себя документы. В общем, обращались как с рабочей скотиной: хотели - били, хотели - убивали, не отвечая ни перед кем за содеянное.

Ежемесячно мы ходили в комендатуру отмечаться. Люди не имели право сходить в соседний колхоз к родственникам без разрешения коменданта. Не имели права везти больного на лечение в другой город без пропуска коменданта, а часто пока получали пропуск, было уже поздно.

В 1947 г. мама рискнула, не побоявшись 20 лет каторги за побег, и мы бежали из Таджикистана в Узбекистан, в Булунгурский район Самаркандской области. Здесь мама работала в детдоме, но в 1948 г. всех спецпереселенцев уволили с педагогической работы, ссылаясь на то, что депортированным нельзя заниматься идеологической работой. Послали работать рабочей в совхоз.

От болезней и смерти нас спасло то, что мама запрещала употреблять сырую воду, вместо нее мы пили раствор марганцево-кислого калия, поэтому мы переболели только малярией. Бог миловал нашу семью, а вот дедушка (мамин отец), попал со снохой в Булунгурский район и оба умерли от дизентерии. Из 7 детей около него никого не было: сыновья воевали на фронте, а дочери попали в другие места. Хоронили его чужие люди.

В 1951 г. окончив 7 классов, я поступила в Самаркандский медтехникум, затем училась и работала в Самаркандском университете. Сестренка окончила 10 классов и поступила в Ташкентский политехнический институт. Поступать было трудно, в первую очередь брали местных, но мы, благодаря знаниям и стараниям, получили образование. В школе и институте учились на русском языке.

Мой адрес: г. Евпатория, ул. Пестеля, дом 20, кв. 3.

Меметова (Абибуллаева) Сайде, родилась в деревне Тюб-Кенегез. В школе учились по латинской графике. Семью нашу выселяли с Джанкойской станции. В пути были 22 дня. Привезли нас на станцию Кармана Бухарской области. Поселили в лагере для заключенных. 3 семьи в одной комнате. Кормили один раз в день. Каждый день умирали по 2-3 человека. Началась холера. Местные нас боялись, им сказали, что едут людоеды. В нашей семье из шести человек трое умерли. Потом нас переместили в шестое отделение. Людей гоняли работать на полях. В сутки рабочему давали по 500 грамм хлеба.

Меметова Субие, родилась 1 ноября 1934 г. в деревне Улу-Узень (Генеральское) Ялтинского района. В семье у родителей было 8 детей. Отца звали Мемет Умер Али, мать Меметова Фадьме.

В 1943 г. немцы сожгли нашу деревню, из-за того, что население помогало партизанам. Дали людям 2-3 дня срок, чтобы они освободили дома, а потом облили бензином и сожгли их. Мы переселились в деревню Кучюк-Узень. В апреле 1944 г. мы вернулись в родную деревню и жили там в шалаше.

18 мая 1944 года в день депортации дали нам на сборы 10-15 минут. Собрали женщин, детей и стариков среди развалин. Со всех сторон стояли солдаты с автоматами. Охраняли нас до позднего вечера, чтобы пойти к роднику за водой, нужно было взять разрешение у часовых. Ночью погрузили на грузовые машины и повезли на станцию. Все плакали, никто не знал, куда нас везут.

Ехали мы долго. Полуголодные и грязные. В пути к местам депортации медобслуживания не было. У нас из еды был фасоль, но на станциях мы не успевали его сварить. Привезли в Узбекистан, на станцию Красногвардейская Самаркандской области. Оттуда людей повезли в совхоз «Булунгур» и поместили в каком-то здании. Зимой переселили в старые квартиры – в одну комнату по 2-3 семьи. Рабочим совхоз давал 400 гр. хлеба, а иждивенцам по 200 гр. в сутки. Сосед узбек дал нам ячмень, который мы посеяли и потом получали от него урожай. Ячменевого лепёшки казались нам мёдом. Очень часто болели малярией. В 11 лет я первая в семье пошла учиться в 1 класс русской школы. Старшие сёстры, брат так и остались безграмотными. В 1953 г. я была зачислена на учётное отделение кооперативного техникума. После смерти Сталина нас освободили от подписей в комендатурах. Во время учёбы познакомилась с парнем Асановым и в 1956 г. мы поженились.

Проживаю в Красногвардейском районе, село Тракторное, ул. Ленина, 31-а.

Меметова Шекуре. Тогда мне было 16 лет, я жила в Евпатории. Когда в город вошли наши войска мы облегченно вздохнули, думали, что, наконец-то будем спать спокойно, но мы ошиблись. 16 мая 1944 г. к нам домой пришли люди и начали делать опись имущества. Нам толком ничего не объяснили, но мы никак не подумали про плохое, а через два дня в 3 часа ночи один офицер и два солдата (это они делали опись в нашем доме) перелезли через забор и пинками и прикладами начали стучать в дверь дома. В нашей семье было шесть человек: отец без правой руки, инвалид труда первой группы, мать инвалид третьей группы по зрению, сестра, я, братишка 8-летний и самая младшая сестренка 1,5 годика. Нам дали 15 минут на сборы, но с собой брать ничего не разрешили, забрали ключи, заперли дверь и выгнали на улицу.

Никто ничего не понимал, все были в шоке, дети плакали, а взрослые думали, что нас везут на расстрел. Нас повезли на товарный вокзал, а у вагонов стояли военные с автоматами и овчарками. Эшелон, где ехали евпаторийцы, уже ушел, мы опоздали. Нас погрузили в эшелон, где ехали люди из деревень, совершенно незнакомые люди и нас, городских, несколько семей. Эшелон состоял из 60 вагонов. Вагоны были грязные, мокрые, вонючие, потому что в них возили скотину. В этот день шел сильный дождь, плакали не только люди, но и погода. В вагоны набили столько людей, что не только лежать, даже сидеть негде было. И вот так мы ехали 15 дней.

Не было никаких врачей, нас не кормили, издевались, как могли. То, что пишут в архивных документах, что в вагонах были врачи и трехразовое питание давали – это все враньё. Нас привезли в колхоз им. Ленина Багдадского района Ферганской области. Местные жители ждали нас с кирками и лопатами, т.к. им сказали, что едут убийцы и предатели, но когда они нас увидели, успокоились. С вагонов выходили еле живые старики и дети. Было очень жарко, люди умирали от голода. Плюс ко всему над нами ещё издевались коменданты, которые были к нам приставлены. Из колхоза в район нельзя было ходить. За это сажали в тюрьму на 25 лет. Наш отец этого не пережил и через 4 месяца умер в возрасте 52 года. Остались мама и нас 4 детей. В начале 1945 г. чудом удалось переехать в город Чирчик (родственники прислали вызов). В городе немного стало легче (в колхозе нам было очень тяжело), мы с сестрой работали в военизированных заводах и по 10-15 часов в сутки стояли у станка. До 1956 г. каждые 15 дней после 10 часов вечера ходили отмечаться у коменданта. Почти до утра стояли в очереди, с детьми, под снегом, чтобы только отметиться. А утром, голодные и замерзшие, шли на работу.

Проживаю в г. Евпатория, ул. Тимирязева 3, кв. 7.

Меметова Эмине, родилась в 1936 г. в селе Тувак Алуштинского района. В семье было пять человек: отец Меметов Рамазан (1914), мама Эдие (1918), я, сестра Айше (1938), братишка Султан (1942).

О высылке заранее ничего не знали. 18 мая 1944 года в 4 часа утра под стук автоматов нас разбудили и сообщили о высылке. Сказали: «Собирайтесь быстро, вас всех татар выселяют из Крыма, на один день берите с собой покушать и больше ничего».

Наша семья в этот день гостила у бабушки и дедушки в деревне Немецкий Кырк Джанкойского района. Оттуда нас сопроводили солдаты с автоматами в руках до станции Джанкой. Вагоны были товарные. Всех как заключённых грузили по вагонам, дети плачут. Солдаты с автоматами в руках торопят.

В вагонах даже элементарных человеческих условий не было. В каждом из них было по 50-60 семей, где-то 100-120 человек. Это были одни дети, старики и женщины. Ни туалета, ни воды в вагонах не было. На станциях иногда давали немного супа. В основном люди голодали. Две мои сестренки умерли в пути от голода. В пути были 18 дней. Привезли нас в Узбекистан, колхоз «Гайрат» Уйчинского района Наманганской области. У нас был комендантский режим. Мы не имели право выйти за пределы колхоза. Раз в неделю ходили в Уйчи на подпись.

Встретили нас плохо, так как местных информировали, что едут людоеды. Нас поселили в большие комнаты типа общежития, по несколько семей. На земле была расстелена солома, на ней мы и спали. На постройку домов ничего не выделяли. Мы работали в колхозе. С самого утра допоздна собирали хлопок. Дети учились в школе на узбекском языке. С 1956 г. было разрешено учиться в техникумах и высших учебных заведениях.

Живу в Краснопереконском районе, с. Долинка, ул. Первомайская, 41.

Михалева Гульсум Алиевна, родилась 9 мая 1927 г. и проживала в гор. Симферополе по ул. Татарской, дом 41 (ныне Футболистов, 71).

В момент депортации семья была в следующем составе: отец Али Шагингиреевич Михалев (1899 г. р.), уроженец села Петровка Генического района Таврической губернии, мать Афифе Абдуловна Тынчерова (1901 г.р.), я, брат Энвер (1928 г.р.), сестры: Гульнар (1931 г.р.), Эмине (1937 г.р.) и Эльвира (1941 г.р.). Всего семь человек.

Старший брат Ибн-Амин Алиевич Михалев, 1922 г.р., воевал на фронте: служил матросом на торпедных катерах Черноморского флота, участвовал в обороне Севастополя, Керчи и Новороссийска. Окончил войну старшиной первой статьи на Тихоокеанском флоте, откуда демобилизовался в 1947 г. и был препровожден в гор. Самарканд, где находилась в депортации семья. Тут же был взят на комендантский учет. Имеет около 20 боевых наград. Умер в 2002 г. в гор. Новороссийске.

О депортации семья узнала 18 мая 1944 г., когда в 4 часа утра в дом ворвались майор и два солдата Советской армии с автоматами в руках и объявили, что нас выселяют за пределы Крыма за измену Родине. На сборы не дали времени, да и мать ничего не смогла собрать. Отец болел и ничем не мог ей помочь. Мы оделись наспех, взяли немного продуктов. Под дулами автоматов семью вывели во двор и поставили с охраной у ворот.

Под охраной нас повезли на вокзал, где погрузили в скотские вагоны, битком набитые уже прибывшими до нас крымскими татарами. Вокзал был оцеплен рядом солдат, вооруженных автоматами. Овчарок держали на привязи.

В пути следования еду приносили на больших станциях, давали ограниченное количество хлеба и ведро супа-баланды. Воду на станциях набирали сами.

Никакого медицинского обслуживания не было. В дороге люди вшивели. В нашем вагоне никто не умер, а умерших в других вагонах выбрасывали на ходу.

Ехали две недели. 1 июня 1944 г. нас выгрузили на станции Новая Ляля Свердловской области и на мотовозе отвезли в 59-й квартал Новолялинского леспромхоза. Разместили в бараках. На второй день после прибытия, большую часть людей под охраной солдата Емангулова, повели на работу в лес, где рубили деревья и разделявали их на 6,5 м. Деревья поменьше распиливали и складывали в штабеля. Норма была высокая, питание плохое, поэтому редко кто выполнял норму. Не выполнивших норму лишали хлебного пайка...

Начальником Мехлесопункта на 59-м квартале был Паромов, который обращался с крымскими татарами, как фашист, а медицинская сестра, безжалостно выгоняла на работу даже больных, не давая освобождения.

На Урале мы прожили два года. В августе 1948 г. служивший во флоте брат нас разыскал и получил разрешение на переезд семьи в Узбекистан, где мы поселились в гор. Самарканде, в бывшем байском караван-сараяе, где он содержал ишаков.

Первое время никто не работал: я и сестра Гульнар тяжело болели малярией, на лечение денег не было, питание плохое. Жили на скудные средства, которые мама вырочала, продавая кое-какие вещи. Папа устроился на работу в сапожную мастерскую, мать не работала. Мы с сестрой устроились на работу, я – секретарем-машинисткой в райздравотдел, она – рабочей на фабрику Худжум. Мизерная зарплата всех троих едва хватала на скудное пропитание. Отец заболел туберкулезом, от него заразился брат Энвер. А мама от вечного недоедания заболела авитаминозом и умерла от пеллагры. Похоронена в Самарканде, в 1958 г. Отец умер в 1972 г., брат Энвер – в 2000г.

Передвижение за пределы города Самарканда было запрещено, о чем была сделана отметка в “волчьем” паспорте – виде на жительство. Комендант Джадалов не разрешил матери выехать даже на похороны в Душанбе, где от голода умерли ее брат Усеин Тынчеров и новорожденный ребенок.

Местные жители на Урале встречали нас как предателей, так как их заранее проинформировали, что везут изменников Родины. Местные жители в Узбекистане относились к нам по-разному: были и те, которые опасались нас, а были и те, которые делили с нами свой хлеб и соль, особенно в первые годы депортации.

Работая в райздравотделе, я одновременно училась в вечерней школе, окончив которую поступила на исторический факультет Самаркандского пединститута. Поступить в институт мне удалось потому, что выручила фамилия – Михалева. Я сдала на “отлично” все экзамены и в 1955 г. с отличием окончила ВУЗ. Высшее образование получила и моя сестра Эмине, поступив в университет на филологическое отделение.

После снятия комендантского режима в 1957 г. я поступила в аспирантуру Академии наук Узбекистана и в 1960 г. с отличием защитила кандидатскую диссертацию. Защитить докторскую мне не дали, так как наш директор Ахунова ненавидела крымских татар и всячески старалась избавиться от них. Я принимала активное участие в Национальном движении крымских татар. Находилась под постоянным присмотром КГБ.

Младшие сестры учились в школе на русском языке, так как татарских школ не было, да и говорить на крымскотатарском языке кое-где даже запрещали. Выписывали газету “Ленин байрагы”, чтобы читать на своем языке и не забыть, что мы – крымские татары.

В 1994 году вернулась на свою Родину – в Крым.

(Гульсум Михалева умерла в Симферополе в 2006 году)

Муждабаева Зелиха, родилась 22 ноября 1927 г. в селе Албат Куйбышевского района. Когда нас депортировали, мне было 16 лет. В то время я жила с матерью, отца не было в живых. В 1937 г. нас раскулачили и выслали в Сибирь. Отец там и умер. Кроме того, у меня было трое братьев. Во время депортации они служили в Красной армии.

17 мая 1944 г. вечером к нам зашла соседка и сказала, что в хозяйственном дворе стоят много грузовых машин, на которых завтра нас должны будут выселять. Так и случилось. Рано утром к нам зашёл офицер и сказал, чтобы мы собирались, нас выселяют в Среднюю Азию. Мать была больна и мы ничего не смогли взять с собой, а идти было далеко. Нам дали двухколесную тележку, я посадила туда маму и везла её к сборному пункту. По дороге нас сопровождали два солдата с оружием. В сборном пункте нас погрузили в грузовые машины и повезли к ближайшей железнодорожной станции Буюк-Сюрень. Вскоре мы пересели на поезд. Нас поместили в товарные вагоны для скота. В одном было несколько семей и так 18 суток - с 18 мая по 6 июня мы - ехали. В пути никаких пайков нам не давали и не кормили. Как только поезд останавливался, все бежали искать воду. И, кто не успевал вернуться до того, как поезд тронется, тот так и оставался. И таких было сотни. А умерших просто выкидывали из поезда. Так было с моим дядей.

Нас привезли в Янгиюльский район, на 54-й разъезд, и высадили на кукурузном поле. Было очень жарко, около 40 градусов. Потом отвели нас в конюшню, каждой семье отвели 2х2

метра площади на цементном полу. Я сразу же заболела малярией. Утром умерла мама. Те, у кого остались силы, ее похоронили. Каждый день в конюшне умирали по 5-6 человек. Умерших детей родители заворачивали в тряпки и несли хоронить.

Через некоторое время я немного поправилась. Соседи сказали, что в Аккурганском районе тем, кто собирал хлопок, давали 500 гр. хлеба и я решила ехать с ними. Приехали мы в совхоз имени Султана Сегизбаева. Мне дали одну комнатку без окон, без дверей. Малярия не проходила, и, несмотря на болезнь и высокую температуру, я ходила собирать хлопок ради хлеба. За 70 кг. собранного хлопка давали 500 гр. хлеба. Так я жила до 1945 г., а потом вместе с подругами бежала в Ташкент, к родственникам. Хотя переезжать не разрешалось, каждый месяц заставляли ходить на подпись о невыезде.

Я жила в посёлке Кибрай Ташкентской области у родственников. За выезд без разрешения меня хотели посадить. Наш комендант позвал меня и предложил написать, что во время побега мне было 15 лет. И, к счастью, меня не судили. В школах дети учились только на русском языке. До 1956 г. крымских татар в армию не брали.

Проживаю в Симферопольском районе, с. Белоглинка, ул. Полевая, 30.

Мурадасилова (Нафеева) Мерьем, родилась 14 апреля 1925 г. в деревне Уркуста Балаклавского района. В 1937г. отца арестовали и мы, как семья «врага народа» были вынуждены покинуть родную деревню.

17 мая 1944 г. в деревню Мулла-Эли Симферопольского района, где я жила со свекровью и дочкой, прибыли вооруженные солдаты и остановились в наших домах. В 4-5 утра, когда деревня спала, нас разбудили и объявили, что от имени Советской власти нас выселяют из Крыма и дали на сборы 15 минут. На мой плач и крик «за что», ответили: «За предательство». Хотя мой муж в это время был на войне. Мы растерялись, а они тем временем проводили обыск, рылись в чемоданах, забирали всё, что им нравилось. Были у меня деньги, их тоже забрали. Я вспомнила, за неделю до этого обходили татарские дома и переписывали имущество, а мы ничего не подозревали.

Нам разрешили взять с собой 20 кг вещей. Но за 15 минут от растерянности мы не знали за что братья. Взяли кое-что из еды и чемодан с вещами, из которого военные вытащили понравившиеся им вещи. Во дворе уже стояла машина, а дом был окружен солдатами. Нас загрузили в машины и, под охраной солдат, повезли как арестованных через весь Симферополь. Город ещё спал. Привезли на станцию Сарабуз и загрузили всю деревню в один вагон, в котором видно возили военнопленных, потому что он кишел вшами.

В пути нас не кормили, люди ели у кого что было. В вагоне был только один мужчина старик. Остальные были дети, женщины и старушки. Нужду справляли в ведро, которое выносили на стоянках. В пути следования никакой медицинской помощи нам не оказывали. Я была больна, и за ребёнком ухаживали попутчики по несчастью.

Везли нас не менее трех недель. Привезли в Ташкент, где мы вышли из вагонов жалкие, измученные, заплаканные. Местные жители, которые встречали нас с кетменями и палками, были удивлены, увидев таких «предателей».

Наш вагон прицепили к пригородному поезду и привезли в Ташкентский район. Оттуда меня увезли в больницу с ребёнком, у которого была дизентерия. Остальных увезли в кишлак

Керевчи. Из больницы я приехала в этот кишлак, где и нашла свою свекровь, сидящей на узелочке. Кроме неё осталось ещё несколько семей, остальные уже где-то разместились. Мы просидели неделю. Никому до нас не было дело. Не имея ничего кроме муки, я готовила быламук на кирпичиках. Однажды к нам подошли две женщины. Одна из них работала бригадиром в колхозе. Они поместили нас у себя во времянке, помогали как могли, хотя сами жили в нищете.

Работать нас гоняли на хлопковое поле. Мне вручили тяжёлый кетмень, но после болезни я не могла её поднять. Бригадир узнав, что я грамотная послал меня в контору работать табельщицей.

Каждый месяц мы должны были отмечаться в комендатуре. Голод, дизентерия и малярия косили людей. Хоронить было некому, каждый второй болел. В первые годы депортации умерли 2 брата мужа и семья его двоюродного брата. В 1946 г. от дизентерии умерла свекровь. Потом умерли мама и две сестры. Мои дочери получили образование на русском языке. Нашему народу был ограничен или закрыт прием во все вузы, кроме строительных.

Мой муж **Мурадасылов Джафер** родился 1 мая 1923г. На войне был пулемётчиком. Имеет награды. Когда он вернулся в родную деревню, односельчане встретили его со слезами. Говорили, что не виноваты, что его семью и остальных крымских татар вывезли тайком, пока деревня спала. Дом был разграблен, даже стены были изрыты. Видимо искали клад. Сельчане собрали ему в дорогу продуктов и денег. Он попрощался с ними, сходил напоследок на могилу отца и выехал в Узбекистан в поисках своей семьи.

В 1995 г. мы переехали в Крым, живем в г. Симферополе.

Муратов Рустем (Сары Мурат оглу Рустем) родился 1 января 1937 г. в деревне Буюк-Озенбаш Куйбышевского района Крымской АССР. Состав семьи: отец Сары Мемет оглу Мурат (1904), мать (Демерджи) Абибулла кызы Фатма (1912), сестра Эдае (1934), младший брат Энвер (1939), младшая сестра Гульсум (1942), бабушка Абибулаева Азизе (1869), внук Ахтем (умер от холода и голода, воспалением легких).

18 мая 1944 г. в 3 часа утра, ударами автоматов, пока мать поднялась, выбили дверь и вошли 3 человек в военной форме, дали нам 15 минут на сборы, и сказали взять с собой еды на 3 дня. Отец в это время находился на фронте. Мать, 4 детей от 2-х до 10 лет, бабушка с внуком за 15 минут не успели одеться, мать успела взять кошму, тазик, кастрюлю со сваренной фасолью. Больше ничего не разрешили взять и в сопровождении 3 солдат с автоматами погнали в центр деревни. Нас погрузили в грузовики и увезли на станцию Сюрень, где под дулом автоматов затолкали в вагоны. Воды, туалета, медицинского обслуживания в вагонах не было. В вагонах было настолько много людей, что приходилась спать по очереди. В туалет ходили в ведра, и на остановках поезда ведра выливали и промыв набирали воду для питья. В нашем вагоне за 20 дней пути умерло 2 детей, 1 женщина и пожилой мужчина. На остановках их заворачивали в одеяло и оставляли вдоль железнодорожных путей.

Мы попали на Урал. На одной из станции нас разгрузили и под дулами автоматов повели к реке Волге, где погрузили на баржи и через 12 часов привезли в Орехово-Яр и опять посадили в вагоны, отправили на лесоповал. По следованию поезда разгружали по 200-300 семей в каждом селе. На второй день всех заставили выйти на работу. От голода люди начали падать и на работающего члена семьи стали выдавать по 400 гр. ржаного хлеба.

Нас, около 40 семей, поселили в конюшню. Комендатура объявила за самовольный выезд с мест поселения 25 лет тюремной каторги. Этот режим длился до 1956 г. Среди наших поселенцев было много высококвалифицированных специалистов: агрономы, учителя, мельники, кузнецы, но все работали на тяжелых работах. Основная работа – это начиналось с повала леса, погрузка в вагоны 6,5 м. бревен, далее их разгружали и сплавляли по реке Волга: готовились плоты, они связывались друг с другом «караван» в общей сложности длиной до 500-600 м. и шириной 100 м. В сопровождении пароходов отправляли в Куйбышев, Астрахань. Хочу отметить, что во время разгрузки вагонов, особенно ночью, когда пригоняли 3 состава по 30-40 вагонов, под освещение костров, разгружали вагоны, норма 3 вагона на одного человека. Не соблюдалась техника безопасности, не было электроосвещения, мороз 40 градусов, пурга, люди отмораживали руки, ноги. Очень многие погибли от несчастных случаев, падали под колеса вагонов.

После возвращения отца с фронта в 1945 г. нам выделили в общем деревянном бараке одну комнату. Мы выжили благодаря отцу, он был мельником в деревне Озенбаш и умел готовить древесный уголь для кузен.

В нашем селе была русская начальная школа (до 4 класса). За 18 км Дубовская средняя школа, где я закончил 7 классов, но комендантский режим не позволил дальше учиться. В 12 летнем возрасте я и мой друг Шевхи переплыли на лодке Волгу, чтоб купить в деревне умывальник и ведро. На обратном пути нас ждал комендантский надзор. Записали наши фамилии. На следующий день вызвали моего отца и отца моего друга Джафер ага, в центральную Дубовскую комендатуру. С большим усилием отделались штрафом в 120 рублей с каждого.

Сейчас проживаю в г. Симферополе.

Муслимова (Керимова) Мусфире, родилась 2 мая 1933 года в деревне Салын Маяк-Салынского района. Отец – Девлетшаев Керим (1888-1970), мать – Омерова Аджи-Султан (1902-1944), сестры Зекие (1923-1997), Назмие (1931) и брат Февзи (1925-1998).

Отец в начале 20-х гг. вступил в коммунистическую партию, и, так как знал грамоту и русский язык, его отправили на учебу в Симферопольскую Высшую парт.школу...

Отец в те годы участвовал в коллективизации сельского хозяйства, создании колхозов по всему Керченскому полуострову. Когда началась война, он работал председателем колхоза в д. Джаппер-Берды. При захвате фашистами Крыма, отец отвез семью к старшему брату Исмаилу в д. Ортель, а сам погнал колхозную отару на Керченскую переправу, но не успел перейти на другой берег. Через полгода нашел нас. Когда немцы вошли в село, мы убежали. Вернулись, а они на арабу загрузили все наши вещи. Мама начала плакать и просить, чтобы хоть носки детей отдали. Немецкий офицер приставил пистолет к маме, хотел застрелить, мы, дети, вцепились в нее, плачем. Маму отпустили. Забрали нашу корову и за всё отдали 23 немецких марок, как бы купили. Зимой 1942 г. пришел советский десант, немцы отступили, и отец уехал в д. Джаппер-Берды опять восстанавливать колхоз. Через некоторое время немцы снова заняли село, папа вернулся к нам. Староста д. Ортель предупредил отца, что не сможет уберечь нас и попросил уехать вместе с семьей из села. Мы быстро собрались и уехали вместе с семьей дяди Сеитвели в родную отцовскую деревню Палапан. Эту деревню разделяла речушка, по одну сторону жили русские, по другую сторону 8-10 семей крымских татар.

Не прошло и месяца после освобождения Крыма от фашистских захватчиков, как отца вызвали в райисполком в ст. Семь Колодезей, чтобы сдал колхозную печать и парт.билет для перерегистрации. Сказали, чтобы через 2 дня пришел за новым билетом и печатью, и будет принимать новый колхоз. Это было 17 мая 1944 г. О том, что наш народ выселят, никто не сказал.

18 мая около 4 часов утра, собаки лают, в дверь сильно постучали. Зашел офицер с солдатами, посмотрел на часы и на сборы дал 15 минут, и приказал всем выйти на улицу. Сказал, чтобы еды взяли с собой на неделю. Отец и брат успели кое-что из продуктов взять в дорогу. Мы думали, что нас всех ведут на расстрел, все плачем. В 10 метрах от нашего дома стоял пулемет и солдат сказал: «Если пошевелитесь – расстреляю». Собрали всех соседей у нашего дома. Вместе с нами был выслан и тётин сын – Велид. Тетя Мунибе Газиева со старшим сыном Зевидом уехала в Керчь, где они жили до войны. И только в 1947 году она увидела сына снова, уже в Узбекистане.

Нам не дали даже одеться. Стоим в нижнем белье, только успели сверху пальто накинуть. Мы, дети, захотели в туалет, солдаты не разрешили: «Где стоите, там и справляйте нужду». Мама очень плакала и просила солдат, чтобы дали время узнать, где старшая дочь. Сестра Зекие 2 дня назад уехала на учебу в Симферополь и мы о ней ничего не знали. Оказывается, она не успела уехать и заночевала в д. Чистополье у русской подружки. Утром та ее будит и говорит: «Зина, вставай, всех татар выселяют». «Наверное не всех?». «Нет, всех подряд». А в том селе на курсах трактористов из 2-х сел 8-10 наших ребят учились. Занятия уже начались. Сестра всех собрала, и они побежали искать своих родных.

...На всех 8-10 крымскотатарских семей дали одну повозку. На нее посадили старенькую бабушку Ачче с 4 маленькими внуками, ее сын воевал, а невестка поехала на станцию Семь Колодезей узнать о муже. Так, помню, эта старая женщина ничего вообще в дорогу не взяла. Когда приказали выходить из дому, она успела схватить только сковородку с хамсой, больше ничего – ни еды, ни одежды. Так и сидела, обняв детей и сковородку. Мы все шли пешком за повозкой, нас повели в д. Аджи-Эли, это в 2-3 км. от Палапан. Там собрали крымских татар из нескольких деревень. Смотрим, в село по дороге идет группа молодежи и среди них сестра Зекие. Их тоже присоединили к нам. Мы все были окружены вооруженными солдатами, нас никуда не выпускали. Сестра Зекие подошла к офицеру, который нас выгнал из дома, и попросила разрешения взять вещи из дома. Он разрешил, но приставил солдат. Сестра пошла домой – дверь открыта, в сарае корова не доенная мычит. Русские соседи Жучковы стоят возле коровы, хотят подоить, но она бодается, не подпускает. Сестра подошла к нашей корове, поцеловала ее – из глаз животного текут слезы. Даже скотина поняла, какую трагедию мы переживаем. Сестра взяла кое-что из вещей, а других жителей уже не пустили, двери и окна их домов были заколочены.

К обеду подъехали машины, нас всех загрузили и повезли на ст. Ташлы-Яр (ныне Пресноводное). Кругом шум, крик, плач. Битком набили в скотские вагоны, дышать не возможно. Не помню, сколько было людей в нашем вагоне, мы, дети, залезли на вторые полки (нары) и оттуда смотрели в зарешеченное окно. Когда проезжали Сиваш, старшие плакали и кричали: «Прощай дорогой, родной наш Крым! Мы уезжаем, увидим ли тебя еще?!». Нам, детям, говорили: «Смотрите, дети, мы через Сиваш – ворота Крыма проезжаем. Никогда не забывайте свою родину Крым!».

На остановках старшие, прихватив имеющуюся посуду, бегали в поисках воды и еды. Туалета, воды в вагонах не было. Не помню, давали ли в дороге еду, только на станциях стояли всего несколько минут, а в степи останавливали на 2-3 часа. Как только поезд останавливался и открывались двери – и стар и млад, все, никого не стеснясь, бежали за

вагоны справлять нужду. У нас в вагоне умерших не было. Медицинского обслуживания не было, никто не спрашивал в каком мы состоянии, нас везли на вымирание.

Не помню, сколько мы были в дороге. Наш состав прибыл на ст. Зербулак Самаркандской области. Оттуда на машинах нас повезли в какой-то кишлак, где мы прожили 1 месяц. Потом нас повезли на рудник Лянгар Хатырчинского района, где добывали вольфрам. В рабочем поселке в основном жили русские, узбеков почти не было. Нас привезли не в сам поселок, а на 2 км ниже, где были расположены бараки. Их было 10-12 и они представляли собой крытые камышом землянки. Спускаешься по нескольким ступенькам вниз, длинный коридор, по сторонам 2-х ярусные нары. Помню, что людей было очень много. Так как это было горная местность, то жары не чувствовали. В бараках началась эпидемия брюшного тифа и дизентерии. Первыми заболели тифом сестра Назмие, Велид и я. Это было в октябре 1944 г., нас увезли в больницу. Мы лежали 3 недели, когда выписались, заболели мама и сестра Зекие. Их забрали в больницу, через неделю мама умерла. Сестра без сознания 20 дней лежала, молодой организм выдержал. У сестры были очень красивые, длинные волосы. Мама перед смертью просила врачей: «Мои волосы состригите, а дочкены не трогайте». У сестры, после выздоровления, весь волос осыпался и больше не был таким пышным. Отец навестил маму, она уже была на выздоровлении и сказала: «Ты смотри детей», а сама пошла на уколы. На следующий день нам сказали, что мама умерла. Тогда много слухов ходило, что умерщвляли наших людей. Отец как-то навестил в больнице нашего соседа Абла-агъа, поговорили, вышли во двор погреться на солнышке. Соседа позвали на укол, он говорит: «Керим, ты подожди, я сейчас вернусь, только приму уколы». Отец ждет-ждет, а соседа все нет. Пошел спросить, а ему отвечают, что Абла-агъа умер.

Отец продал кое-какие вещи и купил у узбеков дом, состоящий из 1 комнаты. В доме была печка. А зима в Лянгаре очень суровая, снега много выпадало. До недели выюжило, не могли выйти из дому. Многие наши крымские татары зимовали в бараках, кто знает, сколько их замерзло и умерло в первые годы...

В местах депортации был комендантский режим, за пределы Лянгара нельзя было выходить. Каждый месяц ходили на подписку к коменданту. С первых же дней погнали на работу. Организовали ОСМУ (отдельное строительно-монтажное управление). Какой бы специальности ни был татарин – инженер, ученый или рабочий – все работали на шахте или на стройке простыми рабочими, больше никуда не брали. Отец и сестра Зекие работали на стройке – женщины на носилках таскали камни-дикуши (бут), мужчины же клали стены. Сестра Назмие сразу пошла работать на шахту. И хотя ей было всего 13 лет, она наравне со взрослыми таскала вагонетки с рудой. Брат тоже работал на шахте, получал купонами, которые я отоваривала в магазине. Помню, целый день стояли в очереди за хлебом, подъезжает арба с хлебом, начинается давка. Нас, детей, рабочие затаптывали, мы только кричали и кусались. Семьи прикрепили к определенным магазинам, где они могли купить хлеб. Помню, как-то в первую зиму купила хлеб, а выйти из магазина не могу: на улице ураганный ветер, снег, темно, ничего не видно. Еле вышла, на мне из теплых вещей – мамина кофта и платок. В балке упала в сугроб, выбраться не могу, лежу, уже стала замерзать. Дома начали беспокоиться, и брат пошел искать меня. Если бы не он, так и замерзла бы. Сколько таких случаев было... Зимой исчезает человек, и только весной находили окаменевший труп.

Сестра Назмие очень хорошо работала, была стахановкой, но вместо нее в Москву на выставку ВДНХ отправили узбечку. Тогда труд наших людей никак не поощрялся. Сестра 12 лет таскала тележку с рудой. Перед войной закончила 2 класса и больше не училась. Я в 16 лет тоже пошла работать на шахту, работала рабочей в маркшейдерском бюро. До войны я закончила 1 класс и продолжила учебу в 1945 г. Днем работала, вечером училась в школе,

закончила 10 классов. Учились на русском языке. Отца в Узбекистане не раз вызывали в партком для восстановления в партию, но он не ходил и отказался от партбилета.

После Указа 1956 г. о снятии со спецучета мы переехали в г. Янгиюль. Я поступила в Ташкентский медицинский техникум, работала в г. Каттакургане в больнице. В 1962 г. вышла замуж за Рефата Муслимова. Через 7 лет вернулись в родной Крым, нас долго не прописывали, не брали на работу. Я благодарна Всевышнему Аллаху за то, что сегодня живу на Родине, воспитываю детей и внучек.

Ныне проживаю в Судакском районе, с. Къоз (Солнечная долина), ул. Матвиенко, 26.

Мустафаева Сабрие, родилась в 1920 г. в д. Бесют Ичкинского района (ныне Советский р-н). В 1939 г. вышла замуж и переехала к мужу в село Кокташ Карасувбазарского района (ныне Синекаменка Белогорского района). Во время депортации я жила со свекровью Мустафаевой Сайме и двумя детьми: дочкой Кафие и сыном Джемпаром.

На рассвете 18 мая 1944 года к нам ввалились солдаты: двое стояли на улице, двое в доме. Дали нам 20 минут на сборы. Из дома не выпускали никого, даже в туалет. Солдаты, увидев, что у меня маленькие дети, разрешили взять всё, что смогу. Всех женщин, стариков и детей собрали в центре села. Погрузили в машины и в сопровождении вооруженных солдат повезли на станцию Сеитлер (ныне Нижнегорск). На станции нас погрузили в товарные вагоны, которые были грязные, в клопах и вшах. Вагоны набили до отказа. В них даже не было туалета.

В первые два дня нас кормили два раза в день, а потом ничего не давали. Пищу себе готовили на станциях, где останавливался поезд. Иногда эту пищу не успевали поесть, потому что поезд продолжал движение. Солдаты начинали нас загонять в вагоны.

В пути были 16 суток. По дороге от голода и болезней умерло много людей. Медицинской помощи в поезде не было. Умерших выбрасывали из вагонов или оставляли на станциях. Мы прибыли в Узбекистан, в город Коканд. Нас всех повезли в баню, так как все были грязные и вшивые. Первую ночь спали во дворе бани. Утром на арбах нас повезли в кишлаки и расселили по узбекским семьям. От голода и слабости все стали болеть дизентерией. Узбеки нас боялись, так как им сказали, что едут людоеды. В кишлаке мы жили 4 месяца, потом нас повезли в Коканд, зарегистрировали в комендатуре, куда мы являлись ежемесячно на регистрацию. Меня направили работать швеей на швейную фабрику. Мы шили фуфайки для фронта. Дома нам не давали, а заселяли в заброшенные узбеками домишки. Мы их заново приводили в порядок. Узнав, что в Бухару попали мои родственники, я хотела поехать туда. Но в комендатуре мне не разрешали, и тогда я с двумя детьми уехала самовольно. По приезду меня поставили на учет в комендатуру. В Бухаре я работала в детском саду, куда ходили и мои дети. Заведующая детским садом мне много помогала. Потом мои дети учились в школе на русском языке.

Ныне проживаю в Джанкойском районе, село Яркое поле, ул. Мичурина 1/4.

Мустафаева Шавер, родилась в 1928 г. в Симферопольском районе. Состав семьи: отец Джемпаров Мустафа (1890), мама Мустафаева Анифе (1895), я, сестра Джевер (1931), братья Умер (1919), Макъсут (1920), Куршут (1924), Решит (1926).

О том, что нас будут выселять, нам никто не говорил. Это был секрет. 18 мая 1944 года в дом вошли солдаты и ещё один в гражданском. Он зачитал приказ Сталина, по которому нас обвиняли в предательстве и выселяют из Крыма. На сборы дали 5 минут. После чего погнали в сад, окружённый солдатами. Туда пригнали машины и погрузили в них людей. До Сарабуза сопровождали вооружённые солдаты. Там нас погрузили в товарные вагоны. Никаких удобств не было.

Вначале мы попали на Урал. Никто нам ничем не помогал. Когда приехали в Узбекистан, стало немного легче. Можно было учиться и работать. Спасибо тем узбекам, которые нам помогли...

Живу в Советском районе, с. Привольное, ул. Гагарина, 36.

Мухтерем Дилявер Аметович, родился в 1937 г. в деревне Ай-Василь Ялтинского района. Отец Мухтерем Абдул-Алим (1897 г., был директором школы в Ай-Василе), мать - Мухтерем (Адаманова) Ашире (1905 г.). Нас было трое детей: старшие братья Энвер (1928), Ибраим (1930 г.) и я. В 1938 г. наша семья переезжает в Симферополь, на улицу Горького 7, кв. 25.

17 мая 1944 г. у нас остановились гости из Ай-Василя - тетья Эмине и ингем (сноха) Шевхие, чтобы утром 18 мая отправится в Керчь.

18 мая громкий стук в дверь. Все повыскакивали, в открытую дверь вошли офицер и два солдата с автоматами. Они приказали всем срочно собираться и выходить во двор. Во дворе нас ждала машина «ЗИС-5». На наши вопросы куда, почему, зачем, они отвечали: «Не знаем».

Но я хорошо запомнил слова о том, что на сборы дается 15 минут и что брать с собой ничего не надо, т.к. придется идти 60 км пешком. Никакого указа не зачитывали, выгоняли из дома как овец. В нашем доме тогда гостили тетья и дядя. Они просили солдат отпустить их, т.к. в Ялте у них дома остались дети. Их отпустили, предупредив, что до Ялты они все равно не доедут. Так и случилось, их перехватили по дороге, и они попали в разные эшелоны.

Нас привезли в Симферопольский вокзал и погрузили в вагоны, предназначенные для перевозки лошадей. Народу было много, мест хватало только для того, чтобы сидеть. О каких-либо удобствах не было и речи. За все время следования в пути приносили по два ведра жидкого супа. Очень хотелось пить. Мать уговаривала меня больше спать, что я и старался делать. Сколько суток мы были в пути, не знаю. Привезли нас в Среднюю Азию на станцию Хилково (Бекабад). Людей выгрузили возле железнодорожных путей. Нас никто не встречал. Многие бегали и искали своих родственников, знакомых, заглядывали в проходящие составы. «Покупатели» увезли многих на арбах с большими колесами не известно куда. Людей повезли на левый берег реки Сыр-Дарья через строящуюся плотину ГРЭСа. Поселили в землянки глубиной до 1,5 м и высотой над землей 0,7-0,8 м. В каждой землянке были земляные топчаны на одного человека. Была голая земля, без матрацев, без одеял, без дверей. Крыша была накрыта камышом, оттуда на головы людей сыпались скорпионы. Была невероятная жара, мутная вода. Тетья Шевхие иногда приносила плесневелые лепешки, которые мы отмачивали в мутной воде и ели.

Пробыв около трех месяцев в Бекабаде, мать решила на отчаянный, в условиях комендантского режима, шаг – уехать к сестре Эмине, которая попала в поселок Бахт.

Оттуда мы перебрались в Янгиюль. Ночью, пешком ушли из поселка. В Янгиюле я начал посещать школу, где многие, в отличие от меня, не знали русского языка. Нас постоянно унижали, дразнили, даже преподаватели считали нас детьми предателей родины. У меня и у моего родственника Талыта подстригали волосы на голове в одну полоску спереди, чтобы всем было видно, кто мы такие.

Живущим в Янгиюле начали выдавать ссуды по 5000 рублей новыми деньгами. Но не всем, тетушке дали, нам – нет. Но после денежной реформы 1947 г., выплату ссуды оставили в пропорции 1:1, не 500 руб. старыми, а 5000 рублей новыми. Мать работала в совхозе пастухом, пасла свиней. Отец все еще находился в концлагере.

Началась вербовка в Казахстан, в Чимкентский табакосовхоз. Вербовщик Долба Бурун Али ага расхваливал прелести жизни в совхозе, что там жизнь как в Крыму и что все будут заниматься только табаководством. Мать и тетушка решились уехать – из одной резервации в другую. Из Алма-Аты до совхоза 125 км. Мороз 25 градусов, декабрь месяц 1946 г. На бортовой машине, укрывшиеся двумя слоями брезента, в полной темноте, нас привезли на место назначения. В марте 1950 г. без разрешения, без справок, без имущества, мать решает уехать с этого места. Мы приехали в Хакул-Абад. Приютила нас тетя Радифе. Братья поступили на работу. В 1954 году мы опять переехали в Бекабад. После учебы в школе я поступил на работу.

Проживаю в Ялте, с. Васильевка, ул. Адаманова, уч. 10.

Небиева Зекие, родилась в 1927 г. в селе Кучюк-кой Ялтинского района. Состав семьи: отец Османов Небий, мать Османова Дуду, сестра Фатме и я.

18 мая 1944 года в 6 утра пришли солдаты и начали кричать, чтобы все выходили. Дали 1 час на сборы. Сказали, что нас выселяют из Крыма. Разрешили взять с собой мешок вещей. Все село собрали в местной мечети и на следующий день начали грузить всех в товарные вагоны, полные вещей.

Людей было очень много. Из-за тесноты некуда было поставить ногу. В вагонах удобств, еды не было. В нашем вагоне умерших не было, в других вагонах умершие были, их оставляли в пути, так как не было времени на похороны. В пути были один месяц. Привезли в Узбекистан, Самаркандскую область, в колхоз им. Крупской. Для жилья предоставили бараки, где выращивали коконы шелкопряда. Через день дали в руки кетмени и послали в колхоз - работать на хлопковых полях, позднее – собирать хлопок. Через 15 дней от горя умер отец. Через 10 месяцев умерла мать от малярии. Возможности учиться у нас не было. Да и школы в колхозе не было. Передвигаться по району до 1956 г. не разрешалось.

Живу в Симферопольском районе, с. Дмитрово, ул. Кооперативная, 44.

Османов Мамут, родился 5 мая 1936 г. в Феодосии. Состав семьи: мать Эмине, сестры Асибе, Зера и я. Отец Османов Билял умер в 1938 г.

Во время войны, когда город сильно бомбили, нам и другим сказали, что надо уехать. Мы переехали в деревню Большой Келечи Кировского района. Там жила наша родня.

Однажды рано утром я вышел во двор и увидел, как старик Менумер ага идёт прямо по огороду и говорит: «Баллар, бизлерни Къырымдан чыкъаралар» (Дети, нас выселяют из Крыма). А жили мы на окраине деревни. Смотрю, деревню окружили солдаты с винтовками и метровыми штыками.

Вскоре пришли солдаты и сказали быстро собираться. Сколько килограмм груза надо брать они не говорили, только торопили нас. Всех жителей деревни под охраной повели на колхозный двор. Вокруг деревни стояли часовые и вокруг колхозного двора охрана. Началась паника, плач детей, стариков и старушек. Овцы, куры бегают по всей деревни. Началось мародёрство. Один русский житель деревни на глазах у нас унёс ножную машинку и другие вещи нашего брата Али. Мы ждали очень долго и, наконец, приехали машины и нас повезли на станцию Ислям-Терек.

На станции уже стояли товарные вагоны. Нас под охраной погрузили в вагоны. Тут опять начался плач детей, оклики стариков, каждый ищет своих родных. С машин выгружали прямо в вагоны...

В пути воду не давали – сами доставали на станциях. В вагонах были в основном старики, дети и женщины. Привезли нас на станцию Мантурово и оттуда отвезли на грузовых машинах в город Макарьев Костромской области. Затем на пароме привезли нас в тайгу. Жили в бараках – в одной комнате по пять семей. Комендант с нами обращался жестоко. После Дня победы 9 мая думали, что нас вернут обратно в Крым. Люди голодали, умирали семьями. Многие умерли из-за того, что от голода употребляли несъедобные грибы. Зимой было невыносимо холодно. В 135-ом пикете (так называлось место, где мы жили) открыли детдом №2 и мы находились там.

В 1951 г. наша мама забрала нас с сестрой из детдома и мы, в сопровождении вооруженного лейтенанта, перебрались в Среднюю Азию в г. Андижан. Каждую неделю ходили отмечаться в комендатуру. Для строительства дома никаких стройматериалов не давали. Сестра умерла от тифа. Мы, дети, учились в школе на русском языке. В техникумы и институты наших вообще не принимали.

Ныне проживаю в Ленинском районе, с. Войково, ул. Лихачёва, 38.

Османов Рефат, родился в 1935 г. в д. Дерекоей Ялтинского района. Состав семьи: отец Усеинов Осман (1893), мать Османова Хатидже (1903), сестра Пакизе (1924), братья Редван (1924), Раэт (1930 г., он погиб на войне), я и сестра Лейля (1940).

18 мая 1944 года в 6 часов утра пришли солдаты НКВД. Дали на сборы 10 минут. Сначала с собой ничего не взяли – думали, что нас ведут на расстрел. Но потом, когда нас собрали на площади, сестра Пакизе сбегала домой за вещами. Был туман, моросил дождь. Через Ай-Петри нас на грузовых машинах в сопровождении вооружённых солдат привезли на станцию Кучюк-Сюрень. Погрузили в телячьи вагоны – 50 человек взрослых. Никаких удобств не было, воду находили и пили на станциях. Медобслуживания не было. В пути два раза кормили баландой. Умерших в нашем вагоне не было. Дорога длилась около 24-28 дней.

Привезли нас в Марийскую АССР, город Волжск. Людей поселили в горелом 2-х этажном доме. Органы власти встречали нас как заключенных. Свободно передвигаться не разрешалось. Позже выделили комнату. Местные дети бросали в нас камнями и называли предателями. В 1950 г. 37 семей поселили в бараках, где ранее находились заключенные.

Люди работали на лесоповале. В 1949 г. окончил школу, но из-за запрета комендатуры не пришлось поступить в училище.

Живу в г. Бахчисарае, 5 микрорайон, ул. Интернациональная, 6.

Османо́ва (Табакъ) Махбу́бе, родилась 2 сентября 1929 г. в г. Бахчисарае, на улице Санаткяр 56 (ныне Толбухина 29). Состав семьи: отец Табакъ Шакир (1897), мать Мерзие Къадыр кызы (1903), сестра Усние (1920 г., она уже была замужем и жила отдельно), братья Сеитумер (1925), Сервер (1934), Энвер (1937) и я.

18 мая 1944 года в 4 часа утра постучали в дверь солдаты и дали 5 минут на сборы. Успели только одеться, ничего с собой не взяли. Всех жителей собрали на перекрёстке улиц Аккач мааллеси и Къады мааллеси, где находилось кладбище Сары-Дере.

В вагоне было 40 человек взрослых. В пути пару раз давали баланду, туалета, медобслуживания не было. Сестра Усние принимала роды у одной беременной женщины. Умерших не успевали хоронить, приходилось просто оставлять их на пустынных полях. Ехали около 22 суток. Выгрузили на станции Зиядин Самаркандской области, оттуда отправили в колхоз «Ахунбабаев», находящийся в 20 км от неё. Жили у узбеков в сараях для скота. Свободное передвижение по району было только в радиусе 8 км от места жительства. В 1945 г. отец заболел воспалением лёгких, семье разрешили перебраться в Самарканд к родственникам. Те, кому было более 16 лет, до 1956 г. каждый месяц отмечались в комендатуре. Органы власти встречали недружелюбно. Чтобы не умереть от голода, прячась от милиции, продавали тапочки, которые тайком сами шили. Выполняли временную тяжёлую работу (грузчик, уборщик и т.д.).

В 1945 г. от малярии умер отец. Так же умер сын сестры Усние. Младшие ходили в русскую школу, а старшим было не до учёбы, нужно было выжить и накормить младших.

(Шакирова Махбу́бе умерла в 1999 году в Бахчисарае.

Историю своей бабушки написала внучка Османова Арзы.

Сын и внуки покойной проживают в Бахчисарае, ул. Интернациональная, 10.)

Пельван Назим Сеит-Умерович, родился 9 декабря 1937 г. в деревне Буюк-Озенбаш Куйбышевского района. В семье нас было мать, отец и трое детей.

За день до депортации я с ребятами играл на улице и вечером мы увидели, что к школе подъехали очень много машин с солдатами. Я дома сказал маме про машины, а она говорит, что как будто они проездом остановились в нашей деревне.

18 мая 1944 года утром в 5 часов стали стучаться в двери. Родители открыли и в дом вошли двое военных с автоматами. Сказали: «15 минут на сборы и выходите. Возьмите детям одежду, обувь и немного продуктов». Нас сильно торопили. Уже во дворе солдаты не давали взрослым возвращаться в дом и стали загонять в машины. Так нас вывезли из деревни. Было жутко. Стали выть собаки, кричал скот. Всех загнали в машины и привезли на станцию Сюрень. Людей, как скотину, погрузили в вагоны. Было очень душно, окна открывать

нельзя, снаружи были натянуты проволокой. Все просят пить, а воды нет. Через щели окон и дверей люди смотрели, как мы переезжаем через мост и говорили, что нас везут топить или будут бомбить сверху, чтобы никто не остался в живых.

Я уже не помню, на какой день остановили поезд в степи. Люди начинали разжигать огонь, чтобы испечь лепёшку, но часто не успевали, так как поезд трогался. Говорили, что в наших вагонах возили солдат на фронт, потому что поползли вши по вагону как муравьи. Врачей не было, лекарства тоже. Первой умерла старушка рядом с нами. Её во время остановки вынесли закопать, а рыть землю нечем, железкой немного углубили, поставили её и только начали закапывать, камнями обкладывая, а поезд тронулся, мы её оставили и побежали в вагон. Через какое-то время нам дали поесть какую-то баланду. Её давали не то три, не то четыре раза за всё время пути. Потом через трое суток умер пожилой мужчина, его бедного просто оставили недалеко от железной дороги. По дороге стали отцеплять по два-три вагона с людьми и увозить их в другом направлении.

Мы приехали в Узбекистан, п.г.т. Шахрихан Андижанской области. Со станции погрузили вещи на арбу, а сами пошли пешком в посёлок Маташим. Нас три семьи поселили в один заброшенный дом. Было очень жарко. Люди умирали от дизентерии. Каждый месяц взрослые ходили отмечаться в комендатуру. Отец и мать работали на хлопковом поле. В 1946 г. я начал учиться в русской школе. В 1950-1951 гг. люди начали строить себе временки.

Проживаю в Симферопольском районе, пгт. Гвардейское, ул. Интернациональная, 20.

Перия Зера Кямилевна, родилась 24 марта 1934 г. в Гурзуфе Ялтинского района. Во время депортации семья состояла из бабушки Перия Джумазе, мамы Перия Хатидже, я и сестра. Отец был на фронте.

Ночью 18 мая 1944 года я проснулась от сильного стука в калитку. Когда дверь открыли в дом вошли трое вооруженных солдат. Это было, примерно, в 2-3 часа ночи. Один из них записал наши фамилии. Потом сказал, что мы уезжаем на 3 дня и нужно взять с собой продукты и больше ничего. Мама с бабушкой взяли узелки, что там было, не помню. Нас вывели на улицу, почти раздетыми. Шёл дождь. Мама хотела пойти в дом и взять одежду, но солдат не пустил. На нашей улице собрали всех соседей и до утра мы простояли под дождём. Утром приехали грузовые машины и увезли нас в Бахчисарай, оттуда по железной дороге в грязных вагонах мы были высланы.

В пути следования воды не давали. Врача не было. Иногда давали супчик, которого на всех не хватало. На одной из остановок бабушка вышла, но когда поезд тронулся, она торопилась вернуться назад и тут попала под рельсы. Мама очень сильно плакала. В пути были 22 дня. Привезли нас в Узбекистан, в г. Бекабад. Жили в землянках, спали на земле. Многие болели малярией, заедали насекомые. Через некоторое время нас повезли в Таджикистан, в посёлок №7 «Свобода» Октябрьского района Курган-Тюбинской области. Там на 4 семьи дали одну маленькую комнату. До 1956 г. ежемесячно ходили отмечаться в комендатуру. У многих крымских татар не было никаких документов, все были без паспортов. Люди работали на хлопковых полях. Моя сестренка умерла от голода. Мы, чтобы не умереть от голода, ели кошек, черепах, я ходила попрошайничать.

В Ленинабаде я начала учиться в вечерней школе и работать. Потом меня с работы послали учиться заочно в Ташкент. Там я закончила политехнический техникум. Училась на русском языке.

Проживаю в Белогорском районе, с. Литвиненково, ул. Дружба, 2.

Пугин Владимир Николаевич (Планджиев Нури), родился 23 февраля 1937 года в дер. Биюк-Ламбат Алуштинского района в семье Шабана Асановича Планджиева и Ольги Корнеевны Полещук. Отец работал столяром-краснодеревщиком, мать трудилась на с/х работах. В 1939 г. был усыновлен Николаем Сергеевичем Пугиным и Сайде Асановной Пугиной (сестрой отца).

Отец Ш. А. Планджиев во время войны был ранен на Перекопе, вернулся в село, помогал партизанам. Брат отца Рустем за связь с партизанами был смертельно ранен немцами на глазах своего отца, который так же был ранен. С этими ранами дедушка был депортирован в Среднюю Азию, где и умер от ран. Другой дядя – Мемет был призван в Красную Армию в 1939-1940 гг. был танкистом, судьба не выяснена. Сестра отца Фатъма – служила в Красной Армии связисткой на передовой с 1941-1945 гг. Выслана в Среднюю Азию в 1945г. Дядя Али – участник ВОВ (летчик, был ранен в боях под Житомиром, вылечился и остался в Житомире. Работал начальником полета).

Мой приемный отец ушел воевать в Красную Армию в 1941 г. Погиб в бою 23 мая 1942 года, обороняя Севастополь. После ухода отца на войну вместе с матерью Сайде перебрались с Алушты в дер. Биюк-Ламбат, в дом деда Планджиева Асана.

В одной из бомбежек, я получил сотрясение мозга, поэтому в школу пошел с 11 лет.

Мама Сайде рассказывала, что 17 мая к ней приходил офицер, друг Н.С. Пугина и сказал, что завтра будут выселять татар из Крыма. Предложил ей со мной остаться в Крыму. А на вопрос: “А как же родители?” ответил: “О них забудь”. Мама не согласилась, а дед Асан заявил, что он провокатор и хотел заявить на него. Мама еле уговорила его дожидаться утра. А утром пришли солдаты... Мама Сайде вручила мне узелок и все просила, чтобы я его не выпускал из рук. И только позже, когда помогал маме менять драгоценные вещи на продовольствие, узнал, что было в этом узелке. Часы, браслеты, монеты спасли моих родственников (11 человек) от голодной смерти. Единственную вещь – награду отца – мать сохранила. Я ее храню, как память об отце.

18 мая меня с матерью Сайде, дедом и бабушкой Планджиевыми погрузили в машины и вывезли из Биюк-Ламбата. Родная мать – Полищук О. К. с детьми Эмине (1936г.), Османом (1939г.) и родителями – отцом Корнеем и матерью Ариной остались в Крыму, как русские. Я их увидел летом 1958 г., когда с матерью Сайде приехал в Крым - тогда нам дали 24 часа времени для пребывания в Крыму.

А 18 мая нас погрузили в товарный вагон, где раньше перевозили скот. Люди сидели друг возле друга, сильно воняло. Мать кормила меня, чем могла. Никакой медицинской помощи не видели. Трупы выбрасывали из вагонов. Сколько суток были в пути, не знаю, но помню, что долго.

После долгого пути, нас погрузили на лодки и перевезли через р. Чирчик. Лодки были сильно перегружены и с мамой все время переживали, что они перевернутся. Выгрузили на

берегу канала заросшим камышом, под открытым небом. За нами два месяца следил и слушал наши разговоры старик-узбек. Потом сказал, что кое-какие слова понимает, предложил помощь. “Настает зима, здесь бывает холодно”. Показал заброшенные стены, помог накрыть камышом крышу, вместо дверей было одеяло, посредине устроил сандал, который топили кизяком. Так перезимовали.

Через год переселились в с. Солдатское, в общежитие луб.завода. В одной комнате проживали 8 человек, спали покатом на полу. Мать и тетя работали в столовой, остальные на луб.заводе.

В начале 1945 г. нас разыскала мамина сестра Шефкие, которая работала в банке в Булунгуре Самаркандской области, и перевезла нас (четверых) к себе. В этом же году к нам приехала сестра бабушки – Шемьи-заде Тахтарова.

В 1946 году нас разыскала фронтовичка Фатъма Планджиева. В этом же году мы переехали в Янгиюль. Жили восемь человек в одной комнате банковского дома. Так как тетя Шефкие была банковским работником, а тетя Фатъма фронтовичка, то нам уже на 11 родственников выделили комнату и кухню, где мы проживали до 1962 года.

В 1959 г. тетя Шефкие получила земельный участок, и две сестры начали строительство дома на собственные средства. В 1969 г. мать Сайде, отец Шабан Планджиев с новой семьей (жена и 3 детей), тетя Фатъма (муж и 5 детей) на пути в Крым, вынуждены были остановиться в селе Новоалексеевке Херсонской области. Я же в 1969 г. поехал в Биюк-Ламбат (Малый Маяк) к маме Оле. Мать – Полещук О. К. оставалась и жила все это время в Крыму.

Мы пошли прописываться. Начальник паспортного стола, начальник милиции и начальник отдела органов безопасности сказали мне: “Мы тебя пропишем. А потом за тобой будет тянуться татарский хвост?” На что я ответил, что никакого хвоста не будет, т.к. знал, что мать Сайде не хотела разлучаться со своими оставшимися в живых родственниками и осталась жить в Новоалексеевке.

Прописался в Малом Маяке. В 1971 г. перешел на работу электриком в санаторий “30 лет Октября” гор. Алушты. В первый год работы моя фотография висела на “Доске почета” санатория. В 1974 г. был рекомендован на городскую “Доску почета”, но не попал за свои татарские корни. Как сын погибшего участника ВОВ должен был получить квартиру, не дали. Так и жил: по фамилии считался – русским, а по правам – крымским татаринном.

С детства мечтал стать художником. Когда мне было 14 лет появилась возможность учиться в Художественной Академии им. Репина (г. Ленинград), но меня не отпустили из Янгиюля из-за комендантского надзора. Помню, когда мне исполнилось 16 лет, во время занятий в школе, в класс вошел комендант и со словами: “Мерзавец, что я должен тебя разыскивать? Почему не являешься на спецучет?” Дома мать разъяснила мне значение слов коменданта.

Помню, как в Средней Азии, мои бабушки просили меня следить, чтобы чужой не заходил во двор, когда они читали Коран и совершали намаз.

В 1976 г. женился на Васфие Идрисовой, внучке раскулаченного и сосланного в Казахстан Кемал Эмир-Али. Переехал в Мелитополь. Работал на предприятиях города электриком. В свободное время занимался искусством. Принимаю посильное участие в жизни крымскотатарского общества гор. Мелитополя.

Рашидова Эминешерфе, родилась 7 ноября 1936 года в дер. Къюз Судакского района.

18 мая 1944 года моему покойному брату Куртумеру должны были справлять поминки – 40 дней. После смерти брата отец заболел и был слаб. Тем не менее, он пас колхозных лошадей – вечером выгонял на пастбище, утром – пригонял в конюшню.

18 мая 1944 года отец рано утром пошел за табуном. В поле его задержали два солдата. Ему сказали, что его будут выселять. Больной просил, чтобы его отвели в сельсовет и выяснили кто он. Видимо, отец думал, что случились некое недоразумение, которое вскоре уладится, когда узнают, кто он и откуда.

В это же время в наш дом зашли два пьяных вооруженных солдата и приказали нам собраться. Дали срок – 15 минут. Привели отца и тогда нам сказали, что всех татар выселяют из Крыма. Всем, что было приготовлено на поминки, отец угостил солдат. Мы с младшим братом бегаем по дому, плачем. Накануне наш старший брат Сулейман поехал в город продать вещи и купить что-нибудь из продуктов на поминки. Мама плачет, рвет на себе волосы, причитая: “Одного сына похоронила, другого живьем потеряла”. В то утро 18 мая у нас дома находились: отец Решат Дубаев, мать Авашерфе, сестра Гульсюм, я и пятилетний братишка Сейран. Жителей деревни собрали возле конюшни - “Атлар араны”. Мы почти ничего не взяли с собой. Когда погрузили в машины, мы, маленькие дети, начали просить у мамы хлеба. Столько напекли на поминки, и всё осталось в доме. Нас с машин перегрузили в скотские вагоны (не помню где это было) и повезли. Мама всю дорогу причитала, что потеряла сына. На каком-то разъезде поезд замедлил ход, и мама увидела сына Сулеймана. Мама прыгнула с состава, брат прибежал, его схватили солдаты, но потом отпустили. Благодаря брату мы остались живы и не умерли в дороге от голода. У него были деньги, и отец на остановках покупал нам хлеба. Помню, где-то возле моря наш состав остановился и долго-долго стоял. Люди плакали, все думали, что нас в море утопят.

Привезли нас в Узбекистан. Попали мы в колхоз Куштепа Самаркандской области. Всех заставили работать. Были под комендантским надзором. Чуть позже наша семья переехала в Карадарьинский район, отец работал конюхом, дворником, сторожем, а мама работала уборщицей в конторе. От государства мы получили ссуду 5000 рублей. Эти деньги отец на руки не взял. Завсклад Ташмат ака уговорил отца купить на эти деньги корову. Купили корову, зарезали и продали мясо. Нам же досталось только голова. Когда заболела сестра Гульсюм, мы стали просить у Ташмат ака вернуть нам деньги. Он обманул нас и дал только часть денег. На них мы купили козу, остальные деньги мы так и не увидели. Сестра же умерла от дизентерии, ей было 18 лет.

Потом мы переехали в гор. Каттакурбан. В 60-е годы продали дом и приехали в Крым. Нас на родину не пустили, и мы были вынуждены остановиться в гор. Крымск Краснодарского края. Мать с отцом жили с надеждой вернуться на родину, но так и не дождались этого. Оба похоронены на чужбине, в Суук-Дере.

Слава Аллаху, мы сейчас живем на родине.

Ныне проживаю по адресу: город Симферополь, улица Артезианская, 44.

Реизова Шадие Джаферовна, родилась 19 мая 1923 г. в п. Гурзуф Ялтинского района.

В семье было 7 человек. 18 мая 1944 года в пять часов утра нас разбудили два солдата с винтовками и сказали, чтобы мы оделись и вышли на улицу. На сборы дали 15 минут. Что нужно взять и сколько, они не говорили. Собрали нас у школы. Сопровождали солдаты с винтовками. Грузили на станции Сюрень в вшивые товарные вагоны, где до нас возили лошадей. В вагоне было человек 150, дышать было невозможно.

В пути кормили только один раз какой-то бурдой. Я не ела эту бурду, ела только хлеб. Какое медицинское обслуживание, когда даже двери вагонов не открывали. Умерших оставляли вдоль железной дороги. В пути находились 20 суток. Попали мы в посёлок Шахрихан Андижанской области, а оттуда в колхоз им. Сталина. Режим был комендантский, очень суровый, строгий, над нами сильно издевались. В соседний колхоз не разрешали ходить. На нас смотрели как на врагов народа. То пугали, что нас выслали на 10 лет, то на 25 лет. Люди сильно переживали. Питьевой воды нет. Давали немного пшеницы. Больше ничего не выделяли. За то, что отчим ходил в мечеть, его посадили в тюрьму на 8 месяцев. В колхозе нам выделили одну комнату без стены. 7 членов нашей семьи умерли от недоедания. Работала на полях на солнцепёке, потом табельщицей. Дети обучались на узбекском языке.

Живу в Бахчисарайском районе, пгт. Куйбышево, ул. Колхозная, 66-1.

Решидов Басыр, родился в 1934 году в дер. Бешкуртка Сеитлерского района Крымской АССР. Наша семья состояла из: Феры Решидовой – мама, Решида Молладжанова – дедушка, Айше – бабушка, Аджире Решидовой – тетя.

18 мая 1944 года на заре меня разбудила мама. Я увидел двух солдат с автоматами и одного офицера, которые наблюдали за суетливыми сборами взрослых. Мама сказала, что нас увозят и надо одеваться. Поскольку меня разбудили позже, то не слышал, сколько времени было отпущено на сборы. Военные что-то разрешали брать, что-то нет, затем стали торопить, и приказали выходить из дома. Мы взяли в руки что могли (много ли могут понести на себе 70-летние старики и две женщины?). Погнали нас в другой конец деревни - на сборный пункт. Несколько часов держали людей на пустыре, не разрешая никуда отлучаться, даже по нужде. Затем подъехали грузовые машины, новенькие, с тентами (сопровождающий сказал, что это “Форд”). Загрузили до отказа, и привезли на Сеитлерский ж/д вокзал. Подогнали к составу грузовых вагонов, перрона не было, лестниц тоже. Люди с насыпи, подгоняемые прикладами, помогая друг другу, карабкались в немые с забитыми люками вагоны, оборудованные в два яруса. Не помню, сколько было семей в двухосном вагоне, но было ужасно тесно. В вагонах два яруса нар из необструганных, полумрак, много детей, духота. Воды не было. Останавливались на степных полустанках. От каждого вагона только одному разрешали сбежать за водой. Регулярного питания не было. Иногда кидали в вагон несколько буханок черного ржаного хлеба. Помню, один раз принесли бак баланды. Особая проблема была с туалетом. В основном пользовались щелями между двумя створками раздвижных дверей, дети днем, взрослые ночью. Медицинской помощи не было.

Так мы ехали около месяца. 12 июня выгрузили нас в Узбекистане, на станции “Голодная степь”. Само название станции было зловещее и предвещало о том, что ждет нас впереди: солончаковая выжженная солнцем степь, голод, болезни и смерть. Но это было потом. А пока нас погнали, как скот, в пристанционную баню. Всех вместе: женщин, стариков, детей. Баня имела одно отделение. Помылись уже поздно вечером. Ночевали в привокзальном садике под охраной военных. Утром появились представители местной власти и райсы (председатели) колхозов. Начался “торг”: каждый райс хотел взять здоровых и

работоспособных. Нас, восемь семей, взял раис колхоза “Политотдел” Мирзачульского района.

Наш колхоз был самым нищим в районе. Создан он был перед войной, но не был достроен из-за начавшейся войны. Свободный жилой фонд состоял из полутора десятков необжитых 2-х комнатных мазанок без окон и дверей, с очагом, камышовой крышей, земляным полом. Рай для всевозможных насекомых и грызунов. Питьевая вода – арычная.

Колхоз был хлопководческим. Людей на рассвете выгоняли на работу, техника начисто отсутствовала, основное “орудие” – кетмень (тяжелая мотыга). Тем, кто был в состоянии выйти на полевые работы, в обед давали баланду, сваренную из толченных злаковых зерен. Хлеба вообще не было. Из-за истощения и от грязной воды люди заболели и, соответственно, лишались миски баланды. Медпомощь отсутствовала. Люди пухли и умирали. В первую очередь умирали старики и дети. Нормально похоронить умерших не было сил. Хоронили в едва вырытых могилах, из-за чего похороненные днем становились добычей для шакалов ночью.

За год “обживания” “Голодной степи” только две семьи прожили без потерь, две семьи полностью вымерли, остальные – по полсемьи. Оставшиеся сиротами дети стали воспитанниками детских домов.

Детям было не до учебы. Да и учиться было негде. Вернее, “школа” была – одна комната в правлении колхоза. В сентябре собрали два десятка детей, парты поставили в два ряда: на первом ряду был 1-ый класс, на втором – 2-ой класс. Учитель был один, он же колхозный бухгалтер. Язык – узбекский. Книг нет, бумаги тоже. В колхозной конторе брали старые газеты, разрезали, окунали в раствор из желтой глины, высушивали, писали карандашом. Но и эти “университеты” длились недолго. Уже в октябре нас “мобилизовали” на сбор хлопка, а затем забрали на фронт единственного учителя.

Наша семья без потерь пережила этот страшный год. В июне 1945 г. подразделение трудармии, в которой находился мой отец, перебросили из гор. Рыбинска (Ярославская область) в гор. Пролетарск Таджикской ССР. Однажды вечером он приехал на грузовике, погрузил нас и увез без разрешения районного спецкоменданта в гор. Пролетарск. Но от НКВД скрыться невозможно. Хорошо, что отцу удалось за эту дерзость избежать длительного срока заключения.

Таким был первый год спецпереселения. Впереди были еще долгих десять лет спецпоселения. Последствия тех страшных лет чувствуются нами и сегодня.

Мой адрес: город Евпатория, Спутник-1, улица Аксабай, 19.

Салимова (Османова) Мелиха, родилась 8 сентября 1937 г. в деревне Байдар Балаклавского района Крымской АССР.

В момент депортации в доме находились мама Сефае (1906) и четверо детей: брат Муса (1931), я, братишки Мансур (1939) и Мемет (1943). Отца нашего забрали в трудармию до того, как нас выслали.

18 мая 1944 года, когда ещё было темно, нас разбудил громкий стук в двери. Мама открыла, зашли солдаты с автоматами и быстро что-то говорили, мы были очень напуганы, младшие

братики плачут, мама как могла одевала их. В истоптанных сандалиях и легко одетые мы вышли из дому в сопровождении солдат. Мама взяла на руки младшего братика. Старший брат взял наше одеяло, чтобы мы укрылись и держал Мансура за руку. Куда нас повели, где грузили не помню. Когда мы ехали на машине, солдаты некоторые наши вещи выбрасывали за борт.

Дальше помню, что нас, стариков и детей, грузили в товарные вагоны. Там были сделаны полки. Было много народу и очень было душно. Плакали дети и наши мамы. Иногда нам давали кушать с солдатских котелков – один котелок на семью. Вши нас заедали. Ехали мы очень долго.

На остановках, где могли, доставали воду. Её берегли, пили по глоточку. Никто у нас не спрашивал о том, голодные ли мы или больные.

Привезли нас в Узбекистан, на станцию Чартак. Оттуда отправили в село Тушкуран, где мы жили в чьём-то сарае. Многие умирали от болезней. Каждый день трое людей ездили на арбе и собирали трупы людей. Где и как их хоронили, не знаю. Я помню, умерла женщина, а у неё грудной ребёнок лежал и сосал грудь своей умершей матери.

Когда моя мама заболела малярией, а младший братик дизентерией, в нашем сарае пошёл спор. Одна женщина говорит надо к врачу, а другая говорит, нет, все, кто попал в больницу, умирал на второй же день – нас там убивают. И так, мама осталась с нами и выжила наперекор всем смертям. После того, как отец сбегал с трудармией и вернулся к нам, чтобы спасти нас от голода, стал поправляться и братик. Отец увёз нас на станцию Чартак, мы жили в 24-х квартирном бараке, в основном все татары. Отец работал в нефтеразведке, получили талоны на хлеб. В сентябре отца арестовали и больше мы его не видели. Умер он в 1951 г. в Сталинграде.

Мы выживали как могли. Мать и братья работали. Они, а позже и я, ежемесячно ходили в комендатуру отмечаться. В 1945 г. мы со средним братиком пошли в школу. Старший брат работал в нефтеразведке и кормил всю семью. Мама покупала шерсть, пряла и вязала платки и продавала их. Школа была на русском языке. Позже наша семья переехала в город Пап. Мы снимали квартиру у узбеков. Строить свой дом мы не могли, а давали помощь или нет, я даже не знаю.

Ныне живу в Первомайском районе, с. Крестьяновка, ул. Херсонская, 59.

Самединова Джеваир Абдурамановна, родилась в 1925 г. в деревне Лимены. До депортации жила в Гурзуфе. Отец был репрессирован в 1937 г.

17 мая 1944 года я с подругами была в Ялте, пришлось заночевать у подруги. На следующий день, когда возвращалась домой, узнала о том, что наш народ выселяют из Крыма. Возле Массандры один за другим ехали грузовики и на одном из них мама, брат и много знакомых. Мы присоединились к ним. Нашу семью привезли на вокзал в Бахчисарай. Вокруг плач, шум, ругань, крики. Шла торопливая погрузка людей в товарные составы. Я не видела, чтобы людей били, но в вагоны заталкивали как скот, битком. Куда везут, убивать? Когда поезд тронулся, раздался гул, стон, казалось, рыдали сами поезда. В пути были 18 суток. Куда направлялись, мы не знали. Иногда давали бурду и хлеб. Всю дорогу терпели оскорбления пьяного лейтенанта и таких же «медработниц». Они ни разу не оказывали

помощь. Когда спросили у них таблетку от головной боли, офицер лишь сказал: «Пусть сдохнут». На остановках никуда не выпускали.

Нас привезли на станцию Шарихан Андижанской области. Там провели так называемую «санобработку» и нас быстро погрузили на арбы. Людей отправили по колхозам. Начались хождения на «подпись». Жили где придется. Очень многие умирали от болезней. В 1946 г. в Андижане я закончила школу с золотой медалью. Поступила в Ташкентский мединститут. Когда в комендатуре мне не разрешили ехать на учебу, один офицер-узбек узнав об этом, тут же помог мне уладить проблемы с документами и я, спецпоселенка, начала учиться. В 1952 г. окончила институт, вышла замуж.

Проживаю в г. Ялта.

Сеитвелиев Мурат – первым организовал комсомольскую ячейку в селе, а в 19 лет возглавил колхоз. Сабрие Бор-Батыркызы принадлежала к знаменитому дворянскому роду Аргинских и родственники сватали ее за богатого, но Мурат и Сабрие были тайно влюблены друг в друга, и не смотря ни на что, вскоре поженились.

Когда началась Великая Отечественная война, Мурат добровольцем ушел на фронт, оставив жену и четверых дочерей Кевсерье, Асие, Усние и Мерьем (она родилась в первый год войны) в родном селе Ени-Сарай. Много горестей пережила семья в годы немецкой оккупации: была сожжена родная деревня, остались на улице. Помог друг семьи – Муждабаев, редактор газеты в Къарасувбазаре, и они жили в его семье до тех пор, пока не пришли советские войска.

18 мая 1944 года стал еще одним черным днем в жизни семьи Сеитвелиевых и всего крымскотатарского народа. В Къарасувбазар согнали всех татар из окрестных деревень. В дер. Аргин во время погрузки в машины умерла женщина. Хоронить некогда. Вдоль дороги был вырыт окоп. В нем наспех и закопали покойницу. Остальных отвезли на станцию и погрузили в товарный вагон. До Урала ехали месяц. Мыться не было возможности, все завшивели. Еду готовили только на больших остановках. Кто успел захватить кое-какие вещи, менял их на продукты.

Выгрузили всех сначала в селе Гайны, а затем под дождем перегрузили на баржи. Девочка лет пяти все время плакала и причитала: “Алла, аякчыкъларым” (“Боже, ноженьки”). У нее, видать, были перебиты ноги. Она вскоре умерла, и ее тельце просто сбросили в воду. А один мальчик лет шести-семи спросонья не понял, где находится, сам упал за борт и ушел под баржу.

Привезли их в поселок Керос, примостившийся у притока реки Камы. Здесь было 360 недостроенных домов. В 1927 г. зимой 360 раскулаченных семей зимой пригнали сюда пешком из Белоруссии. Кругом лес. Обессиленные люди стали возводить дома, да так и не достроили. Выжили только две семьи. В поселок один раз в год приходил катер, привозил продукты. Сабрие работала на лесозаготовке и жила в поселке Висляны Гайновского района Молотовской области. Это было последнее село вдоль реки. Туда не ходил никакой транспорт.

Сабрие с Урала написала письмо в Къарасувбазар друзьям мужа, сообщая о своем местонахождении. А Мурата на фронте застает страшная весть о том, что всех крымских татар выслали из Крыма. Он, как и предполагала Сабрие, написал своим друзьям в

Къарасувбазар, и они сообщили ему адрес жены. В сентябре 1944-го он, наконец, получает отпуск и отправляется на поиски семьи.

От Кудым-Кара, куда он добрался поездом, до Гайны 300 километров. Мурат преодолевал их пешком, не обращая внимания на кровавые мозоли и волдыри. От районного центра до села Висляны дороги нет. Кругом болото. Мурат нашел лесника, который согласился помочь фронтовику. Так Мурат нашел семью и сразу стал хлопотать, чтобы разрешили вывезти ее хотя бы в райцентр. Несмотря на то, что грудь Мурата вся была в орденах, комендант отказал ему в этом. Тогда фронтовик в отчаянии выложил на стол свой партбилет, все награды, документы и написал заявление, в котором указал, что ему не разрешили перевезти свою семью и поэтому он бросается в реку Каму. Испугавшись последствий, комендант, наконец, уступил. Мурат поселил детей, жену, родителей в селе Пономаревке, а сам нанялся копать картошку, чтобы обеспечить своих продуктами на зиму. Затем... снова возвратился на фронт.

Сабрие же работала с сестрой Зейнеп на заготовке леса, в 30 километрах от села. Приезжала домой раз в месяц.

В 1946 г. Мурат демобилизовался. Грудь его теперь украшает еще больше наград, в том числе медаль “За победу над Германией”. Он приехал в город Заволжск и устроился на работу в подсобное хозяйство деревообрабатывающего завода Марийского бумажного комбината. Затем поехал в село Пономаревку, чтобы забрать семью. На сборы много времени не потребовалось. Но внезапно умерла мама Мурата. Надо хоронить. Но где? Кладбище на песке. Подпочвенные воды чуть ли не на поверхности. Полная могила воды. На саван материи нет. Но пароход (иного транспорта здесь не существует) ждать не будет. И Мурат, не стыдясь слез, без савана, кое-как обмыв, опускает тело матери в могилу. До самой смерти он с горечью будет вспоминать и корить себя за то, что “бросил мать в воду и засыпал песком”.

В 1956 г. Мурат Сеитвелиев со своей семьей переезжает в Мелитополь, где жили родственники жены. С фронтовых лет он помнил, что военачальники называли Мелитополь “воротами Крыма”. В этом городе и похоронен Мурат со своей женой Сабрие. А Крым он очень любил и, живя в Волжске, часто рассказывал дочерям, какой он красивый – кленовый листочек на большой карте мира.

(Записала Миневер Идрисова)

СЕЙТМУРАТОВА Айше родилась 11 февраля 1937 года в дер. Аджи-Эли Маяк-Салынского района Крымской АССР. Семья была большая - пятеро мальчиков и двое девочек: Аджимурат (1926 г.р.), Аедин (1929 г.р.), Неджип (1931 г.р.), Муедин (1934 г.р.), я, Недим (1939 г.р.). Отец – Сеитмурат Борсеитов (1885 г.р.), мать – Найме Борсеитова (1905 г.р.). Отца призвали на фронт 1 октября 1941 г. Младшая сестра Фатме родилась в феврале 1942 г., отец ее так и не увидел.

От соседа Макляка, который призывался в армию вместе с отцом и вырвался из немецкого окружения, мы узнали, что они были в одном обозе, но при бомбежке потеряли друг друга. И дальнейшая судьба отца не известна – пропал без вести.

Во время оккупации мы выжили благодаря тому, что у нас была земля и скот. Когда Красная Армия в апреле 1944 года освобождала Крым, у нас пытались отобрать лошадь. Мама

побежала к офицеру и выпросила лошадь обратно. Брат и двое подпольщиков, которые прятались у нас в сарае, с красным знаменем выехали встречать передовые части Красной Армии. В это время их накрыл снаряд, брат чудом остался жив. У нас в доме остановился советский офицер, который вернул лошадь. Мама приготовила ужин, мы все радовались своим освободителям.

18 мая 1944 года, в 3-4 часа ночи нас будит мама, вся в слезах. В доме находились солдаты, которые пришли нас выселять. Офицер спрашивает у матери: “Где ваш муж?”. Мама отвечает: “Я должна спросить у вас. Он ушел с вами, вы пришли. А где мой муж?”. В ответ старший офицер достал деньги и протянул матери: “Возьмите, вам пригодится”. А солдатам приказал помочь нам собраться. Мама меня поднимает, а другой из детей снова ложится, его поднимает, я засыпаю...

У меня была большая кукла, хотела взять ее с собой. Мне, по-видимому, сказали, что нельзя. Перед нашим домом был окоп. Я побежала туда, положила куклу, засыпала ее железками, склянками.

Забегая вперед, скажу, что в 1961 г. я по путевке приехала в Алушту и посетила свою родную деревню. Иду по селу, закрыла глаза и как в тумане вижу, как бегу с огромной куклой и прыгаю в окоп. Я хотела дальше что-нибудь вспомнить, но тщетно. Видимо этот момент запечатлелся в моей детской голове. Сколько раз потом бывала я там, но себя маленькой больше не видела.

... Мама вышла из дома без куска хлеба, кое-что из вещей одела на нас. У нас была большая родня, и все мы жили в одной деревне. Собрали всех жителей – крымских татар в центре села, окружили солдатами. Выходить из круга не разрешали. Старые люди очень плакали. Из соседней деревни Палапан на бричках привезли людей, и среди них был молодой скрипач. У него ничего на руках, кроме скрипки не было. Один из жителей сказал: “Агъламанъыз! Олур агъламагъа” (Не плачьте, хватит плакать!) и к парню: “Чал кеманени. Коръмесин гяурлар бизим козьяшларымызны” («А ну, играй! Чтобы не видели враги наших слез!). Сосед – дядя Макляк из дому принес большую кастрюлю сметаны, полмешка муки, матрац, две подушки, корыто и сковороду. Брата должны были призвать в армию, и мама ему приготовила сухари. Сосед и это нам принес.

Мы, все родственники, попали в один вагон. Дядя ножом прорезал дыру в полу вагона, огородили одеялом, и люди там оправлялись. При движении поезд качало, и сметана превратилась в масло. Из образовавшейся сыворотки мама пекла в дороге лепешки. На остановках мальчики приносили сучья, кирпичи, насыпали в таз песок, и мама там выпекала лепешки. Не помню, чтобы в пути нам давали пищу. Вагон был двухъярусный, мы, дети, забирались на вторые полки и оттуда смотрели в окно. Не помню, чтобы в нашем вагоне были умершие, даже если и были, от нас, детей, видимо скрывали.

В начале июня 1944 г. прибыли на станцию Зербулак Самаркандской области Узбекской ССР. Приехали “покупатели” (председатели колхозов) и так как у нас было много мальчиков, нас всех посадили в одну машину и привезли в один из колхозов Хатырчинского района. Нас поселили в нескольких сараях. Месяц пробыли в карантине. Жара стояла невыносимая. Чтобы прокормить нас, мать вынуждена была ходить на базар и продавать наши вещи. Как-то она ничего не смогла продать, подходит старик и просит за ведро джугары (мука из просо) отдать бархатное платье. Мама, не задумываясь, сняла платье и осталась в рубашке. Так мы спасались от голода. Братьев, наравне с другими мужчинами, забрали работать на установку электролиний.

Мама и я заболели малярией. Больных машинами забирали в больницу. Боясь, что могут забрать и меня, я убежала в горы. От страха у меня прекратилась болезнь. В больницу увезли двоюродного брата Сафата, который оттуда уже не вернулся. Один мальчик нам рассказал, что Сафату сделали укол, от которого он не проснулся. Так убивали маленьких детей, а старших, как рабсилу, отправляли работать.

Через несколько месяцев приехали старшие братья. Они поставили ультиматум начальству – мы без семьи не будем у вас жить и работать, так как мы не знаем, что с нашими родственниками. Так мы попали на вольфрамовый рудник Лянгар, где один из братьев в 16 лет стал работать слесарем. Мама работала на стройке, равняла дороги, складывала камни. Мама на четвереньках (говорила, что зимой было легче тянуть на санках) тащила камни. Она нас спасла. За эту адскую работу им выдавали хлебные карточки. В мои обязанности входили с 4-х часов ночи становиться в очередь за хлебом, так как все остальные шли на работу. Своим ростом до прилавка я не дотягивала, поэтому мне сшили торбочку, куда продавец складывала хлеб.

В первое время жили в земляных бараках. Каждый день хоронили по несколько человек. Обессиленные взрослые, дети 12-15 лет, на одеяле волокли мертвого человека. Эту картину мы, дети, запомнили на всю жизнь. И никакими силами, угрозами, пытками, нас не заставят забыть это. Почему мы, дети 44-го, оказались в первых рядах национального движения? Мы пережили страшную трагедию, потому что каждый из нас перенес голод и огромные страдания. Сегодня мы играли с соседскими детьми, а завтра один из них уже не вставал... Мы, дети, ходили по базару и подбирали косточки, которые выкидывали узбекские бабаи («дядьки»). В горах собирали съедобные травы и вечером готовили из них суп. Ни одной крошки на столе не было, мы все съедали. Если нам давали кусочек комкового сахара, мы его облизывали и клали в карман, таким образом, мы на неделю тянули эту сладость.

В Лянгаре мы прожили вплоть до декабря 1953 г. У мамы было высокое давление, ей не подходил высокогорный климат. Врачи дали справку, на основании которой комендатура выдала разрешение на выезд. В это время шла вербовка на строительство Хишрау ГЭС в Самарканде, и мы переехали туда.

В Лянгаре в 1946 г. я пошла в 1-й класс. В Чархине я продолжила учебу. Училась на русском языке. Старшие братья остались без образования, надо было работать и кормить семью. Брат Муедин с 12 лет начал работать столяром и проработал свыше 40 лет.

Я закончила школу в 1957 г. Мы все находились под комендантским режимом и выезжать из района в район нам не разрешалось. Как-то, когда училась в школе в Чархине, в 8-м классе, на выходные ездила домой, который находился в Пасдаргонском районе. Два района разделяла река. В воскресенье машина ехала в Пасдаргон, я поехала купить себе тетради. На базаре увидел меня комендант и говорит, чтобы в понедельник в Чархине пришла к директору школы и сказала, что меня посадят на пять суток ареста. Приехала в школу, плачу, учительница математика успокоила, пошла к директору, все ему рассказала. Директор защитил меня от ареста. Когда на второй день я встретила коменданта, он так злобно посмотрел на меня, но не тронул, ни слова не сказал. Так директор меня «отвоевал».

В 1955 г. наша семья переехала в поселок при суперфосфатном заводе гор. Самарканда. По рекомендации учителя поехала на стадион и тренировалась легкой атлетике. На спартакиаде школьников я в числе других девочек должна была поехать на юношеские соревнования в Будапешт или Бухарест. Но за пределы Узбекистана депортированным нельзя было выезжать, и мне не разрешили. Поступила в Самаркандский университет на исторический факультет, который окончила в 1963 г.

Наше счастье, что ни один из нашей семьи в эти страшные первые два года не умерли, выжили.

Если бы Тихий океан был бы чернильницей, то его бы не хватило, чтобы описать трагедию нашего народа.

Мы должны быть благодарны своим матерям, которые сами не ели, но сохранили жизнь своим детям. И, в первую очередь, памятники нужно поставить нашим матерям, которые ценой собственной жизни спасали нас.

Проживаю в г. Симферополе.

Сейтэмирова (Джемилева) Фатма Люмановна, родилась 9 июня 1937 года в гор. Бахчисарае.

О возможной депортации нам сказал мамин брат – Ибраим, комиссованного накануне депортации из фронта и отправленного в командировку на Кавказ. Но дедушка в это не поверил.

Все мужчины нашего большого семейства были на фронте. Одного из маминых братьев, Мустафу Асанова, в военное время оставили в Крыму для подпольной работы. Но немцы его выследили, долго пытали в гестапо и расстреляли. Бабушку тоже арестовали и пытали, пытаясь узнать, где ее сыновья. Дядю Мустафу расстреляли за вокзалом (Эски-Юрт). По рассказам очевидцев, он сам рыл себе могилу. В этой же яме была расстреляна еврейская семья. Нашу семью друзья перевезли в Симферополь.

Поздно вечером к нам ворвались двое вооруженных солдат. Один из них приказал выложить все золото на стол. Мама – Асанова Эсма, ответила, что у нас нет никакого золота. Военный начал рьяно искать, разбрасывать все вещи. Открыл дверцы печки и, увидев там блестящую коробку, вышвырнул ее на пол. А там были мои елочные игрушки. Солдат от злобы стал топтать их ногами. Я реву, мама растерялась. Потом зашли еще двое военных и объяснили нам, что высылают всех крымских татар. Разрешили взять с собой до ста килограмм вещей на человека. Мы начали помогать маме собирать вещи в дорогу: сложили в матрасник перину, две подушки, одежду и, даже примус сунули в мешок. Погрузили нас в машины, которые вереницей стояли вдоль улицы. Дети подходили к водителям и просили, чтобы они покатали нас. На что они отвечали: “Вечером покатаем”. Вот и привезли нас на этих машинах на вокзал. Выгрузили прямо вовнутрь вагона. Вагоны были ужасно грязные, двухъярусные. Мы попали на верхний ярус.

Первые два дня пути нам ничего не давали есть. На третьи сутки раздали каждому несколько сухарей. Через неделю на больших станциях начали выдавать так называемый суп – баланду.

Никакого медобслуживания не было. Вагон был переполнен, крик, шум ужасный. Мы попали в самый первый эшелон. В туалет детей сажали в уголок вагона, а взрослые, наверное, терпели, потому что при каждой остановке люди рассыпались кто куда.

В нашем вагоне умерших не было, но в других вагонах умерших оставляли у железнодорожной насыпи. Хоронить не давали. На больших остановках мама выбегала из вагона и искала свою сестру Анифе и Сальге – жену расстрелянного Мустафы-даи. Таким образом, мама их нашла, и дальше мы ехали все вместе.

Мы были пути 20 дней. Выгрузили нас в Узбекистане, в Сырдарье, в колхозе “Тельман”. Распределили по комнатам. Наша комната была самой “лучшей”: сырой пол, два окна без стекол, дверь закрывается. На соломенной крыше временами свисали змеи. Достали соломы, постелили на пол.

Наши женщины окучивали хлопок огромными узбекскими кетменями, которые еле поднимали. Вечером после работы они волокли кетмени, не в силах их поднять. Помню, мама в чайнике приносила с поля похлебку, которую им выдавали – это была вода, в которой плавали зерна пшеницы.

Через месяц нас разыскал Ибраим-даи. Ему по партийной линии дали направление в Янги-Юль, 10-й сад-совхоз, управляющим 20-го отделения, и он перевез нас туда. Там собралась вся наша родня, одиннадцать человек. Дали нам всем одну большую комнату – бывший склад. Мы сделали ремонт, перегородили комнату и пристроили коридор. Мама устроилась на работу швеей в райпромкомбинат. Дяде выдали мешок муки на семью, бабушка добавляла жмых и пекла лепешки зеленого цвета. Я ходила в детсад, где каждый ребенок приносил с собой дневной рацион хлеба в мешочке. По утрам няня ходила с чашкой патоки и ложкой мазала всем на хлеб. Каждый выставлял свой кусочек хлеба, а я – свой кусочек зеленой лепешки. И заметила, как няня переглянулась с воспитательницей и покачала головой. Я поняла, что у меня что-то не так, как у всех. Вечером рассказала об этом маме – она горько заплакала.

Училась я на русском языке, на родном языке разговаривать не разрешали. Нас презирали, называя “крымскими продажными шкурами”. В техникумах и институтах до 1956 года учились единицы, их считали счастливчиками.

Сейчас у меня двое детей – сын и дочь, трое внуков. Мой муж – Мустафа Саидмамедов – ветеран ВОВ, инвалид I группы.

В Крым мы вернулись в декабре 1993 года из гор. Чирчика.

На фотографии слева я, справа – Светлана Асанова, моя двоюродная сестра, дочь Мустафы Асанова.

Мой адрес: г. Симферополь, микрорайон Акмечеть, ул. Кемал Якуба, 33.

СЕЙТЪЯГЪЯЕВ Муса, родился 17 декабря 1930 года в дер. Къыргъыз Къзакъ Ак-Шейхского района.

Семья была большая: отец, мать, восемь братьев и четыре сестры. Я был самым младшим в семье. Перед депортацией ходили по домам и проводили перепись о составе семьи, о наличии скотины и пр.

18 мая 1944 года ночью зашли в дом трое вооруженных солдат, разбудили всех, поставили к стенке, не разрешали даже пошевелиться. Мама хотела на дорогу взять детям хлеб, но один из солдат пригрозил, что застрелит ее, если двинется. Брат схватился за пальто, но солдат ударил его прикладом. Они сказали, чтобы ничего в дорогу не брали, что нас буду кормить и стали проверять все комнаты, не остался ли кто-нибудь еще.

Привезли на станцию и загнали в товарные вагоны. Солдаты толкали прикладами и кричали: “Быстрее, быстрее залезайте”. В вагоне было очень много людей, даже пошевелиться было невозможно. Воды, туалета не было. В нашем вагоне Асине Ибадлаева родила девочку Замиру.

В пути ни разу не кормили и ничего не давали. Не было никакого медобслуживания. В соседнем вагоне умер старик и 2 дня его никто не забирал, потом оставили на вокзале.

В пути мы были 22 дня. Привезли нас в Узбекистан, в колхоз им. Энгельса Джизакского района Самаркандской области. Жили в сараях, кладовках, бараках. Работали на хлопковых полях. Ежедневно отмечались в комендатуре, позже – через каждые 15 дней. Въезд и выезд был запрещен, за нарушение режима строго наказывали.

После приезда в Узбекистан, умер отец, через месяц умерла мама.

В школе обучались на узбекском языке. До 1956 г. в техникумах и институтах учиться не разрешалось.

Мой адрес: Черноморский район, село Северное, ул. Гагарина 32.

Сеферова (Ислямова) Майе Исмаиловна, родилась 5 июля 1938 г. в деревне Калымтай Бахчисарайского района. Состав семьи: отец Ислямов Исмаил (1891), мать Аблаева Шефикья (1915), братья Эмир-Осман (1936), Сеит-Селим (1940), сестрёнка Сание (1944 г.) и я.

О предстоящей депортации мы не догадывались. 18 мая 1944 года утром рано нас разбудил стук в двери с руганью и возмущением - мол, что до сих пор не проснулись?. Вошли двое солдат с автоматами и приказали собираться и идти к машине. На сборы дали 10-15 минут. Из-за спешки мама успела взять только узелок с какими-то документами. Папы с нами не было. До депортации фашисты сделали в деревне облаву на мужчин и всех заточили в свои лагеря. Боялись, что они уйдут к партизанам. Когда мама с нами залезла на грузовую машину, в которой битком и плотно сидели люди, солдаты приказали, чтобы шофёр поехал. Тут мама вскрикнула, плача она умоляла: «пождождите». Вспомнила, что не взяла новорождённого ребёнка. Оставив нас, она побежала в дом и забрала ребёнка.

Отец, вырвавшись из лагерей, на десятые сутки депортации смог найти нас, ища по всем товарнякам. Я хорошо помню грязные, тёмные, холодные вагоны. Там не было никакого настила или дощечки, на что можно было бы сесть. Не было ни пищи, ни воды, ни туалета. Многие кричали, плакали, умирали. Медицинской помощи тоже не было. Ехали около 20-и суток. Привезли нас в Узбекистан, в совхоз «Янгиюль» Ташкентской области. Поселили в каком-то клубе, по 17 семей на одно помещение. Сначала нас встретили плохо, но потом люди поняли, что мы цивилизованный народ. Взрослые постоянно ходили на подпись. Для строительства дома материалы не выделялись. Родители работали в совхозе. Трое детей в нашей семье умерли от болезней. В 1947 г. меня и сестру записали в школу, где мы обучались на русском языке. До 1956 г. свободное перемещение не разрешалось.

Проживаю в г. Ялта-24, ул. Адаманова, 12.

Союков Энвер Идрисович, родился 24 февраля 1914 г. в деревне Дерекой (Ущельное) Ялтинского района.

О депортации узнали от двух солдат, которые нас разбудили во второй половине ночи 18 мая 1944 года. Солдаты сказали: «Вас высылают, выходите через 20 минут с 3-х дневным запасом питания». Мы в это время с женой и дочкой были в доме тёщи. Она жила с тремя дочерьми в Ай-Василе.

Нас под охраной вооружённых солдат вывели на улицу. Через двое суток в старых грузовиках через Ай-Петри нас доставили на станцию Сюрень. Вагоны, в которые нас грузили, были без полок, об удобстве речи быть не могло. Туалета, воды, медперсонала в вагоне не было. На третий день накормили солдатской баландой. Труп одной старушки забрали из вагона. В дороге были 19 суток.

Выгрузили на конечной станции Нагорная в Самаркандской области Узбекистана. Привезли в совхоз «Улус». Режим передвижения был ограниченным, из своего административного района выходить не разрешалось. Поселили в один барак 18 семей (48 человек). Для строительства дома стройматериалы не выделялись. Четверо из членов моей семьи умерли. Дети обучались на русском языке школе №38.

Проживаю в г. Симферополе, Белое-2, ул. Азизлер 31/11.

Табах Усеин Аметович, родился в 1938 году в селе Ускут (ныне Приветное) Алуштинского района.

Семья состояла из 13 детей, 5 из которых умерли до войны. Когда началась война, трёх старших братьев забрали на фронт.

18 мая 1944 года моих родителей и нас пятерых детей, как и других моих соотечественников, загрузили в вагоны и вывезли из Крыма.

Целый месяц мы ехали в товарном вагоне. Везли нас в Узбекистан. Привезли на станцию Масальский Ферганской области. Распределили по узбекским семьям. Жили в тесных маленьких комнатах без окон и дверей. Моя младшая сестренка, которой исполнилось 2 года, умерла через два месяца. Мы голодали, так как работать было некому, все были детьми. Отец умер через 4 месяца после депортации. В 1946 г. меня и старшую сестру отдали в детский дом. Когда старшие братья вернулись из фронта, они нас забрали к себе. Времена были очень трудные, каждый день гибли люди. Мы переболели малярией, дизентерией. Сейчас нас осталось трое из 13 детей. Все мы пенсионеры, есть дети, внуки.

Проживаю в г. Симферополь, м/р Фонтаны.

Таирова Урие, родилась 14 мая 1909 года в дер. Бельбек Балаклавского района. В 1925 г. вышла замуж за Мемета Кемал-огьлу.

А 1938 г. раскулачили семью мужа, его забрали. До сих пор не известно, где он похоронен. Урие с четырьмя маленькими детьми по решению собрания колхоза выслали за 60

километров от деревни. Куда идти, где найти приют? Направилась в Симферополь. С большим трудом нашла угол, устроилась работать на фабрику...

Вечером 17 мая 1944 года выкупала детей, на следующее утро встала рано, чтобы заняться домашней работой. Шум, крики – это односельчан сгоняли к ним во двор. Кое у кого в руках были узелки. Урие разрешили взять пять килограмм муки. Привезли на ст. Сюрень, там продержали двое суток. В вагоне находилось около пятидесяти человек. Вагон “запечатали”, никого не выпускали. Замучили вши.

В пути были 24 дня. На одной из станций стояли 5 суток. Там она потеряла дочь, которая пошла с чайником набрать воды. Поезд внезапно тронулся, дочка не успела сесть в вагон. Урие хотела выброситься в окно. Но ехавшие в вагоне успокоили ее, сказав, что дочь успела сесть в другой вагон.

Привезли их в Узбекистан, на станцию Сырдарья. Одну часть крымских татар оставили работать в колхозе “Большевик”, другую отправили в Бекабад.

“Словами не передать все страдания” – так говорит Урие апте. Выделили “дом” без дверей, окон, пол земляной. Нашли одно одеяло, завесили дверь. В доме находилось две семьи. Выделяли на месяц детям по 200 грамм муки и 500 грамм для матери. Бригадир-узбек въезжал на лошади в дом и плеткой выгонял на работу. Поднять кетмень не было сил. От голода дети начали пухнуть. У сестры оказались сохраненные золотые часы. Их обменяли у таджика на зеленые помидоры.

Семья дяди Ибраима попала на Урал. Он разыскал Урие и семью тети, которая проживала в колхозе им. Сталина, Аккурганского района. Семья Урие жила в отделении №2, а тетя – в отделении №5. Разъединял их канал на расстоянии три километра. Комендантский режим не позволил объединить две семьи. Дядя решил объединить эти две семьи: останутся живы или умрут, но будут вместе... Тайно от коменданта погрузились в лодку, взяли свое “богатство” – одну кастрюлю и через канал переправились на другой берег. Было холодно, шел снег, голодные, еле-еле преодолели эти 3 км. Тетя нагрела воды, попарила их, 3 дня пролежали на печи, чтобы не заболеть.

14 лет прожили в этом колхозе. В школу дети не ходили, все работали на хлопковых полях.

Эта мужественная женщина воспитала 4 детей, имеет 11 внуков и 40 правнуков. Когда рассказывала про свою жизнь, не могла сдержать слез: “Очень издевались над крымскими татарами”.

Сейчас Урие апте живет по адресу:

г. Бахчисарай, улица Краснофлотская, дом 31.

(Со слов Урие апте записала М. Идрисова)

Томакова (Абдураманова) Дамира Абдурамановна, родилась в 1936 году в дер. Чоргъуна Балаклавского района Крымской АССР. Мои родители: отец – Абдураман Бекиров (1913 г.р.) и мать – Мунивер Кубединова (1912 г.р.) родились и жили в дер. Уркуста Балаклавского района. Отец – завуч и учитель истории и географии (закончил Симферопольский педагогический институт), а мать – учитель начальных классов (училась в Ялтинском

педагогическом училище), работали в местной школе. В 1938 году в дер. Старшуль родилась моя сестренка Ленмира. В 1941 г. отца назначили директором 7-летней школы дер. Уркуста, но началась война...

Отец и его братья Якзуб и Юсуф Бекировы ушли на фронт и не вернулись... Пришло известие, что мой отец – старший сержант Абдураман Бекиров, проявив героизм и мужество был убит 4 марта 1943 года в боях под станицей Черкесский Краснодарского края.

Ночью 18 мая 1944 года два советских солдата ворвались в наш дом и с криками: “Собирайтесь, вас выселяют, уже все ваши на кладбище”, направили на нас дуло автоматов. Мы только проснулись и ничего не могли понять, а мама пыталась им объяснить, что она только что после операции и не может быстро двигаться, просила разрешения сходить через огород к своему отцу, но солдаты стали пугать и стрелять вверх. “Мой муж тоже солдат, как же вы можете?” – причитала мама. “Пожалев” нас, они разрешили взять на два дня еды, а моя сестренка ухватилась за свою куклу. В суматохе мы оставили все документы, из-за чего в дальнейшем приходилось очень трудно.

В депортации нам, как и всем другим, у кого не было документов, возраст определяли по внешнему осмотру – «по зубам», преднамеренно искажая при этом возраст в свою пользу – режиму нужны были люди трудоспособного возраста. Так, мне написали 1938 год. На два года позже вышла на пенсию, не сумев доказать ошибку.

...Когда мы прибежали под дулом автоматов на кладбище, все село было уже там. Оказалось, что наш дедушка напомнил о нас, а так мы бы и остались одни, не подозревая о том, что всех крымских татар в одночасье решили насильственно выселить из Крыма. Поистине, жестоким фантазиям тирана нет предела. А верноподданное окружение готово по первому же зову выполнять безумные приказы чудовища в лице главы государства... Уже всё было готово к отправке людей.

Нас запихали в скотские вагоны, без окон, двухъярусные, а засов не могут закрыть. Опять беда! Меня вырывают из рук дедушки Кубедина, его заталкивают в другой состав. Так мы оказались на Урале, а семья дедушки – в Средней Азии, в с. Мирзачуль, по названию местных – Голодная степь.

Выгрузили нас где-то на 15 день в селении Мадары Марийской АССР. Кругом лес, местных людей не видно. Расселили в длинных бараках с ярусами. Не успели опомниться, как погнали на рубку и свалку деревьев, в том числе и детей. Ни школы, ни больницы не было. Кругом грязь, клопы, вши, комары... В общем, привезли на вымирание. Взрослые поговаривали: тем, кто умер в пути, повезло больше. Только терпение и сплочённость помогли выжить нам в этих, поистине, чудовищных условиях!

С места на место нас переселяли три раза. Обещали через месяц увезти, но пробыли мы там десять каторжных лет, до 1954 г. В школу с сестрой ходили через день (так как была одна пара обуви и одежды) за 9 километров от нашего селения, учились на русском языке «на отлично». Переболели все остеомиелитом (туберкулез костей). Каждый день кого-то хоронили, люди впадали в отчаяние, но верили в справедливость и не держали зла на другие национальности, хотя и часто слышали в свой адрес слово “предатели”. В школе дети писали ручками в тетрадях, а нам, крымским татарам, учителя давали старые газеты и мы писали на полях карандашом. Чуть позже мы научились собирать клюкву, продавали ее или меняли на тетради и хлеб. Я с мамой ходила отмечаться в спецкомендатуру. Люди нас жалели и помогали, кто, чем мог.

Все эти годы наш дядя Сейфутдин, брат мамы, искал нас по всему Советскому Союзу, где находились на высылке крымские татары. И вот мы едем в Узбекистан, к родным. И опять всё сначала, в который раз приходится обустроиваться... Взяли участок и постепенно втроём (мама, я и сестра) построили маленький домик.

Я заочно закончила Ташкентское педагогическое училище (начальные классы), а сестра – Ташгоспединститут (русская филология). Так мы продолжили династию учителей. Кроме родителей, учительницей была мамина сестра Кевсер, а потом и мой муж – Мустафа Аметович Томаков (историк) и моя дочь Эльвира (психолог). В общей сложности я проработала в гор. Гулистане учителем 39 лет, а муж – 30 лет. Он родом из Айсереза Судакского района (1937-1999). Похоронен в селе Садовое Нижнегорского района, куда мы переехали в 1990 году, продав за бесценок построенный дом в Узбекистане. Не прописывали 2 года в небольшом (поселенческом) домике, приобретённом на свои сэкономленные учительские оклады. В двух комнатках жили семья моей старшей дочери Гульсум Томах (по профессии она – оперная певица), семья моей сестры Ленмиры, моя мама, муж и младшая дочь (всего 10 человек). На работу не принимали даже на обрезку деревьев, так как не было прописки. Общими усилиями построили еще 2 комнаты, зарабатывая на продаже садовых плодов и огорода. Так моя дочь (теперь она заслуженная артистка Крыма) и зять Ферат Меметов (скрипач по образованию) стали “челноками” на Родине. Это было ещё одно запланированное удушение крымскотатарской интеллигенции и испытание на выживание. И это испытание мы, как впрочем, и тысячи крымских татар, с достоинством выдержали, и доказали свою преданность крымской земле, трудолюбие и порядочность, высокообразованность и талант!

И нет уже в живых мамы, сестры Ленмиры и мужа, но жизнь продолжается, и я счастлива уже тем, что прах их покоится в родной крымской земле, а советским сатрапам не удалось сломать мой народ и ассимилировать, растворить в чужом этносе. А мои дети сделают всё, чтобы трагедия 1944 года не повторилась никогда!

В настоящее время проживаю в Евпатории рядом с дочерью Гульсум. Она работает солисткой Крымской Государственной филармонии в гор. Симферополе, ее муж Ферат Меметов – директор крымскотатарского ансамбля “Хайтарма” в Евпатории. Младшая дочь с семьей проживает в Москве.

Мой адрес: город Евпатория, улица Сытникова 6/10.

Топуз Мерьем Ахтемовна, родилась 2 сентября 1909 г. в Ялте (Ай-Василь). Состав семьи: мать Топузова Тензиле (1872 г.р., погибла в депортации в 1946 г. от голода в Таджикистане, в кишлаке Ташрабад), я и дочь Гуллю.

Узнала о депортации 18 мая 1944 года от вооруженных офицера и 8 солдат. Офицер зачитал приказ о депортации. Я взяла еду и одежду, дочь взяла фотографии. Вещей было мало.

Высылали из Ай-Василя, куда были доставлены в сопровождении вооружённых солдат. Вагоны, в которых нас высылали, были товарные, ужасные. Грузили под дулами оружия.

В вагоне было 80 человек. Воды, света не было. Было жарко. В пути нас не кормили, люди делились, чем могли. Я была медиком, помогала больным, насколько это было возможным в тех условиях. Умерших оставляли у железной дороги, когда останавливался поезд, хоронить не могли. Ехали 25 дней. Привезли нас в г. Бекабад Узбекской ССР. Через год сказали, что

нас везут в Ялту, а привезли в Ташрабад Таджикской ССР, где условия жизни были хуже, чем в Бекабаде. Жили в землянках. Люди стали умирать. Без разрешения мы не могли никуда ездить. Везде нас встречали как врагов. Заставляли собирать хлопок. Я работала медиком и до 1965 года с дочерью жила в медпункте. В школу дети не ходили вообще.

Топуз Мерьем умерла в Ялте в 2003г.

Адрес Г. Топузовой: г. Ялта, ул. Тимирязева, 33, кв. 42.

(Написала дочь Топузова Гуллю,

которая вместе с матерью была депортирована из Крыма).

Топузов Дявер Гафурович, родился в 1933 году в дер. Корбек Алуштинского района. Наша семья состояла из: мамы – Фатиме Топузовой (1908 г.р.), сестры Джеваир (1928 г.р.), меня и брата Эскендера (1938 г.р.). Отец – Гафур Топузов был коммунистом, до войны работал зам.председателя райпотребсоюза гор. Алушты. Во время оккупации его оставили на подпольной работе. Хорошо помню, как перед приходом немцев наши из складов райпотребсоюза вывозили продукты в лес для партизан. Отца во время оккупации два раза сажали в тюрьму, но местные жители собирали подписи и его освобождали. В третий раз уже никто не смог помочь отцу, его забрали в гестапо города Ялта, где, как мы слышали, его расстреляли в колодце. Больше о нем ничего не знаем.

18 мая 1944 г. около трех часов ночи нас разбудили стуком в двери. Мы перепугались, мама открыла дверь, стоят два солдата, в руках автоматы. С криком “Собирайтесь! Вам 15 минут на сборы, вас выселяют”. Мама отвечает: “Вы, наверное, ошиблись. Моего мужа немцы расстреляли”. В ответ: “Мы ничего не знаем, собирайтесь. На каждого еды по пять килограмм”. Старшей сестре 16 лет, мне 11, что мы могли взять!? Один солдат наблюдал за нами, второй осмотрел двор и опять вернулся. Мама сказал мне: “Иди, развяжи корову и выпусти овец”. Я схватил нож, отрезал привязанную веревку и отпустил среди ночи корову.

Было темно, когда нас вывели в “Харманлар” – это центр деревни. От центра собравшихся людей вывели на край деревни – “Айлянма”. Нас там продержали под открытым небом до заката солнца. Машины вывозили с утра. К вечеру нас, пять семей, погрузили в одну машину, ноги свисали за бортом. Ночью привезли в Симферополь, на ж/д вокзал. Машины подогнали вплоты к вагонам и загоняли людей вовнутрь. Пока до нас дошла очередь – вагон заполнился. Водитель отказался подавать машину в другой вагон. Нас сбросили прямо на землю. Вагоны высокие, мы еле забрались в другой вагон. В вагоне было семей 15, за нами закрыли дверь. Закрытыми ехали около суток. Туалета, воды не было. Кормили один раз в сутки печеным хлебом из горелой молотой пшеницы, кушать было невозможно. Еще помню, давали горячий суп из листьев капусты.

Медицинского обслуживания не было. Умерших в дороге оставляли прямо на шпалах, прикрывая какой-нибудь тряпкой.

В пути были две недели. Привезли нас в Узбекистан, гор. Бекабад, ст. Хилково. Потом погрузили в ж/д платформы и повезли на плотину, где строился мост через реку Сырдарья. Разместили нас в землянках, где до нас содержали военнопленных. В каждой землянке мы жили по 5-6 семей. Первые дни было очень трудно. Болели малярией. Пили грязную, мутную воду из Сырдарьи. Хлеб выдавали из расчета: работающему - по 500 грамм, на иждивенца –

по 200 грамм. Потом по вызову наших родственников мы переехали в совхоз №2 ДВЗ, в подсобное хозяйство Фархадской ГЭС.

В первые дни депортации умирали очень много наших соотечественников. Из больницы совхоза на арбах штабелями вывозили мертвых. Копать могилы было некому, рыли небольшие ямы, в которых и засыпали умерших. Днём хоронили – ночью шакалы растаскивали мертвецов...

Мать работала поваром в детском саду. Она одна сохранила нас, троих детей, поставила на ноги. Ей в 1944 году было 36 лет...

Каждый месяц ходили к коменданту на подписку о невыезде. Свободного перемещения не было. Если поймают за пределами спецпоселения – 20 лет тюрьмы.

Несмотря на все трудности, мы выжили. Младший брат ныне проживает в Петербурге, он – профессор, зав.кафедрой мединститута. Мне же не пришлось учиться.

Мой адрес: г. Симферополь, микрорайон Фонтаны-3, ул. Сельби, 14.

Туварчиев Халиль Асанович, родился 12 августа 1927 г. в селе Капсихор Судакского района. Состав семьи: отец Туварчи Асан Халил огълу (1889), мать Мерьем (1902), сёстры Фатиме (1924), Айше (1933), брат Ибраим (1930) и я.

18 мая 1944 года, во время принятия отцом ритуального омовения перед утренним намазом, три офицера с пистолетами в руках ворвались во двор и крикнули «руки вверх». Я побежал к отцу, меня схватили за шиворот и пнули ногой. На сборы дали 5 минут. Сказали, что высылают далеко на Восток. Никакого имущества взять не разрешили. А взятое матерью ведро пшеницы офицер тут же высыпал, говоря: «Это вам не понадобится». Но, всё же, в суматохе мать сумела повторно наполнить казанок пшеницей. Благодаря чему мы спаслись от голода в пути.

На выезде из села, на площади у табачного сарая, собрали всё село. Там люди простояли до вечера. На крыше сарая были установлены три пулемёта. Неожиданно одним из них была произведена очередь пулемётного огня. Были ранены 7 человек. Один из них, мой дядя, впоследствии от полученных ран скончался в поезде. Кроме военных, конвоировавших людей, вокруг села на возвышенностях было более 80 стрелков. Вечером стали грузить в грузовики. Грузили в разные машины. Мы с отцом попали в один, а мать с остальными в другой. Когда отец попытался пересесть к ним, его ударили прикладом. Нас отвезли в Феодосию. Там погрузили в телячьи вагоны. Случайно мы узнали, что остальные члены нашей семьи находятся в восьмом вагоне. Мы с отцом, рискнув, смогли перебраться туда. Вагон был переполнен, тот, который мы покинули, оказался направленным на Урал, мы же с семьёй оказались в Узбекистане. Во главе и хвосте состава находилась вооружённая охрана.

В нашем вагоне было до 60 семей. До Саратова поезд шёл без остановки. Еду и воду не давали. В городе Энгельс дали 200 гр. хлеба и черпак баланды из гороха. Начиная от г. Энгельса до Ташкента кормили всего три раза.

Врачебной помощи не оказывали. Умерших и людей при смерти забирали солдаты в белых халатах. Я видел, как ещё живого человека они скинули с носилок за штабеля шпал, говоря: «Если там не умер, пусть сдыхает здесь».

Весь путь от дома до Бекабада составил 21 день. Жили в отделении «Дальверзин-5». Находились под комендантским режимом. Власти встречали словами «продажные шкуры». Поселяли, где придётся. Нашу семью поселили в скотском сарае. Для строительства ничего не давали.

В основном работали на хлопковых полях. До 1947 г. я за тарелку супа работал слесарем в тракторном парке. Отец, братишка и сестренка скончались в 1947 г. от голода и дизентерии. Школа была на узбекском и русском языках.

Проживаю в Судакском районе, с. Капсихор (Морское), ул. Озенбою, 12

Уркумет Эреджеп Хуртумер-огълу, родился 15 февраля 1926 года в дер. Ускут Алуштинского района.

Семья состояла из шести человек: мать, брат, я, и три сестренки.

Ранним утром 18 мая 1944 года нашу семью разбудили крики автоматчиков. Когда они ворвались в дом, приказали: “Собирайтесь!”. Объявления о депортации не было. Разрешили взять до 15 килограмм груза. На сборы дали 10 минут. С криками, оскорблениями нас выталкивали на улицу. Кто что успел схватить, то и взяли. Я сунул в карман машинку для стрижки волос. Один из солдат это увидел, достал из своего кармана рожок с немецкими патронами, положил на полку, сделал круг по комнате и вроде нашел патроны, предъявил мне обвинение в пособничестве немцам и нахально потребовал машинку.

Всё население деревни – в основном стариков, женщин и детей, военные собрали во дворе школы, и опять с криками, оскорблениями и угрозами толкали в спины автоматами и погрузили в грузовики.

Через перевал “Алакат бугаз” повезли в Симферополь. Когда привезли на вокзал, окруженный автоматчиками, тут же подогнали машины к вагонам, разгрузили в вагоны для перевозки скота. Кругом плач, крики, стоны. Солдаты же, не обращая внимания на наши отчаянные крики, усиленно загоняли людей в битком набитые телячьи вагоны.

Не помню, сколько людей было в вагоне, да и кто считал? Невозможно описать весь этот ужас... Не было воды, туалетов... За все время пути кормили всего четыре или пять раз мисочкой баланды. Никакого медицинского обслуживания не было, даже не было вопросов о состоянии здоровья беременных женщин, которые рожали в этих же вагонах, и слабых детей.

Очень много людей умирало в пути, иногда сутками эти покойники ехали в этом же вагоне, или же просто приходилось сбрасывать на пятиминутных остановках, в лучшем случае хоронили наспех, только успев закопать.

За 18 суток пути потеряли половину родных. Мы попали в Нижне-Чирчикский район Ташкентской области Узбекской ССР. С 1944 по 1956 гг. мы все числились как спецпереселенцы с ограниченными правами передвижения, т.е. не имели право покидать границы поселка без специального письменного разрешения от местных властей и комендатуры. Нарушение каралось 10-15 годами тюремного заключения.

Встретили нас на местах, как эзков, оскорбляя и укоряя, как предателей родины. Нашу семью поселили в одной конюшне с другими 20-ю семьями. Спали на соломе. Работали в

основном на хлопковых полях и стройках, и на узбека – за кусок хлеба. Чтобы выжить, приходилось работать по 12-15 часов в день за кусок хлеба. Не многим пришлось выжить, и особенно, тем, у кого не было в семье мужчин.

Ни денег, ни стройматериалов на строительство домов не давали.

В нашей семье все выжили, так как мы с братом работали. Отца забрали еще в 1937 году, как мусульманского деятеля. Обучение в школе проходило на русском языке.

Сейчас живу в Алуште, село Приветное (Ускут), ул. Горького 14-б.

Усеинов Адиль, родился 6 июня 1934 года в гор. Симферополь (предок родом из дер. Отуз Судакского района).

Семья: мать Шефика Усеинова (1912 г. р.), брат Наиль (1931 г.р.), отец Мемедулла (1907 г.р.) – журналист, редактор, переводчик, работал в КрымГИЗе, газете “Къызыл Къырым”, умер 26 апреля 1940 г. от менингита. Семья наша жила в гор. Симферополе, по ул. Нижнегоспитальной, 35. С началом фашистской оккупации Крыма мы переехали в Отуз, в большой дедовский дом к бабушке Асие, куда приехали все сестры и невестки матери с детьми, их мужья были на фронте. А нам всем вместе было легче выжить.

18 мая 1944 года рано утром в дом ворвались солдаты, приказали собраться и выходить. Мать успела взять узелок с документами, кое-что из еды. Нас привезли на станцию Феодосия, погрузили в скотские вагоны, крики и плач стояли невообразимые. Мы с родственниками попали в один вагон. Эшелон шел без остановки несколько суток. Ни о каком медобслуживании и питании не было речи. В степях на коротких остановках мать умудрялась найти воду, развести огонь и сварить в казане какую-нибудь похлебку. Спасло и то, что рядом были родные.

18 июня прибыли в Карадарьинский район Самаркандской области. Нас отвезли в кишлак Каттамин, поселили несколько семей в глинобитной каморке без окон. Сильно страдали от жары и голода. Выгоняли нас на работу на хлопковые поля, люди не выдерживали жары, пили из арыков мутную воду, болели малярией. Бригадир-узбеки очень зверствовали, били плетками, выгоняли на работу даже больных. Однажды бригадир сильно ударил меня по голове кетменем. Мать заголосила: “Аллах, джезасыны вер, мен де горейим!” («Аллах, накажи его! Дай мне увидеть посланную тобой кару»). Это было страшное проклятие! Через некоторое время на глазах у матери этот бригадир погнался на лошади за беглецами и, на полном ходу, врезался головой в дерево.

В 1947 г. умерла бабушка Асие. Вернулся с фронта старший брат матери Керим, офицер, помог нам перебраться в гор. Самарканд. Я там учился в узбекской школе, потом – в вечерней, работал в кислотном цехе вино-водочного завода. Обо всем происшедшем я много размышлял, записывал свои мысли, в душе зрел протест против чудовищной несправедливости. В год юбилея Сталина – 1950 г. я в своей тетрадке излил всю накопившуюся ненависть к кровожадному правителю в форме стихов. Забыл тетрадку с записями в школе в столе. Ее нашел и тут же услужливо доставил “куда надо” наш комсорг. Меня арестовали 23 сентября 1950 г., осудили за антисоветскую агитацию (ст.58 п.10), приговорили к десяти годам. Долго возили по Союзу, ни в одну колонию меня, малолетнего политического, не брали. Отсидел в колонии в Березовке Красноярского края 4 года, после смерти Сталина 22 августа 1954 г. освободили, по постановлению Президиума Верховного

Суда Узбекистана от 30 июня 1989 г. реабилитирован за отсутствием в действиях состава преступления.

С 1956 по 1989 гг. был руководителем инициативной группы крымских татар микрорайона улиц Куйбышева, Менделеева в гор. Самарканде, неоднократно ездил в Москву в качестве представителя от Самарканда, окончил исторический факультет Самаркандского государственного университета.

Более десяти лет поработал в школах гор. Самарканда, вернулся в Крым в 1989 г. Живу с семьей в с.Трудовое Сакского района, с 1989 по 2002 гг. был на должности председателя местного меджлиса с. Трудовое.

Усеинова Сиза Мустафаевна, родилась в 1938 году в гор. Бахчисарае. Наш дом находился во дворе старого военкомата, стоит он и поныне. В семье было 5 человек: мама, две сестры, я и сестренка. Бабушка забрала меня и сестру на три дня к себе в деревню Шули. Отец находился в трудармии.

18 мая 1944 года рано утром нас разбудили солдаты и сказали, чтобы одевались, взяли необходимые вещи, продукты и выходили из дому.

Привезли на станцию гор. Бахчисарая. Машины подогнали к вагонам и выгрузили туда. Мы жили среди русских и знали русский язык. Сестра кричала, чтобы отпустили нас, что наш дом близко, но ее никто не слышал. Мама искала нас, металась с одного вагона в другой, но ее везде выталкивали. В дороге нас нашел отец.

Привезли в Узбекистан, в Ташлак. Каждый день после работы отец отводил нас в сторонку, выбирал у нас вши. Он, наверное, думал, что только у нас вши. Вскоре отец заболел, его отравили в больницу, где он и умер. Потом от голода умерла бабушка. Меня и сестру определили в детдом. Я заболела, положили в больницу. Помню, давали кусочек черного хлеба, но из-за болезни я не могла его есть, поменяли на сушеный урюк. Потом заболела сестра, наши койки находились рядом, через два дня она умерла.

Мать попала в Самаркандскую область, гор. Джамбай, 69-й разъезд. Ее выслали 19 мая, им не хватило вагонов. У кого были маленькие дети, всех отправляли в колхоз. Мама боялась, что ее тоже отправят в колхоз, поэтому хваталась за любую работу. Ночами грузили свеклу в вагоны. Днем брала с собой сестренку, привязывала ее веревкой к дереву. Сестренке было 1,5 года.

Возвратившийся с фронта мамин брат, мой дядя, выхлопотал разрешение и вскоре меня забрали из детдома.

Сейчас проживаю в Первомайском районе, село Сусанино, улица Трудовая, 22.

Усеинова (Аблякимова) Эмине Бекировна, 1939 года рождения. Родом я из дер. Кутлак Судакского района, отец Бекир Абляким-огълы Мазин 1904 г.р. – накануне высылки его забрали в трудармию.

18 мая 1944 года дома были мама Хатидже Амет-кызы (1909 г.р.), брат Абляким (1930 г.р.), сестра Анифе (1936 г.р.), я и сестренка Асие, шести месяцев от роду. Помню солдата, который что-то жестами пытался объяснить маме, а она не понимала по-русски, металась по комнатам. Мы жили на втором этаже двухэтажного дома. На первом этаже жил дядя с женой и двумя детьми, они приехали в начале войны из Керчи и наша старая бабушка Эсма. Мы с сестрой от страха плакали навзрыд, а мама надела себе на шею Коран и схватила на руки сестренку. Солдат нам попался добрый, он помог маме собрать вещи – сам накидал в узел вещей, одно шерстяное одеяло (оно пригодилось нам на Урале, из шерсти мама связала нам носки).

Жителей собрали на кладбище. Пока шли, мама все время читала молитвы, думали, что нас ведут на расстрел. До темноты сидели на кладбище, потом нас погрузили в пришедшие машины и повезли до Феодосии. Брат развязал в сарае нашу корову и выпустил, а она кричала нам вслед.

На станции нас погрузили в вагоны, была страшная теснота, помню, что очень хотелось пить. Во время коротких остановок мама бежала в степь, находила сушняк, разводила огонь и быстро что-то нам варила. И когда раздавался гудок, хватала кастрюлю с огня и бежала в вагон. У меня все время был страх, что мама не успеет и останется в степи.

Нас привезли в гор. Молотовск (Пермь), потом погрузили в старый пароход, полный вшами. Довезли до Красновишерска, а затем на барже, по реке Вишера вверх 150 километров, до деревни Вая, дальше были еще несколько деревень и всё. Поселили нас на лето в бараках, потом зимой подселили в деревне в дома. Младшая сестренка Асие умерла зимой от холода. Мама уходила на работу, мы – три маленькие девочки оставались одни в холодной комнате. Брат с 14 лет пошел работать – сопровождал сани, которые доставляли продукты по замерзшей реке вниз в Красновишерск и обратно. В 16 лет он отпросился у коменданта, чтобы учиться в Красновишерском ремесленном училище, работал на бумажной фабрике.

В 1947 году нас разыскал отец и прислал вызов в совхоз Паласс Ленинадской области (он там работал садоводом). Комендант вызвал маму, дал ей вызов и пригрозил, что если мы за сутки не уберемся из дер. Ваи, то он вызов отберет и сказал, что катер на Красновишерск (единственный способ выбраться из Ваи) уже ушел. Катер приходил за три летних месяца всего три раза. Это был май 1947 года. Мама собрала нас с сестрой (на ногах вязаные чоботки) и мы пошли по лесу, вдоль телеграфных столбов. Шли 12 километров (это мы потом узнали). Дошли до какого-то леспромхоза, там нам встретился добрый человек, спросил, откуда и куда мы идем. Потом позвонил в Красновишерск, затем коменданту дер.Ваи, сказал, чтобы вернулись в ближайшую деревню и что катер будет утром. Нам пришлось снова идти 12 километров, снег растаял, внизу подо мхом лед. Дошли до дер. Гостиная, переночевали у родственников, а утром действительно пришел катер. Добрались на нем до Красновишерска, зашли к дяде Умеру, забрали нашу бабушку Эсму, брата с нами не отпустили с фабрики, ему нужно было отработать после учебы. Потом вчетвером с мамой, сестрой и бабушкой 20 дней добирались до Ленинабада.

Переболели всеми болезнями: и тифом и малярией, чего только не пришлось пережить. Уже в Таджикистане, в совхозе Паласс, я пошла в школу, училась на русском языке. Окончила Ленинадское медицинское училище, много лет работала акушеркой.

Мой адрес: Сакский район, село Трудовое, ул. Парковая, 25.

(Записала дочь Гульнара Усеинова).

Фахри Асан Меметович, родился в 1930 г. в селе Капсихор Судакского района. 18 мая 1944 года в 5 часов утра трое военных с оружием в руках подняли нас с постели со словами: «Вас выселяют! Собирайтесь!», не дав нам 5 минут на сборы и не разрешив взять с собой ничего из одежды и еды. Приговаривали, что там этого не нужно будет, и усадили на грузовые машины. Нашу семью: отца – Фахри Мемета, мать – Мелек, бабушку – Ашме, братьев Мамеда, Ибраима, Мустафу, меня и сестренку Гульсум увезли в Феодосию. Там загрузили в товарные вагоны и заперли. Двери не открывали до самого Саратова, где впервые был выдан паек, состоящий из 200 гр. хлеба и гороховой баланды, которые достались не всем. От давки, удущья, голода и отсутствия медицинской помощи люди умирали. Хоронить их не разрешали. Трупы сбрасывали на обочину железной дороги, туда же отправляли и еще живых тяжелобольных людей. За более 20 дней пути битком набитые вагоны заметно поредели.

Высадили нас на станции Хилково Бекабадского района Ташкентской области и отвезли в третье отделение дальней зоны высылки: Дальверзин-3. Всех людей переписали и предупредили, что каждый будет ежедневно отмечаться. Нас поселили в бараке. На 1 м² приходилось по 3-5 человек. Нас всех принуждали работать, в основном, на хлопковых полях. Поначалу отношение местных властей и населения к нам было грубым и циничным. Многие люди умирали. Из нашей семьи в живых остались только я и братишка Мамед. Чтобы не умереть от голода, нам кроме работы на хлопке, приходилось батрачить на подворьях местных жителей.

Проживаю в Судакском районе, с. Морское.

Февзиева (Аблаева) Сеза, родилась 29 января 1937 года в гор. Бахчисарае. В мае 1942 года родилась сестренка Фадьме. Отец воевал на фронте. На момент депортации в нашей семье было шесть человек, с нами жила бабушка с младшей дочерью. Самой старшей из нас было 8 лет, средней 6 лет и младшей 2 годика.

18 мая 1944 года на рассвете, когда мы спали, раздался сильный стук в двери. Мама открыла – стоят трое вооруженных солдат и говорят: “Быстро собирайтесь, 15 минут вам на сборы”. Мама стала плакать и спрашивать: “Куда собираться? У меня трое маленьких детей и старая мама, дочка маленькая лежит с высокой температурой”. Солдаты и слушать не захотели, только разрешили взять с собой немного продуктов и несколько детских вещей. Солдаты принесли одну тачку на три семьи и погнали нас пешком за тачкой до ж/д вокзала. Я посадила на спину больную сестренку. Мы жили недалеко от вокзала и когда нас пригнали туда, то увидели во фруктовом саду под деревьями плачущих людей. В основном это были старики, женщины и дети, мужчины воевали на фронте. Никто не знал, что с нами будут делать, все думали, что везут на расстрел. Потом подали скотские вагоны с маленькими решетчатыми окнами, внутри двухъярусные нары. Наша семья поместилась на верхний ярус, и все дни этого страшного пути, мы, дети, не спускались сверху.

В вагоне было очень много людей. Воды и туалета не было. На остановках, если открывали дверь, люди выбегали в поисках воды и еды. Медицинской помощи не было, если умирали в пути, то умершие находились вместе с живыми. Мы все в вагоне завшивели. Когда поезд останавливался, солдаты выкидывали из вагонов умерших. В нашем вагоне одна женщина родила двойню, роды принимали ее соседи по нарам.

3-го июня наш эшелон прибыл на станцию “Скобелево” Ферганской области Узбекской ССР. Нас погрузили в машины и повезли на санобработку в баню. Распределили по колхозам. Наша семья попала в кишлак Кочкарчи. Поселили нас в узбекском доме, где не было ни полов, ни окон. Маму сразу же отправили работать на хлопкозавод, работала в три смены по 12 часов. Летом 1945 г. от голода умерла младшая сестра, мама с бабушкой ее обмыли, завернули в какие-то тряпки и похоронили. Потом могилку не могли найти – затерялась. На следующий год все тех, кто работал на хлопкозаводе, переселили в заводские бараки, где мы прожили почти 30 лет.

По прибытию в места поселений, нас сразу же поставили на спецучет, с 14 лет каждый депортированный обязан был в определенный день и час ходить на подпись. Из города выезжать запрещалось, нарушение каралось тюрьмой.

Мы в школу не ходили, так как надеть нечего было. Вместо школы мы с сестрой ходили на ж/д вокзал собирать мелкие орешки угля, которые продавали на базаре. В летние дни мы рвали траву, клевер и тоже продавали на скотном рынке. Мама приносила с завода хлопковые семена, мы их жарили и ели. Таким образом, мы спасались от голода... .

В 1946 г. пошли в 1-й класс, маминой сестренке было 11 лет, мне – 9. Учились в русской школе, знали только татарский язык. Мама сшила нам форму из крашенной бязи, на ногах были калоши, ходили в фуфайках. Мы рады были учиться, потому что в школе давали бесплатную еду. Мы забыли вкус молока, сахара. С нами в классе учились дети из детдома, и мы им завидовали: они были одеты и питались лучше нас.

Мы не знали, жив ли отец. Оказалось, что он находился в трудармии, работал на шахте в Молотовской области. Он через знакомых разыскал нас, но его к нам непустили. Так и переписывались до 1953 г., пока не умер Сталин и нашему народу стало легче жить. 18 марта в сопровождении работников НКВД отца привезли к нам, сразу поставили на спецучет в комендатуру. Отца я увидела через 12 лет, когда училась в 7-м классе.

В 1954 г. мы с сестрой закончили 8 классов, пошли к коменданту просить разрешения ехать учиться в другой город. Нам дали разрешение, но с условием, чтобы сразу же по приезду стать на учет. Поехала в Коканд и поступила в медицинский техникум. Ходила каждый месяц на подпись о невыезде, пока с крымскотатарского народа не сняли комендантский режим в 1956 г.

Мы – дети войны, три года были под бомбежкой, видели все ужасы оккупации и депортации своими детскими глазами. Нам уже по 70 лет, кто вернет наше отнятое счастливое детство?

Мой адрес: город Симферополь, микр-н Акъмечеть, улица Кемаль Якъуба, 36/1.

Хайрлаева (Халилова) Нурие, родилась 12 ноября 1929 г. в деревне Ортай Ислям-Терекского района.

В 1944 году наша семья состояла из: мамы Куртмоллаевой Абибе (1910), маминой сестры Вайде (1916) и четверых детей, я самая старшая. Младшая была 1941 года рождения.

Вечером 17 мая 1944 г. в деревне состоялось собрание и назначенный председатель колхоза сказал, чтобы никто не покидал свои дома и никуда из села не выезжал.

18 мая 1944 г. в 3 часа утра постучали, мама открыла дверь, зашли один офицер и два солдата и сказали, что нас выселяют из Крыма, нужно быстро собраться и выйти на окраину села. В дорогу разрешили взять с собой 20 кг. вещей и еду на 5-6 дней. Нас собрали на окраине деревни, домой не пускали. Просидели ночь на улице, с нами были вооруженные солдаты. Утром 19 мая подъехали грузовые машины, нас погрузили и повезли на станцию Ислям-Терек, там нас погрузили в товарные вагоны, где было ужасно тесно, даже прилечь не было места, ехали сидя. Не знаю, сколько было человек в вагоне. Туалета не было, воды тоже не было, когда поезд останавливался, все бегали, искали воду. Если кто-то хотел в туалет, ходили на горшок, а потом выливали в окно. Один раз в сутки давали какие-то крупяные супы, приносили воду и по кусочку хлеба. Никакого начальства, никакой помощи не видели. Помню, где-то в пути стреляли по вагонам. У нас в вагоне умер старик Асан агъа, ему было 105 лет, и младенец, не знаю, сколько ему было месяцев. Когда поезд останавливался, умерших заворачивали и оставляли в кустах или на краю дороги. Один парень потерялся, ушел искать, куда сходить в туалет и опоздал на поезд.

В дороге были 18 дней. 4 июня 1944 г. мы приехали в город Пермь (Молотов). Потом нас погрузили в баржи и плыли мы по реке Чусовой. Вечером нас привезли в Ветлянский леспромхоз Верхне-Городковского района, там мы просидели всю ночь, с нами был сопровождающий человек в гражданской форме. Утром 5 июня нас, как я помню, 380 человек, погрузили в открытые платформы, на которых как, оказалось, возят лес. Нас повезли в посёлок посреди леса - несколько барачков и назывался он Сырые Ветляны. Там нас поместили в бараки по 2 семьи в одну комнату. Куда бы то ни было выезжать и уходить не разрешали, был комендант, у которого всё взрослое население отмечалось. Начальником лесоучастка был башкирец Аитов Фаиз Абзалович. Всех от 15 лет и старше погнали на работу в лес, дали топоры и пилы, распределили по мастерам. Вручную пилили лес, а молодых ребят посылали грузить вагоны и вывозить лес из делянок на склад к вагонам. Иногда и нас посылали грузить вагоны. А если кто-то заболел и не мог выйти на работу, мастер Анна Якушева била. Как-то ночью пришли несколько человек и обыскали всех, забрали документы и даже Коран. Через 2-3 дня почти все заболели сыпным тифом. Молодой парень из деревни Койасан умер уже на 3 день после приезда. Люди умирали каждый день. Мы всей семьей, кроме тёти, лежали. Больницу открыли на 19 день, приехало много врачей. Мы пролежали 1-1,5 месяца, давали какие-то таблетки, всех остригли наголо, варили крапивный суп с какой-то крупой.

Никто ничего не строил и никто не предлагал, мы были как заключенные. Вокруг поселка была проволочная ограда, и стояли 4 башни для охраны. Всех без исключения погнали в лес работать. Питались мы, кто как мог, давали талоны на хлеб и в столовую, кто в лесу работал - 600 гр., кто на другой работе - 400 гр., а детям по 200 гр. Мы в столовую не ходили, брали сухим пайком. Перловку, картошки, капуста, масла и сахара никогда не видели.

Школу открыли на следующий год, учили на русском языке. Никаких учебных заведений не было, и никого никуда не пускали, только 2-3 парней, которым было по 17-18 лет, по согласованию с комендантом послали учиться на тракториста.

Сейчас живу в Ленинском районе, с. Ильичево, ул. Пушкина, 24.

У нас с мужем 4 сына и 1 дочь.

Хайхы Февзие Мемет-къызы, родилась в 1938 году в дер. Ускут Алуштинского района. Семья состояла из 4 человек: мать Анифе, я, сестры Райфе и Эминегуль.

В 3 часа ночи 18 мая 1944 года с криками и угрозами в дом ворвались два краснопогонника с автоматами. Они дали нам десять минут времени на сборы и сказали: “Еды берите только на три дня, потому что она вам не пригодится, все равно вас будут расстреливать”. Затем с криком и матом вытолкнули нас на улицу. Вот таким образом нас прогнали с родного дома. Мама растерялась, мы успели взять только шесть булок круглого хлеба, который мама испекла накануне.

Все население Ускута, а это старики, женщины и дети, НКВД-шники собрали на школьной площади, и опять с криками, оскорблениями, угрозами, толкая в спины автоматами, погрузили на грузовики. Через перевал “Алакат бугаз” нас повезли в Симферополь. Когда привезли на ж/д вокзал, окруженный автоматчиками грузовик задней частью плотно подогнали к вагону для перевозки скота, открыли борт машины, и загоняли народ в вагон как скот, толкая сзади автоматами. С двух сторон створа вагона тоже стояли автоматчики. Шум, крики, слезы и плач, люди искали друг друга: мать сына, дочь маму и т.п., а автоматчики всё загоняли людей в телячьи вагоны. Вагоны закрывались наглухо, дышать было невозможно.

Не знаю, сколько было людей, потому как вагоны делились на три части, и каждая из этих частей делилась по полкам (нарам), в нижней и в верхней части люди находились друг на друге. О воде не могло быть и речи. Там умирали, рожали, там же и оправлялись... .

В пути нас кормили, как им хотелось, но это происходило очень редко. Давали какую-то бурду, чтобы ее съесть, закрывали глаза и глотали. Никакого медицинского обслуживания не было, не задавали вопросы даже о состоянии здоровья больных, детей и беременных женщин, которые рожали в этих же вагонах. По пути умирало очень много людей. Умершие сутками оставались в вагонах. Во время остановок, если успевали, хоронили наспех или сбрасывали на пятиминутных остановках...

В дороге находились 19 суток. Привезли нас на станцию Хильково, гор. Бекабад Узбекской ССР. Со дня высылки до 1956 г. мы все считались спецпереселенцами и наши права и передвижение были ограничены. Родных искать было запрещено. С соседями общаться было нельзя. Любое перемещение было под контролем НКВД. Нарушителей приговаривали до 10-15 лет тюремного заключения.

Встретили нас в местах спецпоселения плохо: подвергали унижениям и оскорблениям «за предательство». Нашу семью поселили в землянке с другими 30-ю семьями. Спали на соломе. Не было ни света, ни окон, с двух сторон было открыто. Готовить было не в чем и на чем. Мы пользовались солдатским котелком, который нашла мама. Работали в основном на ГРЭСе, копали Фархадский водоканал вместе с заключенными. Чтобы выжить, приходилось много работать.

Воду нам привозили в бочках, а бочки накрывали вшивыми чапанами (халатами), и поэтому вода была со вшами, сливали воду в грязный бассейн и пили, процеживая. Пить было невозможно, но другого выхода не было. Ни стройматериалов, ни денег на строительство домов не давали.

В нашей семье выжили все. Работали изо всех сил, так как мужчин в нашей семье не было. Первого мая 1944 года отца забрали НКВД, обвинив его в членстве мусульманской общины.

Дети учились на русском языке.

Сейчас живу в своем родном селе с семьей: мужем, двумя сыновьями, тремя дочерьми, четырнадцатью внуками, один правнук.

Мой адрес: гор. Алушта, с. Приветное, (Ускут), ул. Горького 14-б.

ХАЛИЛОВА (Кешвединова) Алие, родилась в 1929 году, в гор. Севастополе.

Перед депортацией нас в семье было трое: мама (1909 г.р.), я и младший брат.

18 мая 1944 года ночью в дом вошли трое вооруженных солдат и приказали быстро собираться. На сборы дали 15 минут. Взять из дома ничего не разрешили. Мы были сильно напуганы, не знали, за что хвататься. Я схватила Коран, прижала к груди, мама собрала кое-какие пожитки, и мы под надзором солдат вышли во двор.

В то время мы жили в Симферополе по улице Турецкой, 10. В этом же дворе проживала семья 1-го секретаря Бахчисарайского райкома партии Вели Муртазаева. Он сам был на фронте. Его престарелая мать схватила кастрюлю с супом, которая осталась после ужина, и так и ходила с ней по двору.

До рассвета мы просидели в закрытом грязном вагоне. В них раньше, видимо, возили скот. В каждом вагоне было около 100 человек, мы все сидели друг на друге. Условия были ужасные: ни воды, ни туалета, никакого медицинского обслуживания. Иногда кормили сухой воблой, от которой ужасно хотелось пить.

Всю дорогу нас сопровождали вооруженные солдаты, которые издевались, как хотели. Ведь им внушили, что мы не люди, а звери, фашисты, предатели.

В нашем вагоне умерло пять человек. Их трупы выбрасывали в поле, не давая хоронить. Был случай, когда на станции мальчик из нашего поезда побежал за водой. Поезд тронулся, а он не пришел, его мама долго и истошно кричала.

В пути пробыли, наверное, около месяца. Нас привезли на станцию Велико-Алексеевка Ташкентской области Узбекистана. Потом нашу семью повезли в колхоз им. Ленина, где поселили в конюшне. Нас там было 10 семей. Спали на земляном полу. Работали на хлопковом поле. Мы не имели права выезжать за пределы колхоза. Документов у нас не было (их заранее забрали), взамен дали справки. До 1953 г. ходили отмечаться в комендатуру.

Местные жители встретили нас очень плохо. Наиболее отсталые сначала боялись нас. До нашего прибытия им сказали, что привезут нелюдей, одноглазых, страшных уродов. Бригадир же на хлопковых полях издевались, избивали камчой (плеткой) детей. Местные жители вскоре стали доброжелательно относиться к нам, но представители власти еще долго оскорбляли, издевались над нами. Коменданты насильовали наших девушек, женщин.

Мой братишка умер в 15-ти летнем возрасте.

В школу нас не брали. Говорили, что учиться нам не надо, так как мы предатели. Нам до 1956 г. не разрешали учиться в техникумах и вузах. Нашим образованным соотечественникам не разрешалось работать на ответственных (даже незначительных) постах. Наш знакомый, грамотный и образованный человек, работал на земляных работах.

Мой адрес: город Джанкой, улица Удовицкого, 28.

Халикова Зульфие, родилась 1 октября 1939 г. в деревне Мамашай (Севастополь).

Дни депортации я не помню. Но мама рассказывала, когда их вытолкали во двор, дверь замкнули. Мама закричала солдатам, что в кроватке остался ребенок и рвалась в дом, а они её штыками отталкивали. Тогда она как львица начала на них нападать, они открыли дверь.

Когда прибыли на место депортации, помню как девочки в длинных платьях и закрытые платками, из-за угла забрасывали меня камнями и кричали: «штансыз урус» («бесштантный русский»). Спали мы на улице в ряд, а утром рано приезжал управляющий на коне и прямо наезжая на ноги, бил всех кнутом и кричал, что пора на работу.

Проживаю в Нижнегорском районе, пгт. Нижнегорское, ул. Шевченко, 7.

Хутмерова (Куртмететова) Альмешерфе Аблятифовна, родилась в 1933 году в дер. Кутлак Судакского района Крымской АССР.

Состав семьи: отец Аблятиф Куртмететов, мать Эмине, сестры Фатиме (1922 г.р.), Хатидже (1927 г.р.), Шефиха (1937 г.р.), Афизе (1944 г.р.) и братья Мемет (1925 г.р.), Смаил (1931 г.р.). Перед высылкой всех юношей и мужчин среднего возраста (там был и Мемет) забрали в трудармию.

Рано утром 18 мая 1944 года нашу семью разбудил сосед криками: “Что, вы спите еще? Все село пустое, всех уже вывезли!” Мы все выбежали на улицу. Во дворе стояли вооружённые солдаты. Их было трое: два рядовых солдата и один офицер. Они дали час времени на сборы. Велели взять всё самое необходимое. Отец и мать растерялись. Мама к тому же была больная, только родила, ребенку восемнадцать дней. Все забегали, перебирая по дому вещи, выбирая самое необходимое. В легене (таз) подошло тесто. Стараясь взять в дорогу хоть немного хлеба, это тесто кусками разложили прямо на плите.

Я увидела, что коровы во дворе без воды, схватила ведра и побежала к колодцу. Колодец был у подножия горы, но я до него не добежала. Меня остановила пулеметная очередь. На склонах гор вокруг села стояли цепью вооруженные солдаты. Я вернулась без воды и все время переживала, что не смогла напоить животных.

Нас всех выгнали на улицу, а окна и двери забили досками. Мать вспомнила, что не взяла сахар для маленького ребенка. Мы все слезно умоляли разрешить войти в дом и взять эти полкило сахара. Наконец, офицер все-таки разрешил, я пролезла в окно и взяла мешочек.

Нас всех собрали на площади около шоссе. То, что взяли, привезли на повозке. На площади было раскидано много вещей, солдаты перебирали эти вещи и сортировали. Стали проверять наши вещи, все, что мы привезли, откинули в сторону. Запомнилась такая картина: патефоны были тогда роскошью. Прямо на земле стоял заведенный кем-то патефон и громко играла песня: “Озен ичи туземлик бу не хадар гузеллик”. К патефону подошел солдат и матерно выругавшись, пнул патефон. Песня умолкла... Рядом с патефоном лежала коробочка с пластинками. С улюлюканьем солдаты стали швырять эти пластинки, соревнуясь, кто дальше закинет.

В это время подъехал военный грузовик, крытый брезентом. В одну машину сажали 5-6 семей. Велели грузиться и нам, взять из вещей практически ничего не разрешили. Родители кладут в кузов, а солдаты выкидывают. Видя такой ужас, мама в голос зарыдала. Особенно рьяно в своей жестокости старался один рядовой солдат, который из кожи вон лез, отбирая вещи. Видя это, офицер (дай Бог ему здоровья, если он жив), отозвал солдата в сторону и направил его куда-то с поручением, а потом подошёл к матери и сказал: “Слушай, мать! У тебя 15 минут, выпотроши все матрацы и подушки, а наволочки замотай на детей под одежду, на месте набьете чем-нибудь”. Мать и сестра быстро стали наматывать все тряпки на нас, детей, и на себя, удалось таким образом взять с собой несколько новых отрезков, которые спасли нас на местах высылки в первое время от голода. Сестра очень хотела взять ручную швейную машинку, но ее отобрал шофер грузовика, положив к себе в кабину.

Нас посадили в грузовик и повезли на ж/д станцию гор. Феодосия в сопровождении двух вооруженных солдат.

В Феодосии нас погрузили в товарные вагоны. Двери вагона располагались по центру. По обе стороны от дверей вагона были встроены широкие двухъярусные нары, и на весь вагон 2 маленьких зарешеченных окошка. Туалета в вагоне не было. Так как у нас в семье был новорожденный ребёнок, этот же офицер разрешил взять небольшой тазик (леген) и кувшин (къуман). Малые дети справляли малую нужду в тазик, а взрослые ждали, когда остановится поезд. Благо, поезд останавливался часто, но никто не знал, сколько он будет стоять, не объявляли, то он стоял временами целый день, то – несколько минут. Из-за этого часто случались трагедии. Люди выскакивали по нужде, а заскочить назад не успевали, что с ними было потом – никто не знает.

С нами в одном вагоне ехала женщина из нашего села, фамилия – Маштакова. Эта женщина (Алла рахмет эйлесин!), муж которой был в трудармии, ехала со своими восемью детьми. Когда в очередной раз поезд остановился на открытом месте, она вышла справить нужду, притулиться негде, она залезла под вагон, и в это время поезд тронулся, она кинулась под колёса, успела выбросить туловище, а ноги остались под колёсами. Дети смотрели в окно в ожидании матери и видели как их мать, пока ещё живая, осталась лежать на земле. Из этих восьмерых детей в дальнейшем выжили только двое – мальчик и девочка....

Было и так, что поезд долго не останавливался, тогда взрослые завешивали угол вагона материей, оправлялись в литровую банку, а затем выливали через окошко. Это была моральная травма, страшная для женщин-мусульманок.

В дороге пробыли два месяца. Первый месяц люди перебивались тем, что смогли взять с собой. Со второго месяца следования стали выдавать сухой паек. По нашему вагону старшим был выбран отец. Он получал пайки и раздавал всем в вагоне.

Если людям по нужде негде было оправиться, то о каком медицинском обслуживании могла идти речь?

Мертвых оставляли вдоль дороги, иногда конвоиры их усаживали, прислонив к деревьям и, говорили, что их посадили, потому что мусульман хоронят в положении сидя. Это, конечно же, было издевательством.

Мама в дорогу взяла с собой бутылочку керосина, смазывала им головы детей, благодаря этому из поезда наша семья вышла без вшей.

Через два месяца мы оказались в Молотовской области. Здесь нас пересадили на длинные баржи, и пароход под названием “Вышхим” потянул нас против течения по реке Кама к ее верховьям до гор. Красновишерск. На палубе длинной баржи семьи расположились вдоль бортов, середина оставалась пустой и по этому пустому проходу полчищами ползали вши. Мама всячески оберегала нас от завшивления, но скоро гниды одолели всех. Помню, черный шерстяной чулок отца стал беловато-серым от гнид.

Двое суток мы двигались по реке. По месту прибытия нам выдали сухой паек, пересадили на другую баржу, продолжившей путь к верховьям реки Вишера. Через несколько дней нас, шесть семей, высадили в деревне “Гостиный остров”. Местные люди стояли толпой. Я помню, что одна женщина ела что-то, как будто грызла семечки. Это был жареный овес. Потом и мы ели это “лакомство” с удовольствием. Но когда мама, высадившись на берег заплакала, женщина сказала: “Не плачь женщина! Все равно твоих детей здесь сожрут медведи”. Я запомнила на всю жизнь весь этот ужас. Людей встречали комендант и какой-то человек, наверное, директор леспромхоза. Расселяли в пустые деревянные дома по 2-3 семьи в зависимости от количества. Нас поселили в половине дома. Эта половина состояла из одной большой комнаты, половину которой занимала печка. Щели между бревнами были забиты полчищами клопов.

На следующий же день трудоспособных женщин, мужчин, подростков погнали на работу в тайгу на лесоповал. Предварительно всем выдали по паре лаптей, которых хватало только на один день. Лапти выдавали каждый день, а затем их стоимость высчитывали из заработной платы. Работали по 12 часов, но с условием, что норма должна быть обязательно выполнена.

Вечером после работы, не заходя домой, шли в комендатуру, чтобы подписаться о невыезде и соблюдении комендантского режима.

Нельзя было даже навестить своих близких в соседнем селе. Люди работали голодные, раздетые, умирали прямо на лесных участках, замерзали. Одинокие старики и сироты умерли сразу. Продуктов выдавали мало, на каждого члена семьи по карточкам. Наша семья выжила благодаря находчивости и трудолюбию отца. Сразу же по приезду, он обменял свой единственный костюм на козу. И эта коза спасла нас от голода. Мать варила крапиву и другие съедобные лесные травы в воде, разбавляя это варево небольшим количеством козьего молока. Так мы выжили первый год. Через год тем, кто остался в живых, стали выдавать продукты на каждого члена семьи (муку и горох). Стало немного легче.

Старшая сестра Фатиме окончила в Крыму Ялтинский педагогический рабфак, но получить документы не успела, помешала война, а затем высылка. Ее взяли на работу учительницей – обучать детей спецпереселенцев. Она не проработала и год, ее уволили, мотивируя тем, что спецпереселенцам работать учителями нельзя и послали работать на лесоповал. Без одежды она простудила почки и в возрасте 45 лет умерла.

В начале 50-х годов стало немного легче, открылась вольная торговля. Весной в половодье приходили пароходы и завозили на весь год продукты, так как летом река становилась не судоходной для пароходов. Летом по реке ходили только катера и лодки. Зимой река замерзала – становилась зимней дорогой, по которой ходили обозы саней. Разрешили перемещаться в границах района. Молодежь сразу стала уезжать в гор. Красновишерск учиться в ФЗУ. Они сооружали самодельные плоты и плыли на них вниз по течению реки Вишера. На учебу приняли только брата Смаила, а остальные вернулись в село. Когда брат закончил ФЗУ, его направили на работу на строительство магниевого завода. В 1954 г. по вызову через комендатуру брат получил разрешение взять к себе родителей. Так мы оказались в гор. Березняки. Через два года мы получили свободу. Это было в 1956 г.

Старший брат Мемет, которого из трудармии принудительно направили на урановые рудники гор. Майли-Сай (Киргизия), заболел. Из-за его болезни семье срочно пришлось перебраться в Узбекистан. На шахтах брат заболел силикозом.

Я в 1952 г. вышла замуж за Сулеймана Хутмерова. Через год родила сына. В Узбекистан к родителям смогла переехать только в 1959 г. с мужем и тремя детьми.

На Урале у родителей родились еще двое детей. Мальчик Энвер (умер от воспаления легких) и сестренка Зеляха, которая жива и сейчас уже стала бабушкой.

Мои воспоминания записала сестренка Афизе Курметова-Булатова, та, которой было 18 дней, когда депортировали крымских татар.

Проживаю в селе Виноградное Ленинского района.

ЧЕЛЕБИ (Кенжалиева) Гульнара Камиловна, родилась 31 января 1941 года в гор. Симферополе и с семьей проживала по улице Краснознаменной, дом 66. Состав семьи: мама – Ава Бекирова (1921 г.р.), я и братишка Эдем 1943 или 1944 г.р. (Точную дату его рождения не помню, умер в 1944 г. на Урале).

15 мая 1944 года отец Кемал, дядя Осман с сыном Юнусом, дедушка по матери Бекир Краметчи с сыном Ризой, тетя Тотай Мустафаева с мужем Бахшиш и сыном Ильяс поехали в дер. Чокурча за своими вещами. Дорога шла через лес, они попали в перестрелку и погибли. Узнав о случившемся, мама с племянником Ваджипом Мустафаевым пошли в лес, чтобы похоронить родных. В лесу их поймали красноармейцы, привели к офицеру, который приказал моих родных расстрелять, как дезертиров. Мама показала свою партизанскую книжку, офицер не поверил. В тот момент мимо проходил мамин отряд. Офицер спросил у партизан, знают ли они эту женщину – все промолчали. Только одна девочка подбежала к маме с криком “Тетя Ава!” Только тогда офицер поверил маме и тут же объявил о высылке за измену Родине всех крымских татар из Крыма. Посадил ее вместе с племянником в машину и отправил на вокзал в Симферополь. Она успела сесть в последний эшелон, который отправился в Узбекистан, а мы, ее дети – на Урал. В дороге, где-то под Сталинградом, мама нашла нас.

Рано утром 18 мая 1944 года красноармейцы прикладами били в двери и выгоняли сонных жителей из дома, на сборы давали 15-20 минут. Взрослые в первую очередь хватались за детей, думая, что ведут на расстрел. Мы успели взять небольшой узелок с едой. Вооруженные солдаты сопровождали нас на Симферопольский железнодорожный вокзал. Там всех погрузили, как скотину, во вшивые товарные вагоны. Воду добывали на больших станциях, туалетом служила железнодорожная насыпь. Вагон был набит людьми до отказа. Медицинского обслуживания не было. Умерших в пути оставляли у железной дороги, забрасывая ветками. Хоронить не разрешали.

По пути на Урал нас кормили один раз в сутки жидким супом или сухим пайком – хлебом.

Пробыли в пути около месяца. Привели нас в город Туринск Свердловской области. Работали на лесоповале целлюлозно-бумажного комбината Уральского завода №3. До 1953 г. свободное перемещение по району разрешалось лишь по вызову и только с разрешения коменданта, который был очень жестоким человеком. Коменданта без одной ноги никогда не видели трезвым. Бывший офицер, он все время обзывал крымских татар “предателями”.

5 марта 1953 г., в день смерти Сталина у нас в школе объявили о трауре, все плакали. Депортированные жили в двухэтажных домах. Пришла домой, никто из родных не плачет. Спросила об этом у соседа-грека Афанасия Радо. Он мне ответил: “Мы, деточка, оплакали свое в мае 1944 года”. Посадил нас, детей, и объяснил, почему мы живем на Урале, и какая была у нас прекрасная родина Крым.

В школе дети обучались на русском языке. Поступить в институт в те годы было почти невозможно.

Мама живет в г. Алмалык Ташкентской области Узбекистана.

Я живу по адресу: город Алушта, село Приветное, улица Белогорская, 22.

Чийгоз (Буджурова) Алие Абдураимовна, родилась в 1941 году в д. Корбек Алуштинского района. Состав семьи: бабушка Гульсум, отец Абдураим (1906), мама Айше (1914), брат Эдем (1932), брат Ниязи (1936), сестра Наджие (1938) и я.

18 мая 1944 года в 2 часа ночи постучали вооружённые солдаты. Мама уже раньше слышала о том, что нас будут высылать и, на всякий случай, сшила 2 матраса из детских вещей и тканей, приготовила маленький чемодан с документами и какими-то ценными вещами, мешок с едой. На сборы дали 10 минут. Детей и стариков посадили на арбу, а женщины и дети постарше шли пешком до места сборов. В Симферополе на вокзале стали грузить в товарные вагоны. Вагон был набит битком. Это были грязные вагоны, где раньше возили скот. Кормили всего несколько раз за весь путь. Медобслуживания не было. Ехали около 20-24 дней.

Привезли в Узбекистан, Самаркандскую область, село Булунгур. До 1956 г. даже на вокзал было ходить небезопасно, могли посадить на 25 лет. Таких случаев было немало. Власти нас морили голодом, издевались, как могли, отправляли на непосильный труд. Жили в бараках. В 1945-1946 гг. отец работал в школе-интернате, но потом по анонимному письму за антисоветчину его посадили на 9 лет в тюрьму. В 1946 г. родилась Алиме, до 5 лет она не ходила и была истощённой. Мама до 5 лет кормила её грудью. Мама работала в школе техничкой. Брат Эдем работал на сахарном заводе плотником и кочегаром. В первый же год от горя и перемены климата умерла бабушка Гульсум. В школе учились на русском и узбекском языках.

Живу в Бахчисарайском районе, с. Долинное, ул. Вишневая, 14.

Чули (Базарлы) Рукие Мамут, родилась в 1926 году в селе Кызылташ (Краснокаменка) Ялтинского района.

За 15-20 дней до депортации один военный ходил по домам и записывал состав семьи. В нашей семье было 6 человек: мама, папа, я, сестра Нурие 15 лет, младшие братья Ремзи 12 лет и Ниязи 6 лет.

17 мая 1944 года после завтрака я взяла цапку и пошла в огород окучивать кукурузу. Наш огород находился возле дороги. Я начала работать, вдруг возле меня появился солдат и стал говорить со мною на тюркском языке. Это был или узбек или азербайджанец. Он сказал, что

завтра нас будут выселять и тут же ушёл. Я думала, что он шутит. Дома об этом никому не сказала. Вечером, как всегда, легли спать.

Где-то в 3 часа ночи, отец выходил во двор. Вернувшись, сообщил, что на соседней улице Османа ага выгнали из дома с семьёй, и они сидят на улице с узелками. Мы не успели опомниться, как и в нашу дверь постучали. На пороге стоял высокий военный, который 3 недели назад ходил и записывал нас. С ним были два солдата с винтовками. Военный развернул бумагу и начал читать. Он зачитал, что государство нами недоволено, мы очень обидели советскую власть и поэтому нас переселяют на другое место жительства. Дали нам на сборы 15 минут. Сказали: «Берите всё, что сможете, кроме мебели». Мама взяла одеяло, подушки, одежду, чайник, тазик, кастрюлю и ведро. Нас погнали в центр села, где было много народу. Оттуда нас погнали дальше от села на виноградники. Тут же одна женщина умерла от стресса.

На рассвете подъехали машины и начали нас вывозить в сторону Ялты. Вначале думали, что нас погрузят на баржи и утопят, а если завернут в лес, то, значит, там всех нас расстреляют. Однако этого не произошло, нас через лес повезли на станцию Сюрень и погрузили в вагоны. В этих грязных вагонах с обеих сторон были деревянные нары. Было очень тесно. Не было ни воды, ни туалета. Нас почти не кормили. В пути мы перетирали каждое зёрнышко, и когда останавливался поезд, мы пытались что-то из этого сварить. Но только ставили кастрюлю на огонь, который разводили из колючек, раздавался крик: «По вагонам!». Мы хватали кастрюлю с недоваренной пищей и бежали в поезд. Только когда подъехали к Казахстану, нам сказали приготовить посуду, тут нам дали что-то вроде супа. Медицинского обслуживания не было. По дороге в вагоне никто не умер, только одна женщина, когда поезд тронулся, попала под колёса - ей отрезало обе ноги.

В пути были более 19 дней. Привезли нас в город Бекабад, станция Хилкова. Отправили в баню. Потом приехали какие-то люди на машинах и отвезли нас на окраину города. Это место называлось 9-й участок. Кругом была грязь, вонь и антисанитария. Здесь тянулись три ряда землянок, где до нас находились немецкие пленные. Дверей и окон там не было. В нашей землянке поселились 7 семей.

На второй день приехали представители с гравийного завода и предложили работу желающим. Я с отцом и 15-ти летней сестрой пошли работать. Отец возил на арбе хлеб рабочим. Сестра носила им воду, а меня определили на железную дорогу. Мы с бригадой трамбовали гравий. В августе меня перевели на формовку кирпича. Я, моя одноклассница Урие Велиулаева и Шерие из Гаспры с вечера копали землю, замачивали её водой и делали глину. Потом из неё делали кирпичи весом 20-25 кг и тащили их за 100 метров. Лично я делала за день по 400-450 кирпичей. Конечно, это был рабский труд, да ещё на голодный желудок...

11 апреля 1945 г. умерла мама. Ей было всего 42 года. Умерших людей выносили из палат на носилках в морг и сваливали друг на друга штабелями. В основном хоронили в общих могилах по несколько человек.

Все наши дети учились на русском языке.

Проживаю в г. Симферополь, м/р-н Ак-Мечеть, ул. Намус, 3.

Эсатова Шевкие Асановна, родилась в 1917 г. в гор. Алушта.

Состав семьи: отец – Асан Эсатов (1883 г.р.), мать – Гулизар (1892 г.р.), братья: Анафи (1913 г.р., разведчик, погиб в 1945 г.), Али (1914 г.р., погиб от ранения в 1944 г., похоронен в гор. Медичат, Венгрия), я, Шукри (1920 г.р., танкист, погиб в первые годы войны в гор. Житомире), Дервиш (1922г.р., умер в депортации) и сестра Бедрие (1924-2005).

В апреле 1944 г. сразу после освобождения Крыма от немецких захватчиков местные власти приходили переписывать состав семьи, но ни о чем не сообщили.

Рано утром 18 мая постучали в дверь, сказали: “Свои”. Открыли дверь – на пороге стоят солдаты с автоматами. Я пришла с двумя детьми (Замир 1939 г.р. и Земфира 1940 г.р.) в гости к матери. Мой муж Бекир Ислямов, 1913 г.р., был политработником, и немцы расстреляли его как партизана. Отец сидел в Мордовии в тюрьме. Его посадили при советской власти за то, что хотел построить мечеть в гор. Алуште...

На сборы дали 15 минут. Объявили: “Высылаем навсегда. Крым больше не увидите”. С солдатами зашел сосед, Степан, попросили его помочь нам, он отказался, но остался жить в нашей 4-комнатной квартире в гор. Алуште, по ул. Горького (недавно его дети продали нашу квартиру за 140 тыс. долларов США). Я попросила разрешения вернуться в свою квартиру, взять вещи, солдат меня проводил туда, но взять ничего не разрешил, закрыл дверь на ключ и повел назад. Вышла с пустыми руками, голая, босая. Мать успела взять только кастрюлю и Коран. В дороге, когда ели, ложки брали у соседей. Всех посадили на грузовую машину, привезли в Симферополь. Погрузили нас в грязные вагоны, кишасшие вшами после пленных.

Когда останавливался поезд, выходили в поле, в туалет. В пути на станциях, когда успевали, кормили, иногда давали сухую рыбу, часто не успевали кормить.

Умерших оставляли прямо на земле. Мамина сестра Эмине умерла в дороге. Нам ее не дали похоронить, так и осталась лежать на обочине дороги...

В пути пробыли 18-20 суток. Привезли нас в гор. Бекабад Узбекской ССР. Распределили по совхозам, нас – в 4-е отделение совхоз ГЭС. Выделили для проживания сарай, полный навоза. Позже перевезли в гор. Бекабад, поселили в землянках. Там умер сын Замир. Еще в Крыму фашист натравил на ребенка собаку, тот от страха упал, повредил кость. В Бекабаде отдала его в костно-туберкулезный санаторий. Умер в больнице (ходили слухи, что татарам делают уколы, от которых они умирают). Меня в больницу не пускали.

Все время существовал комендантский режим. Никого никуда не пускали. Через некоторое время обманом нас перевезли в Таджикистан, сказали, что везут в Крым. С поезда дочь посадили на ишака, мать и тетю – на бричку. Поселили в колхозе “Кызыл-Ай”. В одной комнате жили две семьи, девять человек.

Отношение местного населения к нам, депортированным, было разное. Одни издевались, некоторые жалели. Колхоз был бедный. Работали в поле, собирали хлопок.

Дети учились на русском языке, хотя переселяли из совхоза в совхоз четыре раза. В 1953 г. я стала работать по специальности, фармацевтом в аптеке при больнице поселка Вахского района. В Крыму в 1936 г. я закончила Ялтинский фармацевтический техникум.

В 1958г., когда разрешили свободное передвижение, переехала в гор. Курган-Тюбе Таджикской ССР. Сначала работала на аптечной базе, затем 18 лет проработала заведующей аптекой. Имею звание “Заслуженный работник здравоохранения”.

С 1956 г. начали учиться в техникумах, институтах. Но Земфиру не приняли в сельхозинститут из-за национальности. В 1959 г. она поступила в медучилище, в 1963 г. – в мединститут.

В 1990 г. вернулась на родину – в Крым. Второй муж – Юнус Азаматов, был в трудармии в Туле, затем в Кемерово, потом в Таджикистане. Дети от второго брака: Эмине Близарова, 1948 г.р., Али Азаматов, 1956 г.р., Асан Азаматов, 1959 г.р.

Ныне проживаю в с.Литвиненково, Белогорского района, ул. Комарова, 41.

Юнусова Зейнеб, родилась 28 января 1933 г. в деревне Лимена Ялтинского района.

Состав семьи: отец Юнусов Юсуф (1901), мать Шахзаде (по-девичьи Каракаш) (1904), дети Февзие (1925), Ильяс (1927), Аппаз (1930), я, Мелия (1937).

18 мая 1944 года утром в 5 часов, два солдата постучали в дверь и сказали: «Вас выселяют, 15 минут на сборы, взять еду на 3 дня, вещей, кто сколько сможет и собраться на площади». Бабушка упала в обморок, т.к. старшая сестра Февзие уехала с мужем в Симферополь. Во время депортации она попала на Урал, а наша семья в Узбекистан.

Нас погрузили в грузовые машины и в сопровождении вооруженных солдат повезли на станцию г. Симферополя. До самой Ялты за машиной, где мы ехали, бежала наша собака Дунай. В Симферополе погрузили в товарные вагоны. Товарный вагон № 18, в вагоне по 15-16 семей, вечером вагоны тронулись. Туалета и воды в вагоне не было. На остановках пекли лепешки на кострах. В начале пути не поили и не кормили. Затем стали давать по 100 гр. хлеба. Медицинской помощи не оказывали. В вагоне рожала женщина, моя мама принимала роды. Умерших оставляли на станциях. В дороге, возле Саратова бабушка отстала от поезда, успела сесть на другой поезд и на следующей станции ей удалось пересесть в свой поезд (солдаты над ней сжалились). Ехали 1 месяц. 18 июня приехали в г. Самарканд. На грузовых машинах привезли в с. Челек и распределили по колхозам. Приехал узбек на 2-х колесной арбе и отвез в колхоз «Узбекистон Хакикати». Нас поселили в доме, где не было ни полов, ни печки, был только сандал. На второй день сразу повели работать на хлопковое поле.

Основным видом работы была обработка хлопчатника. Тетю Эмине забили до смерти за то, что плохо работала (от голода ей плохо дышалось), она не смогла взять с собой еды (не разрешили при депортации, т.к. она была сестрой репрессированного председателя совнаркома Салединова Ибраима).

Ежемесячно ходили отмечаться в комендатуру. Однажды отец, без разрешения коменданта, поехал на похороны в соседнее село. За это его арестовали на 5 суток.

Учились на узбекском языке. После окончания 7 класса поступила в техникум в г. Самарканде. Всех кто решил поступать, под конвоем повезли в город на учебу. Никаких стройматериалов для строительства домов не давали.

В местах высылки умерли от голода 3 брата и бабушка.

Живу в Симферопольском районе, с. Пожарское, ул. Винницкая, №5.

(Со слов Юнусовой Зейнеб записала её дочь Зульфие Эмираджиева).

ЯКУБОВ Сеитхалил, родился 15 сентября 1927 года в г. Алушта. Отец Якуб Джемиль был репрессирован в 1938 г. Состав семьи: мама Сюдюс Бекир (1896-1967), братья Энвер (1920-1941), Сеитджемиль (1924-1991), младшие сестры Аджире (1932), Кериме (1935-1945) и я. С нами жил дядин сын Бекир (1928). Вечером 17 мая 1944 г. к нам пришла погостить тетя Зоре, ее сына немцы угнали на работу в Германию. Брат Сеитджемиль был на фронте.

В 2 часа ночи в дом громко постучали. Мама открыла дверь, а там 1 офицер и 2 солдата: «Вставайте, вас выселяют». Мама спросила: «Почему? Мой сын на фронте, он лейтенант-танкист». Офицер ответил: «Почему? Сталин знает. 10 минут вам на сборы. Возьмите с собой самое необходимое». Мы думали, что нас повезут на расстрел. Мама взяла две подушки, матрац и одеяло, 5-6 кг. муки, немного крупы. Дома кушать ничего не было, ведь только освободили Крым. Все имущество оставили дома и вышли.

Нас, всех жителей – крымских татар, собрали через дорогу возле татарской школы. Когда уже рассвело, погрузили в машины и отвезли на Симферопольский вокзал. Всю дорогу сопровождали вооруженные солдаты. На вокзале уже стояли телячьи вагоны. Нас, как скотину, загнали в эти вагоны и закрыли дверь. В вагоне было очень много людей. Никакой медицинской помощи в дороге не было. Воды, туалета также не было. В полу вагона пробили дырку, огородили занавеской и использовали как туалет. В нашем вагоне умерших не было.

18 дней были в пути. Привезли в Узбекистан, в Бекабад, на Фархадстрой, где строилась ГЭС. Местные жители встретили с криками «предатели», отворачивались от нас. Крымских татар поселили в землянках, где до этого жили военнопленные. В каждой землянке жили по 6-7 семей. На следующий же день детей и взрослых погнали на работы. Дали талон на питание: рабочим – 600 гр. хлеба, иждивенцам – 300 гр.

Мама с Бекиром работали на стройке, я – учеником на железобетонном заводе. К зиме всех из барачников переселили в дома, нашей семье выделили маленькую комнату.

В первую же зиму умерли от тифа тетя Зоре, потом сестренка Кериме. Для умершей тети мама сшила саван из одеяла, вытащив вату. Мы все переболели тифом, у меня отказали ноги. Долгое время не мог ходить. Только Бекир не заболел, он ходил за пайком, так и выжили. Когда заболела Аджире, ее отвезли в больницу, но на следующий день она оттуда сбежала, испугалась. В те годы очень много людей умирали в больницах. У врачей боялись брать лекарство. Ходили слухи, что делали уколы и умерщвляли наших людей. Некому было хоронить умерших. Взрослое мужское население или на фронте, или в трудармии, а у нас, к тому же всегда полуголодных детей, не было силы хоронить старших. Помню, возле реки Сырдарья стояло наше кладбище, вода все подтачивала берега и уносила похороненных.

В 1945 г. среди крымских татар прошел слух, что народ возвращают в Крым. Директор завода меня предупредил, чтобы не уезжали: «Это неправда. Вас отправляют на хлопковые поля». На площади г. Бекабада собрались очень много крымских татар. Нас посадили в вагоны и, вместо родного Крыма, привезли в Таджикистан, в г. Сталинабад. Затем посадили на узкоколейку и за 140 км. от города отвезли в районный центр Кагановичабад. На станции всех высадили и начали сортировать, распределять по разным колхозам, таким образом, разделили родственников. Нашу семью определили в колхоз «Шахтер». На вокзале я познакомился с высланными крымскими греками, немцами. Они мне рассказали, что в «Шахтере» очень тяжелые условия, местные жители умирают от голода. Мы с мамой и Бекиром убежали с вокзала, осталась Аджире с мешком вещей. Ее сажают на арбу, она

спрыгивает, плачет. Вместе с соседкой Урьяне и ее детьми осталась ночевать на вокзале. К ним, чтобы не сбежали, приставили часового. Глубокой ночью мы тайком забрали сестру. Нас собралось несколько семей и той же ночью пошли в колхоз им. Ворошилова. Рано утром пришли туда, а там бригадир приготовил большой казан супа, горячие лепешки. Накормили нас досыта. Так нас встретили на новом месте.

Я три месяца проучился на курсах трактористов. В Крыму закончил 5 классов и больше нигде не учился. В те годы учиться в техникуме, институте нашему народу почти невозможно было. Государство дала ссуду 3000 рублей, на эти деньги купили корову.

Каждый месяц ходили к коменданту на подписку о невыезде за пределы района, даже дети ходили. Сестра Аджире в Крыму закончила 3 класса, потом в депортации училась в школе на русском языке.

В 1950 г. женился на уроженке д. Буюк-Ламбат Гульнаре. С женой вырастили 6 детей: 3 дочерей и 3 сыновей. Сейчас в нашей большой семье уже 15 внуков и 3 правнука.

В 1990 г. вернулся в свой родной Крым.

Проживаю в Симферопольском районе,

Чистеньковский с/с, жилой квартал Сувук-Дере,

ул. В. Ибраимова, 1.

Якубова Лютфие, родилась 14 мая 1938 г. в городе Бахчисарае, ул. Южная 19. В семье было 7 детей и мама. Отца в январе 1944 года расстреляли немцы.

18 мая 1944 года в 5 часов утра стали стучать в двери. Мы открыли и увидели двух солдат с автоматами. Они сказали, что дают нам 5 минут времени на сборы. Не дали даже одеть чулки. Второпях успели собрать около 10 кг. продуктов. Заранее о депортации не знали. Никто ничего не говорил.

В Бахчисарае погрузили в вагоны, по 100 человек в каждый. В вагоне не было ни воды, ни туалета. В пути кормили один раз, и то какой-то бурдой. Никакого медицинского обслуживания не было. Умерших оставляли на остановках, хоронить не давали. Ехали в вагонах 18 суток. Привезли нас в г. Маргилан Ферганской области Узбекистана. Сначала жили в палатках, затем в общежитии. Даже на консультацию по болезни надо было брать разрешения комендатуры. Местные жители смотрели на нас как на зверей. Власти относились к нам очень строго. 1954 г. я закончила 7 классов русской школы и хотела поступить в медицинское училище, но комендатура не пустила. В 1957 г. дали участок для дома. С 9 лет работали на поле, затем на производстве. 9-летняя сестра умерла от солнечного удара.

Проживаю в г. Бахчисарае, ул. Чапаева, 46/6.

Яшлавская Нияр, родилась 20 марта 1927 г. в деревне Ханышкой Бахчисарайского района. В семье было 8 человек. Старшую сестру в 1941 году угнали в Германию.

18 мая 1944 года я ночевала у подруги Пемпе. Когда немцы сожгли их село, они бежали в наше село. У них было много детей. В нашем доме, в одной из комнат, в те дни жили 2 офицера, один из них с Кавказа. Когда он услышал, что меня зовут к подруге ночевать, сказал, чтобы я не ходила. Причину своих слов он собирался объяснить позже. Я не придавала его словам никакого значения.

Рано утром в дом Пемпе пришли солдаты с автоматами. Они сказали: «Поднимайте всех детей и через 15 минут выходите во двор». Сообщили, что нас выселяют. На сборы дали 15 минут. Привезли в Бахчисарай на вокзал и там прикладами затолкали всех в вагоны. В нашем вагоне было не менее 60 человек. В пути многие умирали от жажды. За все время два раза кормили болтушкой, которая доставалась не всем. На место назначения прибыли 10-го или 11-го июня. Попали в совхоз «Нарпай» Бухарской области. Жили в бараках, работали на хлопковых полях. Вещи и золотые часы мы поменяли на продукты. О медицинской помощи мы могли только мечтать. Тогда в день умирали по 25-30 человек. Их могилы разрывали шакалы. В нашей семье умерли отец, братишка и сестрѐнка. Моя мама заболела ужасной болезнью - пилагрой и хронической малярией.

Потом нас перевели в город Янгиюль, где предупредили, что за побег с мест депортации грозит 25 лет лишения свободы. Через некоторое время от болезни умерла сестрѐнка Хатидже. Никуда не разрешали ехать учиться. Я устроилась ученицей в бухгалтерию, это в 4 км. от нас. На работу шла пешком. За опоздание тогда давали 7 лет. Никакие дома или стройматериалы не выделялись. Через много лет люди сами стали делать из глины кирпичи и строить себе жильѐ.

Проживаю в Симферопольском районе, с. Журавлевка, ул. Мира 22-а.